Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 21—22 30 НОЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 74308. Москва. Тираж 71.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Путь оппозиционного блока.

Наша партия преодолела за период существования диктатуры пролетариата много внутрипартийных уклонов, пытавшихся стянуть партию с рельс ленинской политики.

Правда, выступая против ленинских принципов партийной политики, оппозиционные течения отнюдь не всегда делали это открыто и прямо. В первые годы диктатуры пролетариата, при жизни тов. Ленина, всякое принципиальное выступление против ленинизма встречало отпор со стороны самого тов. Ленина; таким образом, оппозиционные идеологи вынуждены были признавать и открыто демонстрировать антиленинский характер своих выступлений. После смерти тов. Ленина положение в этом отношении изменилось: всякое оппозиционное течение, учитывая, как глубоко осели в сознании партийных масс ленинские идеи, пытается свои антипартийные идеи прикрыть знаменем Ленина: ревизуя ленинизм или подбираясь к ревизии его, оппозиционные вожди проделывали это под видом «защиты» ленинизма.

Но суть-то этой «защиты», несомненно, заключается в борьбе с ленинскими принципами партийной организации и ленинскими принципами советской экономической политики.

После того, как партия осталась без Ленина, она выдержала и преодолела несколько оппозиционных нападений на принципы, практику и перспективы ленинской партийной политики.

В 1923 году партия вынуждена была вести борьбу с троцкистской оппозицией, которая в области организационной стремилась превратить партию из стальной большевистской единомыслящей и единодействующей организации в коалицию фракций с разной идеологией и своей особой дисциплиной; а в области экономической политики пыталась навязать партии такие принципы экономполитики и такие мероприятия, которые исходили из оценки крестьянства не как союзника, а как неизбежно и только враждебной пролетариату силы.

В соответствии с этим троцкистская оппозиция уже тогда наметила элементы «сверхиндустриалистской» теории, согласно которой промышленность должна развиваться не на основе сочетания промышленного и сельскохозяйственного строительства, а путем экономического подрыва сельского хозяйства, согласно

которой необходимо вступить на путь нажима, «эксплоатации» в отношении крестьянства.

Нет никакого сомнения в том, что эта авантюристическая политика разрыва рабоче-крестьянского блока теснейшим образом связывалась с утверждением о невозможности примирения противоречий между пролетариатом и крестьянством, с положением о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технико-экономической отсталости.

В 1924 году зашевелились осколки «рабочей» оппозиции, пытавшиеся нащупать почву для нелегальной фракционной работы в закавказском рабочем районе.

«Медведевщина» не нашла поддержки и оказалась идейно изолированной. По своему идейному содержанию «медведевщина» является, так сказать, вульгаризированным троцкизмом.

Тот же курс на срыв партийного единства, тот же курс на превращение единой монолитной большевистской партии в коалицию фракций,—с одной стороны, та же посылка о невозможности осуществления рабоче-крестьянского блока, тот же курс на «пожирание» крестьянских хозяйств и «индустриализацию» страны путем экономического подрыва массы крестьянских хозяйств—с другой стороны; то же неверие во внутренние силы революции и в возможность построения социализма в нашей стране.

Но, во-первых, медведевщина формулирует свои антиленинские идеи более грубо и откровенно, чем троцкизм, так, напр., говоря о невозможности осуществления рабоче-крестьянского союза, она прямо заключает об ошибочности перехода к новой экономической политике; во-вторых, из полагаемой ею недостаточности внутренних сил российской революции для построения социализма она делает выводы о широком привлечении концессионного капитала, сопряженном с большими материальными жертвами для диктатуры пролетариата.

Вместе с тем «рабочая» оппозиция этого времени доходит до таких антипартийных идей, как идея ликвидации Профинтерна, как меньшевистская оценка иностранных секций Коминтерна и т. д.

Вылазка «рабочей» оппозиции оказалась неудачной; рабочие-большевики не пошли за идеологами этого течения, представляющими вульгаризированный, угрубленный троцкизм.

В 1925 году внутри партии оформилась «новая оппозиция», возглавляемая тт. Каменевым и Зиновьевым. «Новая оппозиция», склонная к «ликвидаторскому безверию в социалистические пути нашего развития», по мере углубления своих ошибок, все больше приближалась к троцкизму, хотя и начала свою фракционную деятельность под лозунгом борьбы с якобы «полутроцкистским» ЦК. Это приближение к троцкизму шло по трем основным линиям.

Во-первых, «новая оппозиция» изменила ленинским организационно-партийным принципам и стала защищать теорию и практику фракций и группировок. Тов. Зиновьев на XIV партийном с'езде даже заявил от имени оппозиции, что самый лучший способ урегулирования внутрипартийных отношений он видит в привлечении к руководству партией «всех сил всех бывших групп в нашей партии».

Во-вторых, идеологи «новой оппозиции», вслед за Троцким, обнаружили недооценку роли середняка в деревне и значения ленинского лозунга о заключении прочного союза с середняком.

Это отклонение от ленинского курса было подготовлено такими оценками внутридеревенских отношений, в которых середняк изображался уже почти «вымытым» процессом капиталистического развития в деревне.

В-третьих, переоценивая враждебные пролетариату силы, выразив сомнение в социалистическом характере государственной промышленности, изобразив последнюю видом госкапитализма, отвергнув ленинский план приобщения деревни к социализму через кооперацию, и изобразив НЭП как сплошное отступление,— «новая оппозиция» неизбежно должна была скатиться и скатилась к утверждению о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технико-экономической отсталости, из-за количественного преобладания крестьянства в населении страны. Но как известно, это утверждение было одним из основных элементов троцкизма. Новая оппозиция потерпела на XIV партийном с'езде жестокое поражение.

Таким образом, все эти три антиленинских течения внутри нашей партии—«рабочая» оппозиция, троцкизм, «новая оппозиция»—имели родственные идейные основы. Это было первой предпосылкой их об'единения в оппозиционный блок.

С другой стороны, притязания всех этих течений, каждого по отдельности, были отвергнуты партией; все эти антиленинские течения внутри ВКП(б) не имели поддержки в партийных массах и поэтому стремились возместить отсутствие поддержки со стороны партийных масс взаимной поддержкой, об'единением, блокированием. Такова вторая предпосылка оппозиционного блока.

Выступив против партии и не отказавшись после поражения от своих взглядов, идеологи этих течений взяли курс на об'единение своих сил, при чем роль идейного гегемона в этом об'единении играл, несомненно, троцкизм.

История образования и оформления оппозиционного блока в основном есть история приближения к троцкизму, ската к

троцкизму «новой оппозиции» и история прилаживания к троцкизму «рабочей» оппозиции.

Если на апрельском пленуме ЦК «новая оппозиция», в лице тов. Каменева, еще считала необходимым, хотя бы на словах, отмежеваться от идеологических позиций троцкизма 1923 года,— то на июльском пленуме ЦК «новая оппозиция» целиком и полностью капитулировала перед троцкизмом, признав, что троцкизм в 1923 году правильно намечал перспективы партийного развития. Одновременно с этим т. Шляпников своей статьей в «Большевике» попытался «причесать» ликвидаторскую концепцию тов. Медведева, дабы она выглядела совсем по-троцкистски: вульгарный троцкизм он пытался превратить в троцкизм «культурный».

Об'ятые об'единительной лихорадкой «ведущие» элементы блока не остановились даже перед тем, чтобы присоединить к себе такого оппозиционного «лидера», каким является ликвидатор Оссовский.

В недрах Коминтерна оппозиционный блок идейно вооружил против партии и такие правые элементы, как Суварин и такие ультра-правые элементы как Корш и др., выступающие под прикрытием левой фразы.

Моменты разногласий предусмотрительно устранялись,—все составные элементы оппозиционного блока в целях мобилизации и об'единения своих сил против партии стремились добиться полнейшего идейного единства. Когда в результате этих усилий об'единение было нащупано, оппозиционный блок решил дать бой партии перед XV партийной конференцией. Жалкие результаты этой попытки общеизвестны: оппозиционный блок потэрпел жесточайшее поражение,—многочисленные партийные собрания единодушно или почти единодушно осудили и оппозиционную идеологию и фракционные методы «работы» оппозиции. Единодушное осуждение встретил оппозиционный блок и со стороны наших братских коммунистических партий, со стороны всего Коминтерна.

Как же себя повели идеологи оппозиционного блока после того, как оппозиция потерпела поражение?

Они прежде всего, вынуждены были признать преступность и ошибочность своей фракционной политики, направленной против партии. Они вынуждены были далее отмежеваться от наиболее пахнущих оппортунизмом ответвлений оппозиционной идеологии (медведевщины, оссовщины, коршевщины). Но они не признали ошибочности и социал-демократического характера представленных ими антиленинских политических тенденций.

На XV партийной конференции устами тт. Троцкого и Каменева они заявили, что они иначе, чем Ленин, понимают характер и движущие силы нашей революции.

В предшествующих дискуссиях партия подчеркнула, что крупнейшие ошибки троцкизма находятся в той или иной связи с троцкистской теорией «перманентной революции», что эта теория дает такую оценку соотношения и динамики классовых сил в революции, которая представляет социал-демократический уклон и на основе которой нельзя дать ленинского разрешения основных проблем партийной политики.

Партия указала далее и на то, что последние ошибки тт. Каменева и Зиновьева, связаны с их идейной позицией в октябре 1917 г., когда они в своих политических оценках и выводах тоже обнаружили крен в сторону социал-демократизма.

Непосредственно перед партийной конференцией т. Сталин в проекте резолюции об оппозиционном блоке подчеркнул, что именно наличие этих социал-демократических тенденций в 1917 г. и у Троцкого и у главных идеологов «новой оппозиции» облегчило им «закономерную» встречу в 1926 году.

Выступления тт. Каменева и Троцкого на XV партийной конференции блестяще подтвердили эту оценку.

Тов. Троцкий выступал на XV партийной конференции в защиту своей теории «перманентной революции», а т. Каменевым была проявлена тенденция вновь навязать партии свою полуменьшевистскую оценку нашей революции, не как социалистической революции, переросшей буржуазно-демократическую, а как буржуазно-демократической.

Это есть основной политический итог борьбы оппозиционного блока против партии.

Этот итог определяет и перспективы отношений партии к оппозиции.

Поскольку оппозиция вновь и вновь пытается фальсифицировать ленинизм, поскольку она его революционному существу противопоставляет тенденции социал-демократического порядка, постольку партия должна вести серьезнейшую идейную борьбу с социал-демократическим уклоном.

Это есть наша ближайшая и серьезнейшая внутрипартийная задача, разрешение которой гарантирует единство партии на ленинской идейной основе.

Э. Гольденберг.

Хозяйственный вопрос на XV конференции.

Постановка и обсуждение хозяйственного вопроса на XV конференции носят на себе яркую печать той новой, строительной полосы, в которую вступило наше развитие. Индустриализация, создание материальной и социальной базы коммунистического общества, являющееся основным содержанием этой полосы, ставит перед партией и рабочим классом ряд новых задач: хозяйственный аппарат должен быть приспособлен к изменившейся хозяйственной обстановке, должны быть изысканы новые источники накопления, должны быть найдены новые методы концентрации свободных средств всей страны в ее индустриальном ядре. Завершение т. н. «восстановительного» процесса, означающее исчерпание старых основных фондов, делает центральной для нас проблему капитальных затрат, проблему нового капитального строительства. Ее необходимо, однако, разрешать таким образом, чтобы не было нарушено равновесие всего народного хозяйства в целом, и равновесие его промышленного и сельско-хозяйственного элементов в первую очередь. Именно в этом заключается специфическая, неизвестная ни одной другой общественной системе кроме нашей, сложность и особенность стоящей перед нами задачи.

I. Что осталось от хозяйственной программы оппозиции к XV конференции?

XV конференции предшествовало свыше 9 месяцев напряженной борьбы с оппозицией, ожесточенных споров, в центре которых стояли вопросы экономической политики. Тем более замечательно, что по докладу о хозяйственном положении представители оппозиционного блока не смогли сказать ни одного слова. На прямые приглашения выступить и высказаться блок оппозиционных вождей счел за лучшее ответить «фигурой умолчания».

Менее трех месяцев отделяет XV конференцию от июльского пленума ЦК. Но и этого краткого срока оказалось достаточным, чтобы сделать очевидным для всякого полное банкротство хозяйственной—как и всякой другой—программы оппозиции. Жизнь не оставила камня на камне от ее практических

предложений. Расчеты нажить политический капитал бросанием демагогических лозунгов о зарплате, подыгрыванием к наиболее отсталым слоям рабочих не оправдались. Не оправдались и предсказания о «повторении в расширенном масштабе» затруднений минувшего года. Что еще, кроме «фигуры умолчания», оставалось у блока оппозиционных вождей?

Всем еще памятно, как под гром оппозиционных фанфар, на апрельском и июльском пленумах ЦК и ЦКК тт. Троцкий, Каменев, Пятаков пытались уверить партию, что в результате неверной, непролетарской политики Центрального Комитета лозунг индустриализации, данный XIV с'ездом, остался на бумаге, что на деле вместо индустриализации у нас налицо дальнейшая аграризация нашей и без того крестьянской страны. Ссылка на то, что до сих пор рост промышленности у нас шел темпом почти в пять раз более быстрым, чем сельское хозяйство, что промышленность с 1923 по 1926 г. увеличила свою продукцию на 170% в то время, как сельское хозяйство—только на 36%, отводилась оппозиционерами как бездоказательная. Они утверждали, что такой темп промышленного роста был возможен лишь на основе старого, уже имеющегося основного капитала. С исчерпанием его ресурсов, когда развертывание промышленности упирается в новое строительство, мы неизбежно должны сесть; если мы не изменим радикально нашу налоговую политику, нашу политику цен, промышленность в новых условиях, созданных завершением восстановительного процесса, не в состоянии будет угнаться за сельским хозяйством. Соотношение темпов роста промышленности и сельского хозяйства в восстановительный период не должно нас обманывать. Политика ЦК ведет к аграризации.

Так пророчествовал блок оппозиционных вождей. С присущим им суверенным презрением к фактам и цифрам они даже не пытались обосновать свои пророчества как-либо иначе помимо общих рассуждений и восклицательных знаков.

Но меньше всего в таких вопросах можно аргументировать восклицательными знаками. Если даже принять, что соотношение промышленного и сельскохозяйственного темпов в истекшие годы было возможно, главным образом, благодаря наличию готового и неиспользованного основного капитала [1]), то какие все же имеются основания предполагать, что в новых условиях, созданных завершением восстановительного процесса, сельское хозяйство будет обгонять промышленность? Какие имеются основания утверждать, что политика ЦК препятствует, срывает реконструкцию нашего хозяйства под знаком его индустриализации?

Никаких. Соотношение промышленности и сельского хозяйства, как известно, в последнем счете решается соотношением их основных капиталов. Темп производства в будущем определяется темпом накопления в настоящем. Согласно контрольным цифрам Госплана, на которые так охотно и часто ссылаются оппозиционные экономисты, ежегодный прирост основного ка-

---

[1]) Что было бы, однако, неверно, так как для использования имеющегося основного капитала надо было накопить оборотные средства. Темп восстановления, следовательно, определялся не только наличием готового основного капитала, но и темпом накопления оборотного капитала.

питала в сельском хозяйстве последние годы составляет 3,1%, между тем как прирост основного капитала промышленности в 1925—26 г. составил 9,5%, и, примерно, столько же составит и в 1926—27 г. Таким образом, промышленность оставляет далеко позади сельское хозяйство не только по линии темпа роста производства, но и по линии темпа роста накопления.

Решающим в вопросе о направлении развития нашего хозяйства, и, следовательно, о правильности или неправильности направляющей политики партии является распределение капиталонакопления страны между индустриальным и сельскохозяйственным секторами. Теоретически здесь возможно три случая: 1) большая часть всего капиталонакопления идет в сельское хозяйство, и таким образом закрепляется и воспроизводится на расширенной основе аграрный характер страны, 2) все капиталонакопление равномерно распределяется между индустриальным и сельскохозяйственным секторами; в аграрной стране это закрепляет и воспроизводит диспропорцию промышленности и сельского хозяйства; и, наконец, 3) большая часть всего капиталонакопления идет в индустриальный сектор. В этом случае аграрный характер страны преодолевается индустриализацией.

Как обстоит дело у нас? Мы заимствуем из контрольных цифр таблицу, передающую динамику вложений в основные фонды в СССР.

	Общая сумма вложений (млн. р.)	Из них в сельском хозяйстве (в м. р.)	В %% ко всей сумме.
1923/24 г. . . .	1.273	644	50
1924/25 » . . .	1.724	743	43
1925/26 » . . .	2.756	849	31
1926/27 » . . .	3.102	960	31

Эта таблица заслуживает самого пристального рассмотрения. В 1923—24 г. сельское хозяйство поглощало 50% всех вложений в основные фонды, и только 50% оставалось на долю индустриального сектора. В 1925—26 г. сельское хозяйство поглощает уже только 31%, и 69% приходится на долю индустриального сектора. Капиталонакопление всего народного хозяйства, следовательно, распределяется таким образом, что обеспечивает индустриальному сектору значительно более быстрый темп роста, чем сельскохозяйственному. Огромное достижение, достижение решающее, заключается в том, что за три года нам удалось добиться того, что вместо половины, свыше двух третей всего капитального потока направляется в индустриальное русло. Политика, имеющая своим результатом такое перераспределение, есть правильная политика, политика индустриализации.

Приведенная таблица интересна, однако, не только тем, что показывает полную беспочвенность, произвольность оппозиционных обвинений и пророчеств. В ней обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Доля сельского хозяйства в общей сумме капитальных вложений из года в год падает. Но при этом абсолютная сумма капитальных затрат в сельском хозяйстве из года в год растет. С 644 млн. рублей в 1923—24 году она поднялась до 849 миллионов рублей в 1925—26 г. и достигнет

960 милл. рублей в 1926—27 г. Это лишний раз подтверждает то сплошь и рядом непонимаемое оппозиционерами положение, что только на основе растущего сельского хозяйства возможен более быстрый рост промышленности.

Что промышленность и сельское хозяйство не только противостоят друг другу, но и теснейшим образом друг с другом связаны, друг от друга зависимы—это систематически замалчивается оппозиционными экономистами. Оппозиционные экономисты любят себя ставить в пример людям, которые, будто бы, под влиянием временных и преходящих колебаний конъюнктурного характера склонны забывать о факторах длительного и поэтому большего значения. Сами, однако, они блеснули лишь тем, что, ссылаясь на обострение товарного голода в 1925—26 г., решили, что такой фактор, как крестьянский рынок и его расширение соответственно с ростом промышленности, можно вообще сбросить со счетов. На наш век хватит, а там видно будет. Какая, действительно, проницательность, какая глубина теоретического проникновения!

Сельское хозяйство связано с промышленностью не только как его рынок, но и как его сырьевая база. Вопрос о сырьевой базе промышленности был очень отчетливо и со всею конкретностью поставлен на XV конференции. 35% всей нашей промышленности работает на сельскохозяйственном сырье. Но вследствие крайне низкого уровня нашего сельского хозяйства, крайне недостаточной его интенсификации, недостаточного развития в нем технических культур, большую часть этого сырья нам приходится ввозить из-за границы. Эта часть настолько велика, что в настоящем году составит 40% всего нашего импорта. Совершенно очевидно, что интенсификация сельского хозяйства, развитие в нем технических культур является непосредственной предпосылкой индустриализации, освобождая нас от дани, которую мы сейчас вынуждены платить заграничной буржуазии не только за нашу промышленную, но и сельскохозяйственную отсталость.

Китайская стена между промышленностью и сельским хозяйством существует только в воображении оппозиционных фантастов. На деле же развитие хлопководства, развитие льносеяния, свеклосеяния и т. д. является составной частью процесса индустриализации по той чрезвычайно простой причине, что развертывание промышленности требует развертывания ее сырьевой базы.

Если осознание важности для нашей промышленности деревенского рынка нашло уже свое практическое выражение в нашей политике цен, то осознание важности деревни, как источника сырья, у нас еще далеко недостаточно. Можно не сомневаться, что этому осознанию много посодействует XV конференция. Ей пришлось остановиться на этом вопросе потому, что 1925—26 год на ряду с общим ростом сельского хозяйства принес с собою сокращение на 6% посевной площади под техническими культурами и задержку в развитии интенсивного животноводства. Основной причиной этого была неправильная политика цен. Тов. Яковлев в своей речи указал, что «в картофельном и льноводном районе (Костромская, Ярославская губ.) индекс цен на картофель составлял 0,78 индекса всех сельскохозяйственных то-

варов этого района, а индекс льноволокна 0,66 того же индекса всех сельскохозяйственных товаров. В льноводном районе (Псковская, Новгородская) индекс льноволокна равнялся только 0,55 индекса всех сельскохозяйственных товаров этого района... А если к этому прибавить, что у нас задержалось развитие хлопковых посевов, темп роста хлопковых посевов ничтожен (в то время как посевная площадь под хлопком по данным Главхлопкома достигла 84,1% довоенного, урожай составляет только около половины довоенного), то общая картина будет ясна. Причина этого ведь весьма проста: в 1925—26 г. соотношение цен на хлопок и пшеницу было, примерно, 3:2, а в отдельные месяцы и того хуже, в то время как довоенное отношение было примерно 3:1» [1]). Такого же рода сведения для свеклы, подсолнуха, табака и др. культур сообщили делегаты Украины и Юго-Востока [2]).

Более быстрый темп развития промышленности сравнительно с сельским хозяйством, требуемый индустриализацией, не только не исключает, но и прямо предполагает определенный абсолютный рост сельского хозяйства. И только при полном непонимании этой связи можно расценивать рост сельского хозяйства, как угрозу индустриализации.

В полемике, предшествовавшей XV конференции, представители оппозиционного блока часто пытались отыграться на товарном голоде. В усилении товарного голода пытались видеть доказательство аграризации нашей страны. От более быстрого в 1925—1926 г. роста деревенского спроса нежели промышленного предложения непосредственно заключали к более быстрому росту сельского хозяйства, нежели промышленности.

Несостоятельность этого довода достаточно уже разоблачена в нашей партийной литературе, в частности в ряде статей, напечатанных в последних номерах «Большевика». В самом деле, очевидно, что именно курс на индустриализацию, означающий рост промышленности в первую голову за счет производства средств производства, т.-е. за счет таких товаров, действие которых на потребительском рынке может сказаться лишь по истечении нескольких лет,—именно курс на индустриализацию делает неизбежным известное отставание темпа насыщения потребительского, в том числе и крестьянского, рынка от общего темпа развертывания промышленности. Сейчас нас интересует не эта сторона вопроса.

Непонимание связи между промышленностью и сельским хозяйством толкнуло оппозицию к созданию по меньшей мере странной теории о том, что повторный хороший урожай тормозит и усложняет дело социалистического строительства. Оппозиция предсказывала нам «повторение в расширенном масштабе» всех трудностей прошлого года и на этом «повторении в расширенном масштабе» даже строила кой-какие политические расчеты [3]). В момент XV конференции мы располагали уже возможностью практической проверки этих предсказаний. Они не оправдались ни в едином пункте.

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 5, стр. 13.
[2]) Там же, стр. 18, 19, 54.
[3]) См. факты, сообщенные в заключительном слове т. Рыкова.

Блок оппозиционных вождей предсказывал дальнейшее заострение торгового голода, ссылаясь при этом на контрольные цифры Госплана на 1926—27 г., на приведенный в них товарный баланс города и деревни. Чтоб не оставить никаких сомнений относительно выводов, к которым должен привести этот баланс, т. Смилга в своей статье о «Контрольных цифрах» [1]) предупредительно раз'яснял: «Внутренний рынок и платежеспособный спрос обнаруживают тенденцию к более быстрому росту нежели производство материальных ценностей—мы уже значительный период времени сталкиваемся с товарным голодом. Во-вторых, мы заканчиваем восстановительный процесс при нарушившемся равновесии города и деревни в пользу последней. Данные, которые могут быть приведены в дальнейшем, показывают, что то, что в контрольных цифрах мы называем балансовой разницей, является разницей в росте отдельных отраслей хозяйства».

Или, иными словами, дальнейшее обострение товарного голода выражает лишь дальнейшее усиление диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Как же обстоит в действительности дело с дальнейшим обострением товарного голода? Согласно товарному балансу «Контрольных цифр» дефицит по промтоварам для деревни в 1925—1926 г. выразился в сумме в 240 млн. рублей и в 1926—27 г. выразится в сумме в 263 млн. рублей. Абсолютно дефицит, таким образом, возрастает на 23 миллиона рублей. Для всякого грамотного человека, однако, ясно, что сила товарного голода определяется не абсолютными размерами дефицита, а его долей во всем обороте. Очевидно, что при покупательной способности крестьянства в 1 миллиард рублей дефицит в сто миллионов даст товарный голод более острый, чем дефицит в 150 миллионов при покупательной способности в 2 миллиарда рублей. В первом случае дефицит составляет 10% всего покупательного фонда, во втором случае только 7,5%.

По вычислениям контрольных цифр мы имеем, правда, абсолютный рост дефицита по промтоварам для деревни на 23 миллиона рублей; но доля дефицита во всем покупательском фонде крестьянства не только не возрастает, но даже падает. В 1925—1926 г. она составляла 7,5% (240 м. р. дефицита при покупательном фонде в 3,6 мрд. руб.). Таким образом, даже если исходить из товарного баланса контрольных цифр Госплана, на которые ссылаются оппозиционеры,—даже в этом случае предрекать заострение, да еще резкое заострение товарного голода не приходится.

Даже если исходить из товарного баланса контрольных цифр. Но этот товарный баланс далеко не является самой сильной частью контрольных цифр. В частности рост покупательной способности крестьянства в настоящем году в нем заведомо преувеличен, главная основа чего заключается в том, что контрольные цифры исходили из предположения о полной или почти полной стабилизации сельскохозяйственных цен на всем протяжении заготовительной кампании, между тем как на деле они снизились и по главной группе—по группе хлебных цен—даже весьма значительно: на 12—17%. Это имеет огром-

[1]) «План. Хоз.» № 8, стр. 112.

ное значение не только потому, что замедляет рост платежеспособного спроса деревни, но и потому, что относительно низкие хлебные цены очень серьезно улучшают и наши экспортно-импортные перспективы, а значит и перспективы снабжения рынка. Мы имеем все основания в настоящем году рассчитывать на смягчение товарного голода.

В настоящий момент мы можем противопоставить оппозиционным пророчествам о заострении товарного голода не только более или менее отвлеченные выкладки, но и живые факты, которые, как известно, являются окончательным критерием истины. Сейчас уж не может быть двух мнений о том, что прошлогодний товарный голод в этом году не повторился. В то время, как прошлогодняя осень сопровождалась бешеным ажиотажем на всех рынках, расцветом всяческого грюндерства, резким ростом цен, осеннее оживление в настоящем году протекает несравненно более плавно и спокойно. Спрос низового рынка на промтовары дал в августе повышение на 2%, в сентябре на 4%. Грузооборот в течение всего 4 квартала увеличился на 12% против увеличения на 21% в прошлом году. Розничные цены, скакавшие вверх прошлой осенью, незначительно, но все же снижаются, и уж во всяком случае не растут сейчас. Денежная масса в августе прошлого года возросла сравнительно с средне-месячной за предыдущие 10 месяцев на 28,1%, в настоящем году—на 2,1%, в сентябре прошлого года прирост составил 12%, в сентябре настоящего года—5%. Ни о каком заострении товарного голода в настоящий момент, следовательно, не может быть и речи. Напротив. По ряду товаров (металлические, силикатные, текстильные, электроизделия), мы в последнее время имеем даже некоторое частичное затоваривание. Конечно, это затоваривание временное, коренящееся не в рыночной кон'юнктуре, а в плохом ассортименте, предлагаемом нашими синдикатами. Но оно тем не менее весьма поучительно, так как показывает, как даже лучшую рыночную кон'юнктуру может испортить бюрократическая организация дела, бюрократизм в торговле, тот бюрократизм, который настоящим махровым цветом расцвел бы, если б партия приняла оппозиционную программу повышения цен.

Не многим большую проницательность проявили представители оппозиции и в своих рассуждениях относительно наших возможностей маневрирования на хлебном рынке. Как известно, т. Каменев изобрел оригинальную теорию, согласно которой большая часть хлебных запасов находится в руках кулаков, которые не желают выпускать его на рынок и тем срывают нашу хлебозаготовительную кампанию. Получается нечто весьма парадоксальное и в своем роде даже занимательное: чем лучше урожай, тем сильнее расслоение, тем больше удельный вес кулака, тем мрачнее хлебозаготовительные перспективы. От повторного урожая т. Каменев поэтому вместе с т. Троцким ничего хорошего не ожидал.

Утверждение, будто большая часть хлебных запасов находится в руках кулаков, было в свое время достаточно освещено в нашей печати [1]). Мы можем поэтому здесь ограничиться лишь

[1]) См. в особенности книжку т. Яковлева «Ошибки хлебо-фуражного баланса ЦСУ».

установлением того факта, что оппозиционные предсказания о срыве хлебозаготовительного плана оправдались, примерно, так же, как и предсказания о заострении товарного голода. С начала кампании по 11 ноября заготовлено 288,1 млн. пудов хлебопродуктов против 244,2 м. п. на 1 ноября прошлого года. Это— несмотря на сильно запоздавшую уборку, несмотря на то, что ряд районов вступил в кампанию только во второй половине сентября. Октябрьский план выполнен с превышением на 32,7%. При этом хлебные цены все время держатся на уровне значительно более низком, чем прошлогодний. В начале октября цена ржи была на 13% ниже, чем в прошлом году, цена пшеницы на 17% ниже, цена ячменя на 25%. И наконец, что особенно важно отметить, мы имеем очень серьезные успехи в вытеснении из хлебозаготовок частника: его участие в них осенью прошлого года выражалось 20,6%, в нынешнюю—в 6,5%.

Хлебозаготовительная паника оппозиции имеет своим источником не только прошлогодний просчет и затруднения; корни ее ведут гораздо глубже, к самым основам оппозиционного, мировоззрения. Одно из главных отличий оппозиционной платформы от партийной, заключается, как известно, в том, что для нее, середняк перестал быть «центральной фигурой нашего земледелия». Оппозиция утверждает такой темп классового расслоения и вымывания середняка, какого не знала деревня при Столыпине. При чем, всякую попытку усомниться в возможности такого темпа в наших условиях она рассматривала как крайнюю ступень теоретического падения [1]).

Тем больший интерес приобретают данные о расслоении, собранные ЦСУ и оглашенные на XV конференции т. Рыковым. Следующая таблица передает динамику группировки крестьянских хозяйств по посеву (в процентах) [2]) по 35 губерниям.

	1922	1923	1924	1925
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 дес.	46,0	40,7	36,6	33,0
От 2 до 6 дес.	40,3	44,0	46,7	49,3
От 6 до 10 десятин	5,6	7,8	9,0	10,2
Свыше 10 десятин	1,2	2,2	2,9	3,3

Налицо, таким образом, резкое сокращение числа бедняцких хозяйств (без посева и посев до 2 десятин) при очень сильном росте высших групп. О вымывании середняка говорить покачто, повидимому, не приходится. Правда, динамика посевных группировок сама по себе не может быть решающей, и данные по посеву были бы поэтому мало показательны, если бы не были дополнены в докладе т. Рыкова данными по скоту. Тов. Рыков огласил итоговые данные о группировке крестьянства по скоту в РСФСР исчисленные в Наркомфине:

[1]) См. статью Майзлина «Тов. Бухарин в борьбе против оппозиционного блока».

[2]) Доклад т. Рыкова на XV конференции. Бюллетень № 3, стр. 22.

	1923/24	1925/26
Без скота	17%	15%
До 2 голов	63%	60%
От 2 до 4 голов	18%	22%
Свыше 4 голов	2%	3%

Здесь мы видим, несколько, правда, ослабленной, ту же тенденцию, что и в таблице посевов. Количество бедняцких хозяйств сокращается, растут середняцкие и кулацкие хозяйства. При чем данные о скоте уже не могут служить прикрытием для развивающейся на бедняцкой земле эксплоатации бедняка, как это важно было предположить относительно изолированно взятых данных о посевах.

Какие выводы позволяют сделать приведенные таблицы? «Мы имеем,—говорит т. Рыков,—общий под'ем всех групп хозяйств, уменьшение бескотных, беспосевных и малопосевных хозяйств. Все группы крестьянских хозяйств растут вверх. Основная толща середняцкого слоя не только не распадается, но растет и приобретает большее значение, так как поднимающиеся на основе нашей политики бедняцкие слои пополняют середину» [1]).

Это не значит, конечно, что нам удалось уже вообще ликвидировать в деревне классовое расслоение. «Но во всяком случае несомненно, что как характер, так и темп расслоения иной, чем в дореволюционные времена. В этом основное своеобразие идущих в деревне процессов дифференциации» [2]).

Этого своеобразия совершенно не видит и не понимает оппозиция. Не понимает того, то самая трогательная или самая кровожадная декламация слова «расслоение», не может заменить анализ самого процесса. Расслоение может итти двумя путями. Оно может выражаться в более быстром росте зажиточного хозяйства при общем росте бедняцких и середняцких хозяйств. И оно может выражаться в росте зажиточных хозяйств за счет вымывания и пожирания середняцких хозяйств [3]). Конечно, в капиталистических условиях первый вид расслоения должен рано или поздно перейти во второй. Но для нас, в Советской Республике, при рабочей диктатуре, при имеющихся у нас возможностях некапиталистической эволюции крестьянского хозяйства, этот переход отнюдь не обязателен. Тот факт, что у нас налицо расслоение первого типа, имеет для нас огромное практическое значение потому хотя бы, что надолго сохраняет середняка как «центральную фигуру нашего земледелия», а середняцкое хозяйство—как исходный пункт некапиталистического, кооперативно-социалистического развития нашего сельского хозяйства. Жизнь целиком подтверждает оценку и политический курс взятый XIV с'ездом. У оппозиции здесь выход один—«фигура умолчания», за которую она, впрочем, и спряталась.

---

[1]) Доклад т. Рыкова на XV конференции Бюллетень № 3, стр. 24.

[2]) Там же, стр. 25.

[3] Здесь возможна некоторая аналогия с «расслоением» внутри самой буржуазии: Маркс в «Капитале», как известно, строго различает понятия концентрации и централизации капитала. Под первым он понимает укрупнение капитала за счет накопления и расширенного воспроизводства данного предприятия. Под централизацией же он понимает рост крупного капиталиста за счет пожирания им средних и мелких капиталистов.

С вопросами расслоения оппозиция тесно увязывала и вопросы нашей налоговой политики, вопрос о сельхозналоге. «Перерождение», «сползание с пролетарских рельс» усматривалось, между прочим, и в том, что мы берем с деревни слишком мало налога, слишком потакая таким образом кулацкому накоплению в ущерб нашей промышленности. Достаточно самого элементарного ознакомления с сельхозналогом, чтобы увидеть, какова цена всем этим разговорам.

Общая сумма сельхозналога в настоящем году определена в 300 миллионов рублей. 25% всех крестьянских хозяйств (6 млн. бедняцких дворов) от налога освобождено совершенно. 40% всех хозяйств (10 млн. дворов) с условно-чистым годовым доходом от 150 до 300 рублей должны будут внести налогу в размере 6—6,5% дохода. 20% всех хозяйств (5 млн. дворов) с условно-чистым годовым доходом от 300 до 500 рублей внесут налог в размере 7—8% дохода. И, наконец, с 15-процентного верхушечного слоя, с условно-чистым годовым доходом от 500 до 2000 рублей мы возьмем налог в **10—25%** всего дохода.

Оппозиция вопила о необходимости сильного повышения налога. За чей счет? За счет освобожденной от налога бедноты? Об этом не может быть и речи. За счет середняка? Но это означало бы форсировать процесс расслоения, ослабить устойчивость середняцкого хозяйства, сделать его менее способным к борьбе с кулаком. За счет кулака? Но кто же не понимает, что повышение налога свыше 25% дохода означает уже не налог, а почти раскулачку, чуть ли не возвращение к методам военного коммунизма. И чем иным, если не пустопорожней и безответственной демагогией, можно назвать после этого все то, что говорилось и писалось на этот счет оппозицией?

Оппозиция утверждала, что потакая в деревне кулаку, мы в городе потакаем частному торговцу, что наша в корне неправильная экономическая политика привела к угрожающему росту частнокапиталистического накопления. Здесь мы подошли к одной из самых скандальных страниц в истории оппозиционного блока. Всем еще памятно, как на июльском пленуме ЦК и ЦКК тов. Пятаков доказывал, что частный торговый капитал за один только 1925—26 год заработал миллиард рублей, из которого 500—600 миллионов накопил. Тайна этого пятаковского миллиарда в свое время была достаточно разоблачена. Сейчас, однако, мы можем этому миллиарду противопоставить уже не только основанные на косвенных показателях выкладки, но и результаты прямого обследования, проделанного аппаратом Наркомфина по заданию Госплана. Согласно этому обследованию вся сумма частного капитала в торговле составляла в 1924—25 г. 224,2 м. р. и в 1925—26 г. 337,5 м. р. Накопление, таким образом, выразилось в 113,3 м. р., 113 миллионов на деле и 500—600 миллионов в громовых филиппиках тт. Пятакова, Майзлина и других! Дистанция солидного размера!

Корень частнокапиталистического зла оппозиция, как известно, видит в нашей политике цен. Вопрос о политике цен в нашей печати был освещен настолько полно, что заново повторять всю относящуюся сюда аргументацию нет надобности. Отметим лишь один момент. На ряду со всякого рода принципиальными соображениями оппозиция доказывает необходимость повышения опто-

вых цен невозможностью в условиях товарного голода снизить розничные цены. К кампании за снижение розничных цен она—как и ко всему в СССР—относится в высшей степени скептически, третируя ее, как бюрократическую утопию. Оппозиционные мудрецы высокомерно раз'ясняют партии, что там, где спрос превышает предложение, снижения цен быть не может. Они это знают наверное, этому учили все «отцы» политической экономии от Вилльяма Петти и до Иеремии Бентама и Мак-Куллоха включительно.

Ничего, однако, кроме собственной плоскости и поверхностности оппозиционные мудрецы этим не доказывают. Они не понимают того, что борьба за снижение розничных цен сама же создает предпосылки для своего успеха. Борьба за снижение розничных цен—это борьба за улучшение и удешевление торгового аппарата, борьба за сокращение непроизводительного потребления людей, сидящих в торговом аппарате, за сокращение спроса на товары, пред'являемого этими людьми. В этом гвоздь всей кампании, гвоздь, который оппозиционные экономисты по обыкновению проглядели.

К моменту XV конференции жизнь не оставила ни одного клочка от хозяйственной программы блока оппозиционных вождей. По докладу о хозяйственном положении блок оппозиционных вождей на конференции не выступил, молчал—молчал потому, что ему нечего было сказать!

II. Пути развития и «узкие места». Вопросы управления.

В «Контрольных цифрах Госплана», в большой журнальной и газетной литературе, появившейся в связи с концом хозяйственного года наши хозяйственные достижения были освещены достаточно широко. Останавливаться на этом поэтому нет надобности. Не сделал этого в своем докладе и т. Рыков. Но он заострил вместо того внимание конференции на тех «узких местах» в нашем хозяйстве, развитие которых отстает от общего развития, и которые, если не будут приняты меры, могут поэтому затормозить наше дальнейшее продвижение вперед.

«Наиболее слабыми звеньями в общей системе хозяйства страны,—говорил т. Рыков,—будут являться на протяжении ближайшего времени топливо, производство электрической энергии и транспорт... Необходимо иметь в виду, что в прошлом году Донецкий бассейн дал увеличение продукции на 500 миллионов пудов. В текущем году добыча угля опять повышается на 300—400 миллионов пудов. За два года увеличение продукции Донбасса почти на целый миллиард пудов каменного угля! Это такого рода шаг, который позволяет нам гордиться очень большими достижениями в области нашей хозяйственной работы. Современные затруднения с топливом страна переживает при громадных достижениях и в угольных и нефтяных районах и при напряженной работе всего имеющегося для добычи топлива оборудования» [1]).

По подсчетам Промплана ВСНХ топливный дефицит в 1926—1927 году составит около 120 миллионов пудов. По расчетам

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 3, стр. 14.

же ОСВОК при полной даже нагрузке всех добывных единиц Донбасса, при намечаемом темпе развертывания промышленности угольный дефицит в 1929—30 г. составит 565 миллионов пудов. Для предупреждения этого дефицита необходимо в ближайшие годы вложить в капитальные затраты по угольной промышленности 731 миллион рублей [1]). Но и в этом случае ликвидация топливного дефицита будет возможна лишь при условии величайшей рационализации топливоснабжения и широко развернутого строительства электростанций.

Необходимо отметить, что СССР, в своей европейской части по крайней мере, каменным углем очень беден. Мировые запасы каменного угля исчисляются в 7.338 миллиардов тонн. Из них на долю Сев.-Америк. Соед. Штатов приходится свыше половины—3.838 миллиардов тонн, на долю Канады—1.235 мрд. тонн, Германии—423 мрд. тонн, Сибири—400 мрд. тонн, европейской части СССР—60 мрд. тонн и т. д. Таким образом, европейская часть СССР с ее населением, почти в два раза превышающим население Германии, располагает угольными запасами, в семь раз меньшими, чем Германия [2]). Это обстоятельство с особенной остротой ставит вопрос об использовании водной энергии, местных и низкосортных видов топлива. А это требует электрификации.

Топливный дефицит плюс наметившийся в особенности в таких центрах, как Москва и Ленинград, дефицит в электроснабжении делают необходимым широкое развертывание электрического строительства. В настоящем году в электрификацию будет вложено свыше 160 млн. рублей, что даст прирост действующей сети более чем на 250 тысяч клвт. В нынешних условиях эту программу необходимо рассматривать как минимальную.

Другим «узким местом» в нашем народном хозяйстве является транспорт. «Железнодорожные перевозки,—говорил т. Рыков,—в настоящее время не только достигают довоенного уровня, но даже несколько его превосходят. За истекший год рост перевозок шел удовлетворительно. Однако, несмотря на это, в этом году транспорт сделался дефицитным. Идут споры о размерах этого дефицита, и называют цифры от 50 до 100 миллионов с лишком рублей. Причины дефицита транспорта заключаются в том, что в связи с новым периодом капитального строительства, строительства жилищ и т. п., в составе грузооборота необычайно выросли убыточные или малорентабельные перевозки и уменьшился процент доходных перевозок... Малорентабельные грузы, это—топливо, строительные материалы, лес, цемент и т. д., на которые установлены низкие тарифы. Усиление этих перевозок вытекает из всего характера переживаемой эпохи нового строительства, но для жел.-дор. транспорта это выразилось в значительных убытках» [3]). Повышение тарифов даст дополнительный доход в сумме около 100 млн. рублей. Но и после этого повышения индекс жел.-дор. перевозок остается гораздо ниже и товарного и промышленного индексов.

[1]) Материалы к критике гипотез ОСВОК'а, стр. 64.

[2]) Мы имеем, правда, богатейшие угольные залежи в Сибири. Но поскольку промышленность наша работает глав. обр. в европейской части СССР, на ближайшее по крайней мере время, это большого практического значения иметь не может.

[3]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 3, стр. 15.

Разумеется, топливо, электроснабжение и транспорт не исчерпывают собой всего числа узких мест в нашем хозяйстве. К сожалению, их очень много. Достаточно указать на металл, машиноснабжение, жилищное строительство, внешнюю торговлю. На последней мы считаем необходимым остановиться.

В то время, как все наше народное хозяйство в целом в 1925—1926 году достигло уже почти ста процентов довоенного уровня, внешняя торговля достигла только 37,3% довоенной.

Так как импорт в последнем счете определяется экспортом, то «ведущая роль» в этом отставании принадлежит, конечно, последнему. Мы не вывозим и не можем вывозить теперь столько, сколько вывозили до войны. Не можем, во-первых, потому, что за годы империалистической и гражданской войны ряд новых конкурентов занял наши позиции на мировом рынке. Во-вторых, потому, что старый довоенный вывоз покоился на недоедании крестьянства («не доедим, а вывезем»). О т а к о м вывозе из СССР, разумеется, не может быть речи.

В результате, однако, Россия, до войны дававшая 29,3% всего европейского ввоза хлебов, в 1923—24 г. дала только 9,5%, в 1925—26 г.—8,7%. А падение вывоза, в условиях финансовой полублокады, естественно, влечет за собою и соответственное сжимание ввоза.

Это сжимание ввоза создает очень серьезные трудности. Достаточно сказать, что до войны 58% всего машиноснабжения русской промышленности шло из-за границы, что текстильная промышленность до войны почти наполовину работала на заграничном сырье [1]). Зависимость от заграницы довоенной русской промышленности при сильном импортном зажиме теперь приводит к целому ряду прорех в нашем хозяйстве. Так, по расчетам ОСВОК по общему машиностроению выпуск изделий в 1925—1926 г. составил 141,9 млн. рублей, при потребности в 241 млн. рублей. Естественно, что эта потребность была далеко не полностью удовлетворена [2]). Таких примеров можно бы привести очень много.

Отставание внешней торговли от темпа развития народного хозяйства в целом с величайшей остротой ставит перед нами задачу усиленного развертывания собственного производства средств производства, с одной стороны, и усиленного развития собственного производства сельскохозяйственного сырья, с другой.

Развертывание промышленности, рост всего народного хозяйства сейчас упирается раньше всего и больше всего в капитальные затраты. В настоящем году по промышленности и электрификации они, как известно, превысят миллиард рублей, при чем 28% всей суммы будет вложено в топливную промышленность и 24%—в металлическую. Само собой разумеется, что выполнение этой программы требует и соответственного увеличения оборотных средств промышленности. По «Контрольным цифрам» оно должно будет выразиться в сумме в 540 миллионов рублей.

Что касается источников покрытия, то здесь на первом месте стоит внутрипромышленное накопление. Прибыль промышленности (по минимальному варианту) составила 474 миллиона рублей

[1]) См. Г р и н е в е ц к и й, «Послевоенные перспективы русской промышленности».

[2]) Материалы к критике гипотез ОСВОК, стр. 114.

в истекшем 1925—26 г. В настоящем году она перевалит за полмиллиарда. До полумиллиарда рублей дадут в настоящем году амортизационные отчисления. И, наконец, ассигнования по бюджету на электрификацию через Коммунальный банк, отдел долгосрочного кредитования Промбанка и т. д. дадут в настоящем году 625,2 миллиона рублей. Из этих 625,2 м. р., однако, 250 м. р. будет изъято из средств самой промышленности. Собственно-бюджетное финансирование, следовательно, составит 375 миллионов рублей.

Бюджет является одним из основных рычагов перераспределения народно-хозяйственного накопления. За три года (с 1924—25 по 1926—27) он дал нашей промышленности 733,2 миллиона рублей. Цифра эта говорит сама за себя. Этим рычагом мы пользоваться научились.

Значительно хуже обстоит дело с другим возможным орудием перераспределения и использования народно-хозяйственного накопления—с привлечением сбережений всего населения в сберкассы, кооперацию, госзаймы и т. д. «Напомню, — говорил тов. Рыков,—что царскому режиму удавалось в этом отношении добиваться гораздо больших результатов. Общая сумма сбережений вложенных в государственные сберкассы составляет за 1925—26 год приблизительно 90 миллионов рублей, что составляет лишь 6% остатка вкладов, которые имелись при царе на 1 января 1914 г. Только 6% того, что было в царское время!.. В составе вкладчиков необычайно мал удельный вес вкладов крестьян, составлявший на 1 января 1926 г. всего 3,6% всех счетов и только 2,4% всей суммы вкладов в сберкассах. В довоенное время (на 1 янв. 1914 г.) крестьянские вклады составляли 28,5% всех вкладов и 28,3% всех счетов... Ни наша печать, ни государственные и кооперативные органы, ни партийные и профессиональные организации не уделяют должного внимания, чтобы принять все необходимые меры для увеличения притока вкладов в сберегательные кассы. В этом отношении партия должна добиться решительного перелома в лучшую сторону» [1]).

Завершение восстановительного процесса влечет, и не может не повлечь за собою, резкое снижение темпа развертывания промышленности. В 1924—25 г. промышленная продукция возросла на 62%, в 1925—26—на 42%, в настоящем году она возрастет на 18,2%, а в будущем году, вероятно, и того меньше. Иначе и не может быть. Мы вступили в такую полосу, когда каждому новому шагу в расширении производства должен предшествовать новый шаг в расширении основного капитала. А эти шаги требуют и очень много денег, и очень много времени. С «восстановительными» масштабами поэтому пора распроститься. Хозяйство наше созрело уж настолько, что рывками «восстановительного» периода дальше двигаться не может. Но, тем более необходимо подчеркнуть, что и нынешний, «реконструктивный» темп нашего развертывания оставляет далеко позади темп промышленного развертывания л ю б о й капиталистической страны, даже в наиболее цветущую пору капитализма.

В последние 15 лет перед войной средний годовой прирост промышленной продукции в передовых капиталистических стра-

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 3, стр. 10.

нах колебался между 8,5% (США) и 1,16% (Англия) [1]. Прирост основного капитала в тот же период составлял в США, примерно, 6—6,5% в год [2], в Зап. Европе 3—3,5% [3]. Прирост основного капитала у нас в 1925—26 г. составил 9,5% и на этом же приблизительно уровне, повидимому, будет держаться и в ближайшие годы. Темп прироста основного капитала у нас, т. о., в полтора—три раза превышает темп его прироста в самых передовых капиталистических странах в лучшую пору их развития.

«Скептики» из оппозиционных рядов, пытавшиеся, как известно, запугать партию одновременным отставанием нашей промышленности не только от крестьянского хозяйства, но и от мирового хозяйства, пытаются смазать значение этого факта указанием, что более быстрый темп роста у нас об'ясняется тем, что мы растем с несравнению более низкого уровня, чем капиталистические страны [4]. Аргумент этот является совершеннейшей мистикой. Темп накопления отнюдь не определяется абсолютными размерами производства. Он определяется нормой прибыли, во-первых, и соотношением расходуемой и накопляемой части прибавочной ценности, во-вторых. Могут возразить, что норма прибыли определяется уровнем органического строения капитала, и, таким образом, свести различия темпов накопления у нас и в капиталистических странах к тому, что органическое строение капитала в нашем народном хозяйстве значительно ниже, чем в последних. Но сделать это—значило бы забыть о тех огромных барышах, которые буржуазия загребает, экспортируя капитал, выколачивает в Китае, в Индии, в Африке, в Юж. Америке на основе еще боле низкого технического уровня, на основе еще более низкого органического строения капитала, нежели у нас.

Более быстрый темп нашего накопления по сравнению с капиталистическими странами есть не продукт нашей технической отсталости, не продукт низкого уровня органического состава капитала в нашем народном хозяйстве. Он является продуктом того, что мы ликвидировали непроизводительное потребление основной группы буржуазии, которая до войны с'едала до 50% всей производимой в промышленности прибавочной ценности [5], продуктом плановости, все более овладевающей нашим хозяйством, продуктом того, что по своему типу наша экономика выше экономики капиталистической.

Завершение восстановительного процесса, задачи нового строительства требуют и соответственной перестройки хозяйственного аппарата, его приспособления к новым задачам. Эта перестройка диктуется не только категорической необходимостью удешевить его. Она диктуется также тем, что чрезмерная многоступенчатость, чрезмерное разбухание органов контроля, чрезмерная централизация управления, все это через посредство весьма неприятного диалектического процесса обрезает крылья планированию, может создать угрозу анархии и сепаратизма

[1]) Цифры Альб. Вайнштейна, приведены в докладе т. Рыкова.
[2]) С. Струмилин «К проблеме капиталов в СССР».
[3]) Cassel «Theoretische Socialökonomie».
[4]) См., напр., последнюю главу второго издания «Новой экономики» т. Преображенского.
[5]) См. Струмилин «К проблеме капиталов в СССР».

в строительстве, которые допускать мы ни в коем случае не можем. Возьмем количество инстанций, который должен пройти промфинплан какого-либо треста; используем в качестве примера Ленинградский бумтрест. Его промфинплан проходит до своего утверждения через: 1) Управление треста—отделы: финансовый, Эко, технический, снабжения, одновременно и параллельно—ревизионная комиссия, 2) Севзаппромбюро—Эко, отделы: труда, топливный, технико-производственный, финансовый, 3) президиум Промбюро, 4) Угпром ВСНХ РСФСР, 5) лесобумажный директорат ВСНХ РСФСР, одновременно—строительный директорат, 6) Промплан ВСНХ РСФСР, 7) президиум ВСНХ РСФСР, 8) Госплан РСФСР, 9) Экосо РСФСР, 10) Госплан СССР, 11) Главлесбум ВСНХ СССР, параллельно—строительный директорат, 12) Промплан ВСНХ СССР, 13) президиум ВСНХ СССР, 14) Совет Труда и Обороны [1]. Отсюда крайне раздутая система отчетности. Так, одна крупная текстильная фабрика, тверская «Пролетарка», обязана представлять сведений: ежедневно—4, два раза в месяц—3, ежемесячно—79, поквартально—57, полугодовых—32, годовых—57. В той же Твери находится консервированная Переволоцкая фабрика, которая, несмотря на свою консервированность, все же посылает до 20 форм отчетности. О том, как и насколько это усложняет и удорожает аппарат, говорить не приходится. Но помимо этого, такая система отчетности рикошетом бьет и по самому производству. Заведующий одним из крупных отделений «Пролетарки» вынужден уделять производству только 30% своего рабочего времени, 50%—канцелярщине, а 20%—всевозможным заседаниям. Другой заведующий отделением в день посещения его корреспондентом «Торг.-Пром. Газеты» подписал 158 бумаг, из них ордеров на спецодежду—62, разных ордеров по счету «общих расходов»—60, на получение жалованья—2, сведений и форм разных—19, писем и отношений—15.

Совершенно естественно, что когда промфинплан треста должен пройти четырнадцать инстанций (это—не считая всяческих суб'инстанций внутри большинства этих инстанций), то своевременно он утвержден быть не может. У нас поэтому сплошь и рядом имеют место случаи, когда промфинплан утверждается только к концу второго или даже в третьем квартале. А первые два квартала, которые в сущности являются решающими для всего хозяйственного года? Первые два квартала трест работает без утвержденного плана, на собственный страх и риск.

Срывание плана чрезмерной централизацией и бюрократизацией хозяйственного управления особенно опасно в условиях развертывания нового строительства. Расцветающие на этой почве «грюндерство», сепаратизм, вероятно, влетели нам уже не в один миллион рублей. Тов. Рыков привел целый ряд примеров ненужной, нерациональной стройки, которая означала лишь ненужную трату или нецелесообразное распыление средств. Но, с другой стороны, необходимо помнить, что это «грюндерство» и этот сепаратизм являются лишь неизбежным продуктом чрезмерной централизации, чрезмерного опекания мест. «Мы за предыдущее время,—сказал в своей речи председатель Совнаркома

[1]) «Торг.-Пром. Газета» № 267.

Украины т. Чубарь,—никогда не имели к началу года планов нашей промышленности, планов нашей работы, не имеем их на сегодня и вряд ли будем иметь на 1 января. Значит работа развертывается без планов, значит в важнейший период нового года наши хозяйственники проталкивают планы, заявки и т. д., а не руководят производством» [1]). Нельзя поэтому противопоставлять некоторую децентрализацию управления, предоставление больших прав и большей ответственности низовым организациям усилению планового начала. Задача приспособления хозяйственного аппарата к новым условиям была правильно сформулирована т. Рыковым: «Нужен централизованный план и дисциплина в осуществлении этого плана. На ряду с этим осуществление плана должно быть децентрализовано. Необходимо сохранить целостность плана капитального строительства, сочетать интересы хозяйства всего Союза, как единого целого, и создать такие условия выполнения плана, которые давали бы полную возможность развития инициативы республик, областей и губерний. Вот в чем заключается задача изменения нашего планового руководства».

---

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 4, стр. 11.

В. Астров.

Тов. Преображенский „отвечает“.

1. О мягком характере тов. Преображенского.

Второе издание книги «Новая экономика» т. Преображенский снабдил новым предисловием, в котором он отвечает т. Бухарину на его статьи в «Правде» (статьи, озаглавленные: «К вопросу о закономерностях переходного периода») и еще одним послесловием, где т. Преображенский отвечает автору этих строк и тов. Гольденбергу на наши статьи в №№ 13 и 15—16 «Большевика». Мы коснемся здесь лишь этого послесловия, при чем оставим в стороне включенную в него полемику с тов. Нагиевым.

Сначала о некоторых деталях, имеющих второстепенное значение, но характерных. На последней странице первого издания «Новой экономики» автор писал:

«В своей полемике против моих критиков я соблюдаю мягкость тона»... «Если имеешь, что сказать по существу, легко отказаться от полемических резкостей»... «Я имею сказать еще очень многое в защиту моих положений, и притом с цифрами в руках. Этим естественным преимуществом я воспользовался в настоящей книге» (2 изд., стр. 313).

Что касается «цифр», то возможно, что они находятся «в руках» автора, но в книге их нет. В книге они фигурируют пока, как некие «отдаленные седой зимы угрозы». Например, автор пишет:

«Затем я должен опечалить т. Гольденберга тем, что за первым моим томом последует второй («хоть грустно мне, но что же делать»?... *В. А.*), где исследуется на большом фактическом материале, как конкретно проявляется закон первоначального социалистического накопления»... «и как складывается то общехозяйственное равновесие,... которое отображалось на цифровом балансе нашего хозяйства за истекшие годы. Тогда борьба с моей точкой зрения для оппонентов будет куда потрудней, чем теперешнее выдумывание аргументов «вообще» (стр. 324).

Никто из нас не может, разумеется, назначить достойную цену этому векселю на будущее. Быть может, в кармане у автора алтын, а может быть, и кукиш. Нельзя, однако, не заметить, что в данном случае тов. Преображенский занимается ничем иным, как уловлением рыбки в таких водах, где она еще не водится (перефразируя приведенную им же остроту Маркса).

Если же держаться более современных сравнений, то все это со стороны нашего автора скорее похоже на американскую рекламу своих невышедших книг, чем на приемы теоретической полемики.

Что же касается хваленого «мягкого тона» т. Преображенского, то в прибавлениях ко 2-му изданию он ему положительно изменил. Судите сами. все его критики—«люди текущей коп'юнктуры в политике и в теории», они «накручивают аргументы», их возражения—«политическая клевета» и притом «грубо состряпанная» «в целях политической дискредитации». Автор с такой, буквально, злобной мрачностью взирает на нашу печать, что все пишущие в библиографических отделах благоприятные отзывы о книгах рисуются ему в виде «угождающих рецензентов», которые хвалят «бессодержательные брошюры и книги», «а по отношению к книгам в роде настоящей (ну, еще бы! *В. А.*) научную недобросовестность критики считают своей политической добродетелью» (стр. 315, 318, 321, 332, 334 и т. д.).

Куда девался «мягкий характер» т. Преображенского? Если, как он только-что утверждал, его оппоненты прикрывают резкостью полемики «отсутствие собственной точки зрения», то, может быть, это «правило» не распространяется на самого автора «настоящей» книги? Может быть, ее автор в этом отношении такой «вундер-кинд», что он грубостями и резкостями прикрывает (гм!) избыток аргументации?..

По отношению к одному из своих оппонентов т. Преображенский употребляет и такой совершенно незаменимый «аргумент»:

«Я не знаю партийного стажа тов. N. Из забористости тона заключаю, что он не очень велик» (308).

Выгодно ли т. Преображенскому продолжать разговор на тему о тоне? Если мягкость тона обозначает, что «имеешь что сказать», то выходит, что т. Преображенскому почти-что нечего сказать. Если, с другой стороны, «заборнстость» тона свидетельствует о недостаточности партстажа, то ведь т. Преображенский рискует в глазах читателя, почему-либо его лично не знающего, выступить в роли члена ВКП(б) с 1924 года!

Но «милее» всего «аргументик» от партстажа. Вот это истинно-оппозиционный способ полемики с «моими критиками из молодых»!

Само собою понятно, что человек, имеющий 25 или 28 лет отроду, при всей революционности его натуры, не может быть членом партии с 1905 года. Но что же из этого?! Извольте возражать ему по существу, т. Преображенский!

Нечего сказать, прекрасный способ «срабатываться» с молодым поколением «открыт» ветераном нашей оппозиции, т. Преображенским: если тебе возражают, то спрашивай о партстаже у возражающего. И это «открытие» исходит из тех самых рядов, откуда в 1923 году партия слышала бесшабашную демагогию насчет «стариков», якобы «зажимающих» у нас в партии молодежь, не дающих расти новому поколению! И это исходит от того, кто на тех же страницах пишет, что он рассчитывает на «оценку молодежи»!

Не троцкисту бы учить партийный молодняк уважению к старым большевикам. В его запросах о партстаже, обращенных к оппоненту, нет ровно ничего, кроме комчванства, зазнавшегося присяжного «теоретика», не желающего разговаривать с молодежью.

До каких высот возносит т. Преображенского его комчванство, видно из следующего. На полученный им от т. Бухарина упрек в «профессорском высокомерии» (всякий, кто читал «Новую экономику», найдет этот упрек вполне справедливым) т. Преображенский отвечает так:

«Обвинение Маркса и марксистов в научном высокомерии есть старое обвинение. Мы были к нему всегда более чем равнодушны» (14).

Это «мы с Марксом» так и просится в альбом гоголевских персонажей, среди которых, как известно, был один, который, по его собственным рассказам, любил, похлопывая по плечу Александра Сергеевича Пушкина, говаривать: «Ну, что, брат, Пушкин?»..

2. Тов. Преображенский отмахивается от возражений.

Как автор «Новой экономики» бранится на своих оппонентов, мы видели. Сейчас увидим, как он, под шум ругательств и чванливых окриков, отмахивается от сделанных ему возражений и удирает с поля идейного сражения. Он пишет:

«Весь второй раздел статьи т. Астрова, озаглавленный: «теория» тов. Преображенского, как обоснование политики экспроприации крестьянства», представляет из себя «обоснование» этой политической клеветы. На политическую полемику я во намерен отвечать в настоящей книге, поэтому прохожу мимо и данного выпада. Советую только тов. Астрову навести справку из истории рабочего движения, как имовуются в нем люди, которые занимаются натравливанием мелкого собственника на социализм (?!—*В. А.*), и чем кончались обыкновенно такие упражнения». И там же, в сноске: «Все обвинения меня насчет «колоний», грабежа крестьянства и т. д. являются упражнениями подобного же рода и лишь агитируют крестьянство против строительства социализма» (?!) (стр. 318).

Это все, что в ответе Преображенского относится ко 2-й главе моей статьи.

Конечно, если считать писания т. Преображенского подлинной программой строительства социализма, тогда можно было бы поставить знак равенства между «агитацией» против них и агитацией против социализма. К сведению т. Преображенского: строительством социализма руководит партия, которая книгу «Новая экономика» евангелием социализма не считает. Казалось бы, т. Преображенский сам должен был догадаться об этом. А раз это так, выходит, что «агитируют» (как угодно выражаться т. Преображенскому, хотя агитация тут ни при чем) против одного из вредных уклонов, способных помешать делу строительства социализма, если им не дать своевременного отпора.

И, разумеется, зря припутывает т. Преображенский крестьянство: изобретенный им закон первоначального накопления обсуждается в среде партии, а не на волостных собраниях.

Тов. Преображенский, как мы видели, квалифицирует выдвинутое против его теории «обвинение», как «политическую клевету». Густо сказано! Но доказано ли? «Прохожу мимо», «на политическую полемику я не намерен отвечать в настоящей книге».—все это одни чванливые жесты.

Припомним, на чем основывалось выдвинутое против т. Преображенского «обвинение»? На доводах троякого рода.

Во-первых, довод сравнительно-исторического порядка. Преображенский предлагает нам «брать» с крестьян *больше*, чем брали капиталисты. Оссовский, его ученик, от которого «учитель» нигде *ни одним словом* не отгородился,—брать больше, чем брал царизм. Спрашивается: «если уж политика царизма не была политикой эксплоатации, пауперизации и экспроприации крестьянства, то что же тогда называть эксплоатацией, пауперизацией и экспроприацией?» («Б-к», № 13, стр. 17).

Почему бы автору «Новой экономики» не уделить хотя бы несколько строк для ответа *по существу* на этот вопрос, вместо пустой брани?

По той же линии идет наше замечание, которое т. Преображенский опять-таки обходит лицемерным молчанием,—о монопольных ценах:

«Говоря о монопольных ценах, как об орудии первоначального накопления, т. Преображенский совершенно забывает, что они являются для капитализма не просто средством перекачки *прибавочного продукта* крестьян в капиталистические несгораемые шкафы, но именно орудием *экспроприации* (или же пауперизации) крестьянской массы» (там же).

Почему бы нашему автору не осчастливить нас хотя бы односложным ответом: да или нет? Являются ли монопольно-высокие цены при капитализме орудием дифференциации крестьянства, и, следовательно, в той или иной форме экспроприации крестьянской массы, или не являются?

И если да, то не является ли политикой, рассчитанной на усиление дифференциации крестьянства, т.-е. на процесс экспроприации массы крестьян, политика цен, которую т. Преображенский обосновывает так:

«Неэквивалентность обмена, которой он (т.-е. пресловутый «закон». *В. А.*) требует и в сфере обмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным *плюсом сверх этого*».

«Теоретику», карикатурно копирующему Маркса в «научном высокомерии», не худо бы вспомнить о примитивной теоретической честности, обязывающей отвечать на аргументы противника, а не просто отмахиваться от них.

Кроме сравнительно-исторических соображений, был приведен и довод *теоретико-экономического* порядка. Нельзя толковать процесс первоначального капиталистического накопления как только процесс перекачки прибавочного продукта из мелких хозяйств. Это есть *прикрашивание* капитализма. Процесс капиталистического первоначального накопления есть «*процесс отделения производителей от средств производства*» (Маркс), т.-е. *экспроприации* производителей. Между тем, вся аналогия между процессами первоначального капиталистического и первоначального социалистического накопления построена у т. Преображенского на извращенном, немарксистском толковании первого из этих процессов, как процесса «перекачки». Это приводит автора в конечном счете к игре не более, не менее, как с идеей об *экспроприации* крестьянства. Вокруг этой идеи т. Преображенский танцует на протяжении всей своей книги, хотя он и не всегда в этом сам себе отдает отчет.

Почему, опять-таки, т. Преображенский не соизволил ответить на выдвинутое против него возражение?

Уже того, что было сказано, вполне достаточно, чтобы сформулировать «обвинение», которое мы пред'явили т. Преображенскому, назвав его «теорию» обоснованием политики экспроприации крестьянства.

Еще и по *третьей* линии было подкреплено столь уязвившее т. Преображенского обвинение. Из его книги были приведены в моей статье и в статьях т. Гольденберга несколько дословных цитат, из которых явствовало, что т. Преображенский склоняется к мысли об *усилении* нажима на крестьянство по мере нашего приближения к социализму. Вот одна из этих цитат, которую мы вынуждены напомнить:

«Чем страна, где начинает бороться за свое существование и развитие социалистический сектор хозяйства, является более крестьянской, менее пролетарской, тем реальная экономическая политика рабочего государства должна *больше* отклоняться от теоретически мыслимой прямой закона социалистического накопления или, что одно и то же, закона расширенного социалистического воспроизводства[1]). Чем более крестьянской является страна, тем более абстрактным должен быть метод исследования, потому что тем важней будет отделить в политике государства то, что *диктуется* законом соцнакопления и что *навязывается* крестьянским характером страны. Чем страна является более индустриальной, тем менее, при анализе ее социалистического воспроизводства, линия действия этого закона в чистом виде будет отклоняться от реальной экономической политики рабочего государства, тем меньше придется прибегать к абстракции» (2 изд., стр. 312; 1 изд., стр. 273. Курсив автора. *В. А.*).

Мы полагаем, что эту и другие приводившиеся нами цитаты в том же духе можно истолковать только так: чем *меньше* будет *сопротивление* частных хозяйств (а оно будет тем меньше, чем мы ближе подходим к социализму), тем *дальше* пойдет социалистическое государство в политике нажима на крестьян по линии *отчуждения* их прибавочного продукта, и это отчуждение в свою очередь будет иметь тенденцию перерастать в экспроприацию мелких производителей. Если такое толкование неправильно, то т. Преображенский обязан был дать такую расшифровку своим довольно-таки схоластическим формулам (о «теоретически мыслимых прямых» и пр.), которая, с его точки зрения, будет правильной. Но если он от этой обязанности опять-таки предпочитает отмахнуться, то это его дело. Тогда остаются целиком в силе как сделанный мною вывод о ближайшем родстве между построениями т. Преображенского и «теорией третьей революции», так и справедливое замечание тов. Гольденберга:

---

1) Между прочим, после того, как мною было указано, что здесь автор вновь и вновь ставит знак равенства между „законом *первоначального* соцнакопления" и „законом расширенного социалистического воспроизводства вообще, автор внес во 2-м издании „Нов. экономики" поправку, вставив слово „пока". Теперь эти слова звучат так: ...«прямой закона социалистического накопления или, что *пока*, одно и то же, закона расширенного социалистического воспроизводства". Нигде, ни одним словом этого исправления автор, как это было уже и ранее с некоторыми изменениями в тексте его статей при их перепечатке, не оговорил.

«Чем ближе к социализму, тем больше отчуждения, тем больше перекачки! Это явный абсурд, это сумасшедшие пустяки. Но пусть попробует тов. Преображенский сделать другие выводы из своих собственных слов» («Б-к», № 15—16).

Вместо того, чтобы делать выводы из собственных слов, т. Преображенский в своем ответе начинает говорить вещи совершенно противоположные.

Оказывается,—«совершенно верно, т. Гольденберг! Чем ближе к социализму, тем не больше, а с известного момента меньше «отчуждения», потому что тем больше накопления на собственной основе государственного хозяйства, потому что тем эквивалентней обмен в сравнении с теперешним положением» (стр. 323).

Это выходит довольно безапелляционно, но,—как бы это сказать,—не очень добросовестно, потому что поставленные автору в вину цитаты из его книги и не сняты автором, как ошибочные, и не истолкованы текстуально так, чтобы было доказано неправильное их истолкование оппонентами. Со стороны Преображенского это не теоретическая полемика, а какие-то подозрительные приемы «цыганской борьбы», явные «подножки». Сказать одно, а потом, когда оппонент скажет другое, воскликнуть: «Совершенно верно, т. Гольденберг!» А затем прокричать о «политической клевете». Невелика мудрость, но невелико и уважение к себе.

3. Новые перлы «преображенного ленинизма».

«Начну внешне с самого существенного возражения, выдвинутого против меня,—говорит т. Преображенский.—Меня упрекают в основной методологической ошибке, заключающейся в противопоставлении социалистическому сектору всего частного хозяйства, без дифференциации последнего на капиталистические элементы, на мелкое производство деревни, на бедноту и т. д.» (стр. 315).

С своей стороны т. Преображенский выдвигает два контрвозражения.

Первое. «Между простым товарным производством... и капиталистическим производством есть, употребляя зоологический термин, видовое различие, но и та и другая экономики одного рода, т.-е. и то и другое есть товарное производство. При противопоставлении всего товарного производства социалистическим тенденциям развития исследователь обязан абстрагироваться от видовых различий простого товарного и капиталистического производства. Отказ от исследования законов развития нашей экономики в этой области есть капитуляция перед мелкой буржуазией в этой области» (316).

Сколь страшно это ни звучит («капитуляция перед мелкой буржуазией»!), но ведь здесь нет даже тени довода. «При противопоставлении всего товарного производства» социалистическому, конечно, полагается отвлечься от видовых различий товарного производства. Но ведь т. Преображенскому было указано на неправильность в данном случае самого такого противопоставления, если имеется в виду определенная конкретная цель: выведение «основного закона социалистического накопления». У т. Преображенского крайне своеобразная манера спорить. Например, если бы ему посоветовали: не пишите статей о законе первоначального накопления, он мог бы с тем же успехом «возразить»: «Для написания статей я не могу обойтись без бумаги». Но докажет ли такой ответ кому-либо, что употребление, сделанное из бумаги (которая «все терпит») т. Преображенским, правильно и что статьи его верны?

Тов. Преображенский обнаруживает здесь полное неуменье приложить абстрактную схему к жизни. При противопоставлении мелких крестьян и крупных капиталистов рабочему классу, конечно, можно абстрагироваться от «видовых различий» между всеми собственниками средств производства. Но правильно ли применять такое противопоставление, когда хочешь определить основные тенденции развития классовых отношений в переходный период? Неправильно, ибо такое противопоставление непригодно для данной конкретной цели. В жизни дело обстоит так, что пролетариат и буржуазия борются между собою за крестьянство. Суть политики пролетариата (суть нэпа) — в смычке с крестьянством (а не с «частными хозяевами» вообще!). При развитии к социализму буржуазия вытесняется, а крестьянство переделывается под влиянием пролетариата. Являются ли эти формулированные Лениным положения основными законами нашего развития или нет? А если являются, то разве их можно вывести талмудическим путем из противопоставления социалистического сектора всем «частническим» элементам? Это же круглый вздор!

А социалистическое накопление,—разве оно может идти не в соответствии с указанными основными законами нашего социального развития? Разве для него существует другой, абстрактный, «открытый» т. Преображенским «закон», стригущий под одну гребенку мелкого крестьянина и капиталиста на том скромном основании, что крестьянин и капиталист оба представляют в экономике товарное производство? Это же сущие пустяки! Успокоившись на таком «законе», наша партия проявила бы невероятную трэд-юнионистскую ограниченность.

Тов. Преображенский, поэтому, ищет, «капитуляцию перед мелкой буржуазией в теории» совсем не там, где ее следует искать. Когда надо конкретно анализировать вопрос, т. Преображенский скрывается от нас в облаках абстракции. И, наоборот, когда ему говорят, например, о необходимости подходить к конкретному анализу советского общества только после установления обще-теоретических положений о двухклассовом обществе переходного периода (рабочие и крестьяне), тогда он истерически хохочет, называя это «глуповским подходом». Беспринципное метание между конкретностью и абстракцией (по единственному приемлемому для нашего «методолога» принципу: чего хочешь, того просишь) и есть одно из ярких проявлений теоретической капитуляции, превращающее произведения т. Преображенского в теоретический кисель.

«Это первое —продолжает наш автор.—Второе и самое важное доказательство правильности именно моего метода анализа заключается в следующем. Кто наш основной (курсив Преображенского. *В. А.*) враг, откуда угрожает основная опасность советской системе? Разумеется, от мирового ка-

питализма. Когда я противопоставляю социалистический сектор нашей экономики частному хозяйству, то ведь в частное хозяйство, как территорию действия закона ценности, входят основной величиной мировое хозяйство и мировой рынок. Чем дальше существует наша система и чем более растет ее связь с мировым разделением труда, тем ясней должно делаться для всех, даже для людей с захолустным кругозором, что основная линия борьбы социалистического сектора нашего хозяйства с буржуазной системою пролегает именно по линии борьбы с мировой капиталистической экономикой, что должно отражаться и на всей сумме наших отношений с внутренним капитализмом и с внутренним мелким производством» (стр. 317).

Страницей ниже тов. Преображенский договаривает свою мысль. Он пишет, комментируя в примечании свою точку зрения (внимание!):

«Отношение государственного хозяйства к крестьянскому с этой точки зрения чем дальше, тем больше делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом, что, конечно, не исключает, а обязывает конкретно анализировать отношение рабочих и крестьян в советской системе во всем их своеобразии и динамике» (стр. 318; видимо, ошибка при верстке, ибо это примеч. относится к 319 стр.).

Начнем с последних строк.

Поистине здесь перед нами «самое важное доказательство» полного банкротства теории т. Преображенского, как теории нашего развития к социализму. В нарисованной им перспективе нет места такому развитию. Зато она дает широкий простор всевозможным выводам о неизбежности нашего перерождения, падения и т. п.

Отношение госпромышленности и крестьянского хозяйства есть основное экономическое отношение в нашем современном строе. Именно оно, а не отношение госпромышленности к «частному хозяйству вообще», как это рисуется Преображенскому, является экономически основным. Развивая госпромышленность и кооперируя крестьянские хозяйства, мы строим социалистическую экономику.

И вот т. Преображенский утверждает, что эта основная линия нашего развития «чем дальше, тем больше» «делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом». Что это может означать?

До сих пор мы были свидетелями того, что не только наше международное положение отражалось на внутренней жизни СССР и ее экономическом развитии, но имел место и факт обратного порядка: наше внутреннее укрепление, рост социализма в СССР в огромной степени определяли наше международное положение и даже, в известной мере, ход революционного движения в других странах.

На протяжении всех первых лет нэпа мы наблюдали, как наше международное положение и наши отношения с мировым капитализмом «чем дальше, тем больше» «делались функцией» нашего внутреннего роста, улучшения наших отношений с крестьянством. Словом, была тенденция развития, диаметрально про-

тивоположная той, которую нам пророчит т. Преображенский на будущее.

Где доказательства, что с 1926 года наступает якобы такой коренной перелом, поворот на 180° в положении и тенденциях развития СССР, который рисуется т. Преображенскому? Чем он обосновывает свой пессимизм?

А картина у т. Преображенского, действительно, получается необыкновенно мрачная, будущее наше рисуется ему безотрадным. Он, видимо, совершенно не верит в возможность под'ема социалистического хозяйства в нашей стране, да еще под'ема более быстрого по темпу, чем в капиталистических странах, добиться чего намеревается партия.

Ибо если бы т. Преображенский исходил из перспективы наших успехов в деле индустриализации и кооперирования крестьянства, он не мог бы сказать: «чем дальше, тем больше» наши отношения к крестьянству становятся «лишь функцией» наших отношений с империализмом. Наоборот, он должен был бы подчеркнуть совершенно иную, противоположную тенденцию: «чем дальше, тем больше» мы будем все более и более экономически независимы и самостоятельны по отношению к империалистическому окружению.

Вся политика индустриализации страны у нас рассчитана на эту перспективу. А тов. Преображенский, об'являющий себя «индустриалистом», совершенно исключает возможность для нас достичь даже первоочередной цели индустриализации,— обеспечения нашей экономической самостоятельности (не говоря уже о построении социализма в нашей стране). В этом отношении «левый» т. Преображенский вполне примыкает к «правому» т. Сокольникову. Но, разумеется, т. Сокольников более последователен, ибо он, не веря в индустриализацию, как в путь обеспечения нашей экономической независимости, выступает против развития производства средств производства в нашей стране. А т. Преображенский, несмотря на сокольнически-шанинское неверие, которое он разделяет, считает для себя вполне возможным обвинять партию в нежелании ускорять индустриализацию! Нечего говорить, что это не делает чести его способностям логически рассуждать.

Характерно для тов. Преображенского, что его необычайно уязвило брошенное мимоходом в моей статье замечание о пессимистических нотках, прорывающихся в его писаниях. Повод, послуживший для этого замечания, в данном случае не столь важен (оговорка т. Преображенского, которая, как и было отмечено, «противоречит, казалось бы, ряду других положений автора»,—см. «Б-к», № 13, стр. 21). Тов. Преображенский пишет по этому поводу в одном месте, что его оппонент «пытается накрутить аргумент насчет моего пессимизма, не зная, что его же единомышленники упрекали меня до сих пор в излишнем оптимизме насчет возможной роли планово-социалистического начала в нашей экономике» (320). И в другом месте: «если, как мы видели, т. Астров строит вариант, обвиняя меня «по признакам пессимизма», то гораздо чаще мои критики обвиняли меня как раз в обратном и делали это искренно, а не в целях политической дискредитации» (стр. 335).

По всему видно, что «обвинение» в пессимизме гораздо сильнее ужалило тов. Преображенского, чем «обвинение» в «опти-

мизме». Но что поделать, если у нашего автора преувеличенно-оптимистическое отношение к плановому началу сочетается с крайне пессимистической оценкой перспектив нашего развития и об'ективных предпосылок для построения социализма в нашей стране? Кто же, кроме самого автора столь противоречивой теории, повинен в этом?

А разве сам автор, в завуалированном виде, не признается перед читателями в своем пессимизме? Вот что он говорит в заключительных строках 2-го издания:

«В моей работе я пытаюсь дать теоретический анализ развития советской системы хозяйства. Это развитие возможно лишь в том случае, если внутри развертывание государственного сектора идет быстрей роста частного хозяйства и, само собой разумеется, если извне мы не будем задушены мировым империализмом. С точки зрения сегодняшнего дня мой анализ может казаться слишком оптимистическим, но иначе обстоит дело, если брать линию развития в целом» (стр. 335).

Из признания т. Преображенского, сделанного здесь, явствует, что он вполне сознательно сочетает в своей теории двоякого рода оценки условий и перспектив нашего развития, притом оценки противоположного характера. По отношению к сегодняшнему дню его оценка более оптимистична, по отношению к «линии развития за целый период» она отнюдь не такова, здесь «иначе обстоит дело», здесь оценка более пессимистична.

Это значит, что предлагая нам интенсивнее выкачивать средства из деревни и гнать дело индустриализации на всех парах, даже с воспрещенной скоростью, т. Преображенский в то же время мрачно смотрит на возможность наших экономических побед на протяжении периода империалистического окружения: он, как мы видели, считает невозможным даже упрочение нашей экономической самостоятельности по отношению к империалистическому миру.

Не напоминает ли столь странный «пессимистический оптимизм», например, храбрость труса или прыжок в пропасть человека, отчаявшегося спасти свою жизнь? Не сводится ли этот «оптимизм» к авантюристическому пораженчеству?

Вернемся теперь еще раз к аргументации т. Преображенского насчет «основного врага» и вспомним, что ссылкой на существование мирового империализма т. Преображенский хочет нам доказать невозможность проводить различие между мелкими крестьянами и крупными капиталистами, поскольку речь идет о том, как должно развиваться социалистическое накопление и каков его «основной закон».

Итак, о чем же говорит ссылка на мировой капитал, это «второе и самое важное» доказательство т. Преображенского? Оно говорит лишь о том, что т. Преображенского безвозвратно губит склонность к схоластике. «Зачислив» крестьянское хозяйство по одному «ведомству» с капитализмом, т. Преображенский, вполне естественно, в конце концов, приходит к безудержному пессимизму. Схоластика и пессимизм здесь идут рука об руку.

Надо быть на редкость педантичным и узким «мыслителем», чтобы при исследовании законов нашего развития, мелкое крестьянское хозяйство внутри советской страны, где оно подвержено воздействию и руководству социалистического государства, взять за одни скобки не только с капитализмом внутри страны, но и с мировым капитализмом, организованным в гигантские империалистические государства! Неужели же и закон «перекачки» остается одним и тем же для этих обоих «видов товарного производства»?! Один и тот же закон «перекачки» в социалистический сектор из крестьянского хозяйства и из мирового капиталистического хозяйства,—разве это не явный абсурд? Любопытно, какие по этому поводу последуют раз'яснения от автора!

Неужели и здесь он «отделается» ссылкой на то, что и в нашей деревне и за границей действует, видите ли, один и тот же закон ценности? Полно-те, разве он вполне одинаково действует и там и тут?!

Перед нами, поистине, редчайший пример талмудического подхода к теории. Положительно, теоретические занятия т. Преображенскому вредны.

И разве не смешно звучит, когда т. Преображенский после всего этого становится в позу исследователя конкретных законов конкретной экономики:

...«Я никакими абстрактными переходными периодами не занимаюсь (это плохо, т. Преображенский, что вы не усвоили некоторых основных черт переходного периода вообще, оттого вам и не удается конкретный анализ. *В. А.*). Я исследую советскую, т.-е. конкретную, экономику и в совершенно конкретный период ее развития»... и т. д. (стр. 324).

Это «конкретность»-то исследования позволяет заключать наше крестьянское хозяйство за одни скобки с мировым капитализмом? Постыдились бы, «исследователь»! Если так, вообще говоря, и можно делать в очень абстрактном анализе (и крестьяне—собственники, и мировые капиталисты—собственники), то, понятно, в конкретном анализе поступать так абсолютно невозможно.

В забавное положение ставит себя т. Преображенский и своими возражениями против теории двухклассового общества. Он пишет:

«Тов. Астров думает улизнуть от признания наличности в нашей экономике закона первоначального накопления, сделав теорией переходного периода теорию двухклассового общества. Я уверяю его, что если начать исследование с этого конца и добросовестно вести его в духе революционного марксизма и ленинизма, не впадая в национальную ограниченность, то закон первоначального социалистического накопления настигнет исследователя неизбежно, пусть даже в качестве закона, выведенного индуктивным путем».

Чувствуя, что одних «уверений» недостаточно, автор пытается аргументировать:

«Ведь исследователь будет заниматься не отношением между рабочими и крестьянами при диктатуре пролетариата вообще, а отношениями между этими классами в конкретной советской экономике данного периода. Попробуйте обойти при таком исследовании факт дифференциации крестьянства»... «Попробуйте обойти проблему экспорта, импорта и экспортирующих групп крестьянства»...

И далее:

«Закон первоначального социалистического накопления есть закон соотношения социалистического сектора нашего хозяйства не только с частным хозяйством внутри, но и со всем мировым хозяйством. Превращать его (? ни во что «превращать» «закон» т. Преображенского мы не собираемся, ибо во что-нибудь дельное его все равно «превратить» нельзя. *В. А.*) в теорию взаимоотношения государственного хозяйства с крестьянским хозяйством, значит подменять всю проблему одной ее частью. Отвлечься от мирового рынка и от основного нашего противника и стряпать теорию (!) замкнутого рабоче-крестьянского общества и его экономики, значит заменять марксистское исследование вопроса пошехонской или глуповской теорией советского хозяйства. Я очень бы рекомендовал Астрову и другим оппонентам, стоящим на его точке зрения, попробовать с таким исследованием»... И далее идут упражнения в «остроумии» (стр. 317—318).

Итак, отвлекаться от международного окружения при теоретическом подходе к вопросу о внутренних силах нашей революции нельзя. Это значит «стряпать теорию» и т. д., и т. п. А отвлекаться от пустяковых различий между нашим средним крестьянином и европейским капиталистом можно. Это есть «конкретный анализ». Поразительная методология!

Но, прежде всего, следует заметить, что т. Преображенский делает слишком много чести автору этих строк, когда изображает его чуть ли не «родоначальником» какой-то якобы невиданной новой теории. В статье, на которую отвечает Преображенский, есть недвусмысленная ссылка на «тов. Бухарина, который вслед за Лениным, в ряде своих теоретических произведений, ставит вопрос об анализе двухклассового общества, как об основе основ теории переходного периода» («Большевик» № 13, стр. 12). Верна ли эта ссылка на Ленина или нет? Казалось бы, что на этот вопрос должен был прежде всего дать ответ т. Преображенский, если он не согласен по существу с высказанной здесь точкой зрения. А он молчаливо обходит вопрос о моей ссылке на Ленина. Не потому ли, что ему нельзя было бы доказать неправильность этой ссылки? Не потому ли, что пришлось бы тогда обвинять Ленина в желании «стряпать теорию»?..

Конечно, совсем не относятся к существу дела замечания в роде того, что «попробуйте обойти» дифференциацию деревни или эксплоатирующие группы крестьянства. Никто не предлагает их совсем «обойти». Сам же т. Преображенский цитирует из моей статьи место, где сказано:

«Социализм плюс мелкое производство здесь должны быть исходной ступенью абстракции, после чего в сферу анализа должен быть введен в порядке конкретизации вопроса капитализм» (стр. 315 кн. Преображенского).

Характерно для степени теоретической честности т. Преображенского, что он сам, несомненно, прекрасно понимает, в какой плоскости у меня идет речь о теории двухклассового общества («социализм плюс мелкое производство» в качестве «исходной ступени абстракции»). Ему прекрасно известно, что взять двухклассовое общество рабочих и крестьян «исходной ступенью» абстракции (примерно, так же, как в «Капитале» Маркс берет

в качестве исходной ступени абстракции двухклассовое общество рабочих и капиталистов), это не значит «обойти» иные классы (точно так же, как Маркс не «обходит» ренту, мелких производителей и т. п.).

Что постановку вопроса т. Преображенский безусловно понимает, об этом свидетельствует условное согласие на нее, которое он дает в словах: «если начать исследование с этого конца и добросовестно вести его»... (см. цитату выше). Понимая постановку вопроса, т. Преображенский, однако, «накручивает аргументы», к вопросу не относящиеся.

Тов. Преображенский (и т. Троцкий на XV конференции) выдвигают и защищают положение, будто бы теоретически недопустимо «отвлекаться» от международной обстановки при анализе внутренних сил нашей революции. А тех, кто считает вслед за Лениным обязательным для себя при анализе условий развития российской революции сперва рассмотреть условия развития этой революции самой по себе, и лишь после того, как будет создана полная ясность по этому исходному пункту, отнюдь не «обходить» международные условия, а рассмотреть их и раздельно, и в сочетании с внутренними нашими условиями,—всех сторонников такого подхода сторонники оппозиции об'являют «национально-ограниченными» людьми!

Легко видеть, что сами оппозиционные товарищи выступают здесь в роли глуповцев и пошехонцев, ни с того, ни с сего вообразивших себе международную революцию в виде высокой колокольни, с которой полагается плевать на свою деревню «самое по себе». Пошехонец, поездивший «по заграницам» и свысока третирующий свое Пошехонье, служил бы лучшей иллюстрацией к оппозиционному «интернационализму».

4. С больной головы—на здоровую.

Тов. Преображенский нашел необходимым в своем послесловии разразиться целой филиппикой против «критиков из молодых». «Первородный грех» их, видите ли, состоит в том, что «молодые самым серьезным образом тактическую сторону ленинских взглядов выдают за программу ленинизма в крестьянском вопросе, а программные и общие формулировки выдают за кон'юнктурно-тактические лозунги, связанные с условиями военного коммунизма» (стр. 333). «Мои критики из молодых уступки самым наивным образом выдают за цель»... и т. д. А посему они «отражают давление» не более, не менее, как «22 миллионов крестьянских хозяйств страны» (!!) (стр. 334).

Разбери, кто может! Когда, кто, где, какие «уступки» выдавал «за цель», тактическую сторону ленинизма за «программу ленинизма в крестьянском вопросе»? Все это—секрет изобретателя подобных «аргументов».

Может быть, тов. Преображенский потому больше не захотел уделить здесь места об'яснению своих столь сногсшибательных выводов, что опять-таки этому он посвятит лишь седьмую часть восьмого тома своих сочинений, которая выйдет в свет не раньше такого-то мартобря? Разрешит ли нам он, поэтому, принять и эти свои намеки, как очередную американскую рекламу?

Ну, что же, подождем; только вряд ли что-нибудь убедительное выскажет нам наш оппонент по обещанному им поводу и в мартобре. Потому что полная «программа ленинизма в крестьянском вопросе», его «цель», как известно, есть обобществление сельского хозяйства, полное уничтожение противоположности между городом и деревней, достижение коммунизма. Эту программу за «тактическую сторону» никто еще не выдавал и, как будто бы, выдать ее за таковую невозможно. С Преображенским же партия (вся партия, а не только «критики из молодых») спорит по вопросу о том, как итти к осуществлению нашей программы вообще, «в крестьянском вопросе» в частности.

«Вытеснять» крестьянское мелкое производство методами высоких налогов или высоких цен, способствуя своей политикой процессу дифференциации крестьянства, процессу, сопровождающемуся экспроприацией (в экономическом значении этого слова) массы крестьян? Или же переделывать основную мелкокрестьянскую массу, беря ее такой, какова она есть, вовлекая ее в социалистическое строительство методами, развивающими заинтересованность ее в успехах социализма, помощью в организации коллективного хозяйства и т. п. (что не исключает налогов и иных мер частичного перераспределения крестьянского продукта в социалистический сектор хозяйства, но обязует нас применять их лишь в определенных пределах)? Вот о чем идет спор,—о методах строительства социализма в переходный период, о путях к осуществлению нашей программы, и в этом смысле мы спорим не о программе, а об экономической «тактике и стратегии» переходного периода.

Тов. Преображенский сказал фразу: «Тактику выдают за программу, программу за тактику», но в этой фразе у него ровно никакого смысла нет. Между тем, его упоминание о военном коммунизме, допущенное им в таком сомнительного рода «контексте», наводит на размышления. Где это он узрел, что программные формулировки его критики якобы выдают за «кон'юнктурно-тактические» лозунги военного коммунизма? Не происходит ли дело наоборот? Не склонен ли сам судья партийного «молодняка» выдавать, если не за программные, то во всяком случае за основные положения экономической политики нашей партии «кон'юнктурные» лозунги военного коммунизма? Не сваливает ли он с больной головы на здоровую?

Последнее будет вернее. Например, по отношению к крестьянскому хозяйству в годы, когда советская страна защищалась от белогвардейцев, у нас почти целиком проводился лозунг: «брать все, что технически и экономически досягаемо». А в годы 1923—26 этот кон'юнктурный лозунг вдруг выпырнул на свет божий в статьях о «новой экономике», с явной претензией и в годы нэпа остаться основным тактическим положением. Между тем, в эти годы уже нельзя только «брать»—надо уметь и давать; надо не только думать о том, что технически «досягаемо», но и о том, что технически более производительно, выгодно и т. п.

Возьмем и другой пример—с кооперацией. С упорством, достойным безусловно лучшей участи, т. Преображенский пропагандирует идею о социалистическом характере одной лишь производственной кооперации.

Он и в ответе нам твердит свое: «развитие производительных сил по линии создания кулацких и зажиточных хозяйств, т.-е. путем не социалистической, а антисоциалистической организации земледельческого труда, идет быстрей создания производительной кооперации в деревне (колхозы главным образом)» (стр. 317). А в другом месте сказано так: «Мы имеем здесь (в нашей экономической системе. *В. А.*) два основных звена: во-первых, социалистическую форму с большинством или с частью кооперативной периферии (с периферией рабочей кооперации во всяком случае)» и т. д. (стр. 319).

Это называется «маневрировать» в вопросе о социалистическом характере кооперации! То она, социалистическая кооперация, составляет «большинство» «кооперативной периферии», то она вдруг на наших глазах свертывается до размеров «части» («или часть»? несмело запрашивает автор), и, наконец,—гора родила мышь,—только рабочая кооперация, но не крестьянская, остается «во всяком случае» (!), если не социалистической формой, то «кооперативной периферией социалистической формы» (уф!).

Из крестьянской же кооперации «социалистический путь организации труда» представлен у Преображенского только «производительной кооперацией» («главным образом колхозы»).

Кооперация в сфере сбыта и закупок, в сфере обращения, таким образом, не является, с точки зрения Преображенского, путем к социалистической организации труда. Таков не только принципиальный, но и буквальный смысл его слов, приведенных выше.

Ну, а эта точка зрения разве не отдает «кон'юнктурой» военного коммунизма, когда у нас о кооперации в сфере обращения вообще не было речи, потому что самая эта сфера находилась под официальным запретом («свобода торговли—программа Колчака»), когда в силу этого и ряда других условий, колхозы играли, действительно, исключительную роль в наших планах и перспективах?

Не выходит ли, что и здесь т. Преображенский не продумал написанной Лениным статьи «О кооперации», где сказано, что «одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, а другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы **всякий** мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало».

Неужели же Ленин здесь говорил только о строительстве колхозов? Неужели же «мы достигли теперь» той «ступени», когда «всякий мелкий крестьянин» уже «может участвовать в построении»... колхозов (т.-е. сразу уничтожить себя, как мелкого хозяина, растворившись в коллективном хозяйстве)?!

Полно, да так ли это?

О колхозах ли писал Ленин, как о «переходе к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»? Их ли он имел в виду, когда говорил, что «теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, част-

ного торгового интереса (а участники колхоза здесь индивидуальной, частной торговли не ведут! Значит, не о них речь у Ленина. *В. А.*), проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам»? Только ли рост колхозов, по Ильичу, а не рост и иной кооперации у нас «тождествен с ростом социализма»?

Стоит поставить хотя бы лишь перечисленные вопросы, чтобы отпало «военно-коммунистическое» толкование, которое дает кооперативному плану Ильича т. Преображенский. Ленин имел в виду прежде всего кооперацию в сфере обращения, хотя и менее приближающуюся к социалистическому производству по своему типу, чем кооперация производственная, но зато способную проще, легче и быстрее охватить основную массу торгующего своими продуктами мелкокрестьянского населения, чтобы впоследствии подвести ее к коллективному производству.

К этому плану привел Ленина анализ условий нашего развития в период нэпа, в период торговли. А т. Преображенский тащит нас назад, «накручивая» в то же время совершенно искусственные и ходульные аргументы насчет какой-то подмены программы тактикой.

Когда человек мал ростом и его разбирает недовольство своей судьбой, то он может взобраться на ходули и быть «выше всех» на одну, две, три головы. Беда только в том, что снизу ходули видны и никогда никого такой человек своим ростом не обманет, кроме малых и ничего не понимающих ребят. Пример этот пусть послужит уроком тов. Преображенскому. Пусть он не принимает за несмышленных ребят партийцев, читающих теоретические книги. Что—что, а ходули они сумеют отличить от настоящих ног.

Г. Маленков.

Вовлечение рабочих в партию.

Партийное ядро в рабочем классе и пролетарское ядро в партии.

Наша партия всегда уделяла исключительное внимание вопросу регулирования своего состава. Правильное разрешение этого вопроса в значительной мере обеспечивает сплоченность партийных рядов и твердость партийного руководства. «Укрепление партии и усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое в теперешней сложной обстановке более, чем когда бы то ни было, предполагает также и правильное регулирование состава партии» (XIV п. с'езд).

Как передовой отряд рабочего класса, наша партия, естественно, стремится к вовлечению в свои ряды всех наиболее сознательных, наиболее преданных делу пролетариата рабочих.

Практическое осуществление этой политики находится в совершенно очевидной зависимости от роста рабочего класса и особенно от роста его общественно-политической активности. За последние годы, начиная, примерно, с 1923—24 г., когда развивавшийся ранее процесс деклассирования пролетариата сменился процессом его укрепления, консолидации, сопровождавшимся непрерывным ростом его общественно-политической активности, происходило особенно значительное увеличение количества коммунистов, работающих у станка [1]): в январе 1924 г. их было 83.000, в январе 1925 г.—302.000, в январе 1926 г.—409.000, в июле 1926 г.—примерно, 433.000. В течение $2^1/_2$ лет партия увеличила свое пролетарское ядро на 350.000 или более чем в пять раз.

Для партии важно не только укрепление ее рабочей части,— пролетарского ядра в партии, но и постепенное увеличение коммунистической прослойки в рядах основных кадров рабочего класса, занятых в промышленности и на транспорте,—увеличение партийного ядра в рабочем классе.

Последним этот вопрос по группе промышленных рабочих. В январе 1924 г. фабрично-заводских рабочих в СССР было 1.542.000, коммунистов же среди них, работающих у станка,— 60.000, что составляет—3,9%; в январе 1925 г. количество рабочих возросло до 1.789.000, коммунистов же среди них стало 204.000, или 11,4%, в январе 1926 г. рабочих—2.131.000, коммунистов среди них—265.000, или 12,4%.

На транспорте соотношение между количеством коммунистов и рабочих изменилось еще более благоприятно. В то время

[1]) Общее количество рабочих в партии (как работающих у станка, так и занятых на партийной, советской, профессиональной и другой работе) за это же время изменилось след. образом: в январе 24 г.—196.000, в январе 25 г.—429.000, в январе 26 г.—582.000, в июле 26 г. примерно, 621.000.

как рабочая сила, занятая на транспорте, за рассматриваемый период изменялась в общем незначительно, группа коммунистов-рабочих транспорта росла быстрым темпом. Так, в январе 1924 г. она не превышала 20.000, в январе 1925 г. равнялась уже 72.000, в январе 1926 г. достигла 100.000.

Одновременно шло усиление и удельного веса пролетарского ядра в партии. Если в январе 1924 г. рабочие по занятию (у станка) составляли в партии 18,8%, то в июле 1926 г. они составляют уже свыше 40%. Но это увеличение относится исключительно к периоду первого ленинского призыва. В дальнейшем же процент коммунистов-рабочих от станка не только не увеличивался, но в отдельные периоды даже несколько снижался: в январе 1924 г. он равнялся, как мы видели—18,8%, в июне 1924 г. он сразу достиг 42,3%, в январе 1925 г. он понизился—40,8%, в июле 1925 г.—42%, в январе 1926 г.—40,8%, в июле 1926 г., по неполным пока еще данным, этот процент остается приблизительно на том же уровне[1]).

Естественно, что относительное и абсолютное укрепление рабочей части партии имело своим результатом ослабление удельного веса других социальных категорий (крестьян, служащих и прочих) в партии. Из ниже приведенной диаграммы видно, что уже с 1923 г. (а в отношении служащих даже еще ранее) непрерывно падает процент крестьян, служащих и прочих в партии, тогда как до этого времени происходил обратный процесс.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА КОММУНИСТОВ

РАБОЧИХ.
СЛУЖАЩИХ И ПРОЧИХ
КРЕСТЬЯН.

Вывод: 1. Партийное ядро в рядах промышленного и транспортного пролетариата растет более быстрым темпом, чем увеличиваются кадры последнего. 2. Пролетарское ядро в партии за последние годы выросло значительно, но уже продолжительное

---

[1]) Процесс усиления удельного веса всей рабочей части партии (рабочие от станка+рабочие, занятые на парт., сов., проф. и др. работе), является совершенно аналогичным и характеризуется следующими данными: в январе 24 г. рабочие по соц. положению составляли в партии 44%, в июле 24 г.—60%, в январе 25 г.—57,9%, в июле 25 г.—58,6%, в январе 26 г.—58,1%, в июле 26 г. по неполным пока еще данным этот процент остается приблизительно на том же уровне.

время имеет место стабильность процента рабочих-коммунистов к общему количеству членов и кандидатов партии.

Необходимо сосредоточить внимание на повышении удельного веса пролетарского ядра в партии. Это требует более тщательного регулирования приема в партию из непролетарских слоев и все большего вовлечения в партию пролетариев. Так и формулировал эту задачу XIV с'езд партии—необходимо «вести политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра».

* * *

Мы рассмотрели вопрос о пролетарском ядре по партии в целом. Необходимо теперь дать характеристику размеров пролетарского ядра по партийным организациям отдельных районов. Во многих из них имеют место значительные отклонения от среднего по партии процента (40,8%—на январь 1926 г.) рабочих-коммунистов. Об этом с большой наглядностью свидетельствуют данные о проценте рабочих по занятию в составе парторганизаций различных районов в январе 1926 г.: центральные пром. губернии—49,9%; центральные земледельч. губ.—31%; Сев.-Зап. область—57,6%; Уральск. область—43,3%; Севкавкрай—35,7%; Сибирь—28,5%; Азербайджан—53%; Украина[1])—46,1%.

Партийные организации промышленных районов, как мы видим, насчитывают в своем составе свыше или около 50% рабочих от станка, в то время как в парторганизациях земледельческих районов последние составляют обычно не больше 1/3 общего количества членов и кандидатов партии. Разнообразие размеров пролетарского ядра в отдельных партийных организациях зависит, таким образом, прежде всего от экономических и социальных особенностей каждого района.

Но на размер удельного веса рабочей части партии в партийных организациях различных районов, помимо указанных об'ективных причин, оказывает влияние и практика регулирования в отдельных организациях. Регулирование не является достаточно тщательным. Об этом можно судить, как по данным процента рабочих в составе принимаемых в кандидаты, так и по снижению процента рабочих за последнее время в составе отдельных парторганизаций.

Состав принимаемых в кандидаты можно иллюстрировать следующими данными. В первом квартале текущего года среди общего количества принятых в кандидаты рабочие по занятию составляли—в бакинской организации 88,5%, в ленинградской 76,6%, в промышл. округах Урала—63,9%, в центр. промышленных губерниях—62,4%, в центр. земледельч. губ.—34,1%, в Сибири—24%, в земледельч. округах Урала—13,7%.

Мы видим на ряду с высоким процентом рабочих в составе принимаемых в кандидаты в одних организациях промышленных

---

[1]) Следует иметь в виду, что процент приводимый для Украины и Урал-области, является лишь средним: он значительно выше в промышленных округах и, следовательно, более низок в земледельческих округах.

районов, значительно более низкий процент в организациях других промышленных районов и чрезвычайно низкий процент в организациях земледельческих районов. Конечно, решающую роль здесь играют отмеченные выше социально-экономические особенности каждого района. Но при тщательно проводимом регулировании эти особенности не влияли бы так разительно, не дали бы такого понижения процента в отдельных промышленных и особенно непромышленных районах.

Снижение же за последнее время процента рабочих (по занятию) в отдельных парторганизациях видно из следующих данных: на июль 1925 г. в парторганизациях центральных промышленных губерний рабочих по занятию было 51,3%, в январе же 1926 г. стало 49,9%, в парторганизации Уралобласти было 45,5%, стало 43,3%, в парторганизации Севкавкрая было 38,4%, стало 35,7%, в парторганизации Сибири было 30,3%, стало 28,5%, в парторганизациях Украины было 49,2%, стало 46,1%, в парторганизации Азербайджана было 54%, стало 53%. В некоторых партийных организациях это снижение относится не только к тому или иному отдельному периоду времени, но является даже систематическим. Так, например, в Брянской организации рабочих по социальному положению в январе 1925 г. было 68,7%, в июле 1925 г.—64%, в январе 1926 г.—63,3%, в июле 1926 г.—60,8%; в Тульской организации за те же периоды—73,5%, 71,4%, 70%, 68%; в Вологодской—54,1%, 49%, 47,5%, 45,7%; в Псковской—52,7%, 46,4%, 45,9%, 44,9%.

Вывод. Необходимо практику регулирования выравнять. Каждая из парторганизаций промышленных районов должна обеспечивать еще большее преобладание за рабочими среди вновь принимаемых в партию и постоянно повышать таким образом удельный вес рабочих в своем составе. Парторганизации земледельческих районов при дальнейшем пополнении своих рядов должны учитывать необходимость достижения в ближайший период 50% рабочих от станка в составе всей партии.

Анализ состава рабочей части партии.

Основная масса промышленных рабочих СССР занята на крупных предприятиях. По данным Госплана, к 1925 г. мелкие предприятия с числом рабочих до 50 охватывали 5,2% всего промышленного пролетариата, средние предприятия, с числом рабочих от 51 до 500,—26% и крупные предприятия, с числом рабочих свыше 500—68,8%.

Естественно, что и основная масса коммунистов-рабочих сосредоточена также в крупной промышленности. На январь 1926 г. в одних только основных отраслях крупной промышленности—обработка металлов и машиностроение, горная и горно-заводская, текстильная,—где сосредоточена большая часть наших крупных предприятий, насчитывалось 58% общего количества коммунистов, работающих у станка по всем отраслям промышленности. По всей крупной промышленности процент, естественно, гораздо выше.

Эти данные характеризуют пролетарское ядро нашей партии. Большая часть его сосредоточена на крупных фабрично-заводских предприятиях.

Другую картину мы имеем по промышленности в отношении степени охвата партийным ядром рабочих масс. Отрасли промышленности с наибольшим количеством крупных предприятий, охватывающие главную массу рабочих, по насыщенности коммунистами, стоят далеко не на первом месте. В среднем на 1.000 рабочих приходится [1]): в металл. и машино-строит.—178 коммунистов, в горной и горно-заводской—156 коммунистов, в текстильной—87, в то время как в полиграфической—234, в швейной—221, в кожевенной—220.

С этим неизбежно связана и меньшая насыщенность коммунистами (относительно общего количества рабочих) крупных предприятий сравнительно с мелкими и средними. Это видно из следующей таблицы [2]):

Размер предприятия.	До 200 рабочих.	201—500	501—2.000	2.001—5.000	Свыше 5.000
% комм в составе рабоч.	27,2	19,4	13,1	8,8	8,7

Безусловно имеют место и отклонения от цифр, приведенных в таблице; последние верны лишь как средние для предприятий соответствующего размера. Так, процентное отношение коммунистов, работающих у станка, к общему количеству рабочих выражается на отдельных предприятиях в следующих цифрах [3]): завод «Красный Путиловец»—Ленинград—9,960 рабочих—16,8%, Лысьвенский металлургический завод—Уралобласть—7.481 рабоч.—25,4%, Ленинградский металлический завод—3.083 рабочих—29,3%, фабрика «Красный Профинтерн»—Иван.-Вознес. губ.—7.106 рабочих—3,2%, текстильная фабрика имени тов. Ланцуцкого—Моск. губ.—1.551 рабочих—4,8%, Решетихинская фабрика—Нижег. губ.—1.335 рабочих—5.5%, 1-я Республиканская льняная фабрика—Костромск. губ.—7.373 рабочих—5,6%. В основном, эти отклонения определяются, несомненно, составом рабочих и состоянием массовой работы парторганизации.

Более слабая насыщенность коммунистами предприятий крупного размера в основном может быть об'яснена значительным увеличением за последние два года количества рабочих на крупных предприятиях. Совершенно естественно, что огромное увеличение рабочих кадров на крупных предприятиях, даже при условии значительного роста абсолютных размеров партийного ядра, имело своим результатом некоторое отставание в темпе увеличения процента коммунистов на крупных предприятиях, в сравнении со средними и мелкими, где такого роста числа рабочих не было.

Вывод. Крупная промышленность сосредоточивает абсолютно большее количество рабочих-коммунистов. Относительно занятых в этой промышленности рабочих коммунистическая прослойка

1) Данные относятся к январю 1926 г.
2) «Большевик» № 12, стр. 62.
3) Цифры относятся к январю 1926 года.

в крупной промышленности несколько слабее, чем в мелкой и средней промышленности.

В соответствии с этим выводом,—в дальнейшем процент рабочих от станка в нашей партии, очевидно, необходимо поднимать в первую очередь за счет партийных организаций крупной промышленности, охватывающей основную кадровую массу рабочего класса.

* * *

Для того, чтобы полностью иметь представление о том, каково лицо нашей партии, каков ее удельный вес в рабочем классе, для того, чтобы правильно наметить мероприятия в отношении дальнейшего роста партии, необходимо рассмотреть состав рабочей части партии в отношении к основным слоям рабочего класса с точки зрения их положения в производстве.

Вопрос о том, в какой степени каждый из этих слоев рабочего класса пополняет ряды своего авангарда—коммунистической партии, несомненно, является одним из наиболее основных в области регулирования состава партии. С'езды партии неоднократно подчеркивали необходимость не простого увеличения числа членов партии, даже в ее рабочей части, а увеличения партии за счет основных кадров пролетариата в производстве. «Партии не нужно простое увеличение количества рабочих в организациях»—XIII партс'езд: «с'езд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще»—XIV партийный с'езд. На последнем с'езде приводились также письма Ленина, в которых он настаивал на пересмотре вопроса о сроках кандидатского стажа. Ленин писал: «Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы в смысле крупной промышленности не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих», «... и если оставлять 6 месяцев для рабочих, то безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие «рабочий», таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта».

Однако, с самого начала необходимо отметить, что исследование этого вопроса чрезвычайно затруднено. До сих пор в громадном большинстве организаций этот вопрос совершенно не изучался. И для того, чтобы ответить на него, мы прибегнем к анализу состава парторганизаций на отдельных предприятиях [1]), охватывающих свыше 34 тысяч рабочих.

---

[1]) «Мотовилиха» (Урал) около 7.500 рабочих; «Красный Пролетарий» (Москва) свыше 1.000 рабочих; «Профинтерн» (Брянск. губерн.) до 11.000 рабочих; 1-ая ситценабивная фабрика б. Циндель (Москва) до 2.800 рабочих; фабрика «Красное Веретено» (Москва) 500 рабочих; з-д Морзе (Москва) свыше 700 рабочих; Механический завод (Златоуст. округ) — 5.600 рабочих; завод мельнично-ткацких оборудований (Москва) — 630 рабочих; ф-ка «Красн. Текстильщ.» бывш. Голутвинская (Москва) — 1.600 рабочих; Металлургический завод (Златоуст. округ)—2.900 рабочих.

Состав парторганизаций на этих предприятиях с точки зрения производственной квалификации рабочих характеризуется следующими данными: к 1-му, 2-му, 3-му разрядам относятся 226 коммунистов, что составляет в группе рабочих, относящихся к этим разрядам, 2,7%; к 4-му и 5-му разрядам—927 коммунистов, что составляет 8% в группе рабочих этих разрядов; к 6-му и 7-му разрядам—1.009 коммунистов, или 12,7%; к 8-му и 9-му разрядам—371 коммунист, или 12% в соответствующей группе рабочих.

Эти данные показывают, что: 1) основная масса рабочих партийцев относится по своему положению в производстве к рабочим средней квалификации; 2) слабо представлены в партии рабочие низкой квалификации и 3) недостаточно представлены в партии рабочие высокой квалификации [1]).

Отсутствие данных о производственной квалификации всех коммунистов-рабочих не позволяет с абсолютной точностью утверждать, что эти выводы могут быть целиком распространены на все пролетарское ядро партии. Однако, к этому выводу нас приводят материалы многих местных партийных организаций.

Подобная же картина обнаруживается при рассмотрении кандидатского состава с точки зрения производственной квалификации. По группе предприятий [2]), охватывающих 16.000 рабочих, кандидатов, относящихся по производственной квалификации к 1-му, 2-му, 3-му разрядам, насчитывается 63 человека, или 1,5% к группе рабочих этих же разрядов; кандидатов, относящихся к 4-му и 5-му разрядам—182, или 3%; к 6-му и 7-му разрядам относятся 105 кандидатов, что составляет в соответствующей группе рабочих 3%; к 8-му и 9-му разрядам относятся 32 кандидата, что составляет 2,4% к группе рабочих этих разрядов.

Эти данные позволяют ответить на вопрос о том, какие именно рабочие в рассматриваемой группе предприятий с точки зрения их производственной квалификации шли за последнее время в партию. Именно: в основном шли в партию рабочие средней квалификации, очень слабо—рабочие низкой квалификации и недостаточно—рабочие высокой квалификации.

Мы приходим таким образом и из анализа состава рабочей части партийных организаций и из анализа вступающих в нее рабочих к одному общему выводу.

Вывод. Пролетарская часть наших партийных организаций состоит и вновь пополняется преимущественно из основной массы рабочих, именно рабочих средней производственной квалификации, слабо—за счет рабочих низкой квалификации и недостаточно—за счет рабочих высокой квалификации.

В чем же причины того, что малоквалифицированные рабочие слабо, а высококвалифицированные недостаточно идут в партию? Рассмотрим этот вопрос раздельно для каждого из этих слоев.

---

[1]) Необходимо отметить, что в отдельных крупных промышленных центрах имеют место отклонения от приведенных данных. Так, например, в Ленинграде по Московско-Нарвскому району ЛК приводит след. данные: в составе чернорабочих 17% коммунистов, в составе рабочих 5—7 разр.—20%, 7—9 разр.—24%, 9 и выше—27%.

[2]) Предприятия, перечисленные в примечании к стр. 46, за исключением «Мотовилихи» и «Профинтерна».

Малоквалифицированные представляют в массе своей рабочих более низкого культурного уровия, чем другие слои рабочего класса. К этой категории также относится и основная масса вновь вступающих в производство рабочих. Слабый приток в партию рабочих низкой квалификации является поэтому совершенно естественным.

В дальнейшем, очевидно, необходимо усилить влияние партии среди этого слоя рабочих через развертывание, прежде всего, среди них работы профессиональных организаций. «Это может быть достигнуто приспособлением всех отраслей союзной работы к всестороннему обслуживанию своих членов, энергичной защите их экономических интересов и всемерному поднятию их культурного уровня, обращая особое внимание на воспитание новых рабочих» [1]). Тех же из малоквалифицированных рабочих, которые имеют достаточный производственный стаж и прошли уже известную школу работы в общественных организациях, несомненно, нужно стремиться вовлечь в ряды нашей партии.

Высококвалифицированные рабочие, бесспорно, представляют собой наиболее культурную часть рабочего класса. Но среди них, несомненно, есть определенная часть «пастроенных реформистски, либеральных рабочих», направляющих свою энергию и активность по линии мещанских интересов и иногда, правда, в редких отдельных случаях, даже скатывающихся к меньшевизму. Вся политика партии и профсоюзов на предприятиях социалистической промышленности не только не обеспечивает дальнейшего роста такого типа рабочих, но и ведет к изживанию его. Лишь искривление этой линии при практическом проведении ее в отдельных случаях делает возможным разрыв между высококвалифицированными и остальной массой рабочих.

Эта прослойка либеральных рабочих в общем незначительна. Однако, опасность влияния на рабочих этой прослойки в виду ее положения в производстве должна быть учитываема. Необходимо парализовать влияние этой группки на остальную массу рабочих путем беспощадного разоблачения ее, но вместе с тем необходимо также стремиться к перевоспитанию таких рабочих через вовлечение их в общественную работу.

В отношении абсолютного большинства высококвалифицированных рабочих можно с уверенностью сказать, что они целиком приемлют руководство нашей партии. Недостаточный же приток их в партию должен быть целиком отнесен к недостаткам в постановке массовой работы среди этого слоя рабочих. Высококвалифицированные рабочие, как более культурные, пред'являют гораздо большие требования к постановке и качеству массовой работы.

Низовым партийным организациям совершенно необходимо проявить большую активность в деле вовлечения в партию высококвалифицированных рабочих. Необходимо охватить их массовой работой, удовлетворить их потребности и запросы. Во всей работе с этим наиболее культурным слоем рабочих совершенно необходимым является строжайшее проведение в жизнь указаний XIV партс'езда об осуществлении здоровой рабочей демократии в массовых пролетарских организациях, в первую очередь в проф-

[1]) Из резолюции XIV партс'езда о работе профессиональных союзов.

союзах. Особенно важно привлечь высококвалифицированных рабочих к участию в производственной жизни предприятий, используя здесь их опыт, знания и культурность. Этим путем легче всего будет вовлечь их в общественную работу, а их лучшие элементы—в партию.

Регулирование приема в партию.

Основной задачей для настоящего периода в деле регулирования социального состава партии является поднятие качественного состава парторганизаций.

Необходимость сосредоточения внимания на улучшении качественного состава партии была намечена ЦК еще осенью прошлого года. В постановлении Оргбюро, вынесенном по докладам нижегородского, тульского и брянского губкомов (IX—1925 г.) сказано: «Отмечая значительный рост организаций, считать необходимым обращать в дальнейшем особое внимание не на количественный рост, а на повышение качества вновь принимаемых. В этом направлении разработать предусмотренные планом работы Оргбюро ЦК директивные указания по вопросу о регулировании роста парторганизации». XIV с'езд партии дал четкую формулировку этой линии в уже приведенном постановлении его: «С'езд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава парторганизаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра».

Из директивы с'езда ясно, что линия на поднятие качественного состава партии должна сочетаться с задачей постоянного повышения удельного веса пролетарского партийного ядра. Осуществление последней задачи требует обеспечения относительного преобладания рабочих среди всех принимаемых в партию. Как выполнялось это партийными организациями видно из сл. табл. [1]):

Социальный состав принятых в кандидаты (в %%).

Категории	1924 год		1925 год		1926 год
	I	II	I	II	I
Рабочих	92,4	64,5	62,4	43,8	47,3
Крестьян	5,8	22,2	22,5	39,6	39,1
Служащих и пр.	1,8	13,3	15,1	16,6	13,6

В 1924 г., к которому относится первый Ленинский призыв и в 1-й половине 1925 г., когда многие организации также провели кампанию массового приема рабочих в партию,—среди принимаемых было обеспечено значительное преобладание за пролетарскими элементами. Во второй половине 1925 г. это преобладание резко уменьшилось, но уже в последующие кварталы, оно вновь начало возрастать. В противоположность этому

[1]) Проценты относятся к рабочим по социальному положению; процент же рабочих по занятию, естественно, был несколько меньшим.

удельный вес непролетарских элементов (крестьян и служащих) среди принимаемых в кандидаты, заметно увеличивавшийся до 1926 г. (точнее до 3-го квартала 1925 года) начинает с этого времени уменьшаться.

Снижение процента рабочих среди принимаемых в партию после Ленинского призыва является по существу нормальным. Но стабильность (и даже падение в отдельные периоды) удельного веса (в %) пролетарского ядра в партии с этого именно времени показывает, что это снижение процента рабочих среди принимаемых было слишком резким, а повышение процента в последнее время еще недостаточным.

Вывод. Среди вновь принимаемых партия обеспечивала в общем преобладание за пролетарскими элементами. Но в отдельные периоды процент рабочих среди принимаемых был ниже того предела, который необходим для повышения удельного веса пролетарского ядра в партии.

Это ставит задачу **усиления преобладания среди принимаемых в партию за рабочими**. Только при этом условии возможно в дальнейшем проводить в жизнь директиву с'езда о постоянном повышении удельного веса пролетарского партийного ядра.

Поднятие качественного состава организаций требует далее проведения тщательного отбора при приеме и обеспечения возможности силами наличных кадров партии воспитать в партийном отношении вновь вступающих, дать им большевистскую выучку. Количество принимаемых в партию, естественно, играет в этом случае значительную роль. Представим данные, характеризующие движение этого количества за последние 2½ года в виде следующей табл.:

Социальный состав принятых в кандидаты (в тысячах).

Категории	1924 год		1925 год		1926 год
	I	II	I	II	I
Всего принято	212	103	190	131	95
Рабочих	196	67	118	57	45
Крестьян	12	23	43	52	37
Служащих и проч.	4	13	29	22	13

Рабочий класс непрерывно давал значительные пополнения своей партии. В среднем с января 1924 г. в партию ежемесячно принималось 16,1 тысяч рабочих, крестьян—5,5 тыс., а служащих и прочих—2,7 тыс.

За последнее время, как видно из той же табл., имеет место замедление приема в партию из всех социальных категорий. Оно, несомненно, связано с указанной выше линией на поднятие качественного состава парторганизаций и поэтому не представляет опасности.

В связи с этим вопросом «о количестве и качестве», имеют место, однако, неясности. Это отмечалось на Московском губернском совещании заворгов, инструкторов и секретарей производственных ячеек (май 1926 г.): «Нужно сказать, что отдельные наши ячейки, отдельные наши организации несколько не учли необходимости дальнейшего количественного роста, и мы встречаемся порой с некоторым безразличным отношением к вопросу дальнейшего роста нашей партии... На основании целого ряда моментов, которые мы наблюдали за последнее время в жизни наших организаций, путем обследований и поступающих с мест материалов, мы выявили то, что у нас рост теперь на отдельных фабриках, на отдельных предприятиях имеет слишком замедленный темп или даже вовсе приостановился. Мы хотим в первую очередь предостеречь от такого неправильного применения на практике директив МК. Мы считаем необходимым усилить работу по вовлечению передовых рабочих от станка в нашу партию» [1]).

Курс на поднятие качественного состава парторганизаций, не должен задерживать систематического отбора для партии передовых элементов рабочего класса.

На практике согласованное осуществление задач количественного роста и качественного отбора обеспечивается наличием в массовых пролетарских организациях значительных кадров беспартийного рабочего актива—этого **непосредственного резерва партии**. Общественная закалка этих кадров в массовых организациях, их политический рост на общественной работе, отбор на основе их общественно-политической активности—обеспечивают качественное улучшение партийных рядов. Рост же этих кадров, их непрерывное расширение за счет новых и новых слоев рабочего класса обеспечивает возможность все большего вовлечения рабочих в партию и повышения, благодаря этому, удельного веса пролетарского партийного ядра.

В вопросе о росте беспартийного рабочего актива необходимо рассеять имеющую место неясность. «Кое-где, за последнее время по вопросу о беспартийном пролетарском активе вкрадывается, мне кажется, невольная ошибка. Сравнивают тот период, который был перед Ленинским призывом, и настоящий период, и получается такое представление, что пролетарский беспартийный актив вокруг партии в настоящее время сократился по сравнению с тем пролетарским беспартийным активом, который был у нас полтора—два года тому назад. Это, конечно, грубая ошибка, грубый обман зрения... Теперь есть громадное количество организаций, начиная от фабзавкомов и вообще профорганов, которые включают в себя весьма большое число активных пролетариев, остающихся беспартийными, но работающих вместе с партией, под руководством партии и являющихся подлинным беспартийным пролетарским активом» [2]).

Этот бурный рост беспартийного рабочего актива происходит, несомненно, быстрее, чем идет вовлечение его в партию. Интересен анализ, произведенный в этом отношении парторганизацией одного из крупнейших (11.000 рабочих) металлургических заводов—«Профинтерн» (Брянск. губ.) Здесь проанализировали вступление в партию по отдельным категориям беспартий-

[1]) Из доклада т. Баумана.
[2]) Организационный отчет ЦК XIV с'езду партии, доклад т. Молотова.

ного рабочего актива. Получились следующие данные[1]): из 107 беспарт. делегатов завкома созыва 1925 г. в партию вступило 11 чел. или 10,3%, из 99 беспарт. уполн. ЦРК—9 чел. или 9%, из 48 бесп. чл. горсовета—4 чел. или 8,3%. Громадные размеры актива, наличие в нем значительных резервов для пополнения партии ясно обнаруживаются на этом примере (более или менее типичном для большинства парторганизаций).

Величина и рост непосредственного резерва партии дает возможность одновременно и усиливать требования при отборе идущих в партию и все более вовлекать передовых рабочих в партию. Задача здесь состоит во всемерном развертывании и улучшении работы партии в массах. Именно развитие массовой работы обеспечивает возможность воспитания все новых и новых кадров активных беспартийных рабочих, отбора лучших из них, способных стать членами нашей партии, и подготовки их к вступлению в кандидаты партии.

Руководство вовлечением рабочих в партию.

Сложность регулирования социального состава партии требует правильной постановки руководства вовлечением рабочих в партию.

Как же на практике обстоит дело с этим руководством? Анализ этого вопроса обнаруживает здесь серьезнейшие недочеты. И то обстоятельство, что рост партии в целом шел в общем удовлетворительно ни в каком случае не находится в противоречии с наличием этих недочетов. Нормальный в общем рост, несомненно, об'ясняется не специальным вниманием к руководству им со стороны парторганизаций, а главным образом авторитетом партии в целом и каждой партийной организации в отдельности, правильностью руководства со стороны партии всеми областями нашего строительства, крепкой связью партийных организаций с массами.

Основными недостатками в деле руководства вовлечением являются:

Во-первых, слабость этого руководства в низовых парторганизациях. Показательно, например, что по 14 производственным ячейкам из 18, просмотренных в связи с последуемым вопросом, в плане работ бюро совершенно не стоял вопрос о руководстве вовлечением, в плане же работ остальных 4 ячеек этот вопрос лишь вскользь упомянут.

Во-вторых, отсутствие планомерности в деле вовлечения новых членов партии и отсюда, естественно, отсутствие непрерывности приема. Данные о приеме в партию по многим ячейкам свидетельствуют о том, что рост этих последних в некоторые месяцы бывает очень значительным, в некоторые же сводится к минимуму. До недавнего времени в большинстве организаций происходило приурочивание приема новых членов партии к тому или иному событию. Теперь такого рода кампании не проводятся, но неравномерность приема говорит о том, что в самой постановке работы по вовлечению в партию еще имеют место элементы кампанийского характера.

В-третьих, недостатком является отсутствие участия широких кадров партийцев в деле вовлечения новых членов. Масса

[1]) «Коммунар» № 6, орган Брянского ГК, стр. 61.

рядовых партийцев в значительной своей части не уделяет должного внимания этому вопросу. Организаторы партработы на местах неоднократно отмечали это обстоятельство. Целиком подтверждают его и товарищи, занимавшиеся обследованием низовых парторганизаций.

В соответствии с этим, основными задачами в области руководства вовлечением являются—активность в регулировании со стороны парторганизаций, планомерность в деле вовлечения и, как результат этого, непрерывность притока новых членов и, наконец, участие в деле вовлечения новых членов всей массы наличных кадров членов партии.

Эти требования относятся, в первую очередь, к низовым парторганизациям. Именно, в ячейки упирается в настоящее время этот вопрос. Комитеты партии вынуждены сознательно задерживать на продолжительные сроки значительные количества дел о приеме, вследствие недостаточно внимательного отношения к приему новых членов со стороны ячеек.

Основная же задача партийных комитетов, несомненно, заключается здесь в том, чтобы, на основе внимательного изучения состояния и роста отдельных организаций, дифференцировать свои указания в отношении каждой из них. Практика общих указаний по уезду, губернии, округу или даже области со стороны соответствующего комитета, имевшая место до последнего времени, должна быть дополнена особыми, более конкретными и детальными указаниями каждой организации в отдельности.

Л. Эвентов.

„Демократизация" американского капитала.

Соединенные Штаты занимают в настоящее время в капиталистическом мире, примерно, такое же положение, какое занимала Англия до семидесятых годов прошлого столетия. Огромные масштабы производства и накопленного богатства на фоне ослабления промышленной роли Европы превратили их в «ведущую» капиталистическую страну. Следующая таблица дает представление о росте национального богатства Заатлантической республики по данных Бюро Цензов, выраженным в целях сравнимости в ценах 1912 года.

Национальное имущество С. Шт. за 1890—1922 гг.

Годы.	Национальное имущество в млн. долл.	Индекс оптовых цен Бюро Статистики Труда.	Национальное имущество в ценах 1912 г.	Процент ежегодного прироста или уменьшения.
1890	65.037	89	73.075	—
1900	88.517	81	109.280	+ 4,10
1904	107.104	92	116.417	+ 1,51
1912	186.300	100	186.300	+ 6,05
1922	320.804	159	201.764	+ 0,80

Из цифр довоенных годов следует вычесть приблизительно 5 мрд. долл. иностранного капитала, вложенного в хозяйство С. Штатов, а к сумме послевоенных годов добавить капитал, инвестированный американцами за границей как в форме частных инвестиций, так и государственных займов, который в совокупности составлял в конце 1923 г. около 20 мрд. долл.[1]). В общем, национальное имущество С. Штатов превосходило в. 1922 г. совокупное имущество трех главнейших европейских стран—Англии

[1]) Во избежание недоразумений мы считаем нужным указать, что признаем правильным исключение из подсчетов национального имущества капиталов, вложенных во внутренние ценные бумаги, но неправильным—вычет иностранных ценных бумаг. Отметим еще, что согласно недавно опубликованному официальному отчету Вашингтонской федеральной комиссии по изучению торговли и промышленности С. Штатов (Federal Trade Comission), национальное имущество С. Шт. в 1922 г. определено в 353 мрд. долл. (в ценах 1922 г.), а в 1926 г., по оценке той же комиссии, составит 400 мрд. долл.

Германии и Франции, составлявшее 236,6 мрд. долл. или 73,6% национального богатства С. Штатов. Значительный рост национального дохода в 1923 г. и его высокий уровень в последующие годы обеспечили дальнейшее увеличение национального имущества.

Концентрация богатства характеризуется тем, что 1% населения владеет 59% национального имущества, а 13% населения—90%. Низшая группа, с имуществом меньше 500 долл., охватывает около 80% владельцев и около 5,5% всего имущества, со средними размерами имущества в 258 долл., при средней в 3.827 долл. для всех групп, вместе взятых[1]). Тенденция к концентрации растет, хотя она маскируется под различными формами. Неравенство в распределении национального дохода точно так же прогрессирует.

Если отвлечься от всяких «кон'юнктурных» прибылей, можно указать три главных источника, на основе которых выросло экономическое могущество Соед. Штатов: 1) труд сельскохозяйственного производителя-фермера, продукт которого реализовался в значительной мере путем экспорта, что обеспечивало прилив в страну капиталов извне; 2) прибавочная стоимость, извлекаемая от эксплоатации многомиллионной армии рабочих; 3) наконец, в последние годы к первым двум источникам присоединилось присвоение прибавочной стоимости, выколачиваемой должниками С. Штатов из своих рабочих для уплаты в виде процентов и в счет погашения задолженности американским инвесторам. Пока-что эта сумма незначительна, но по окончательном урегулировании межсоюзнических долгов эта сумма вместе с доходами от частных инвестиций составит ежегодно приблизительно 900—1000 м. долл. в год, чему противостоят платежи по инвестированным в С. Штатах капиталам и их амортизации на сумму в 325 м. долл.

Доход фермера, благодаря зависимости последнего от транспортного, торгово-посреднического и финансового капитала, в огромной доле остается в руках железнодорожных компаний и представителей крупной торговли и банков.

По данным «National Industrial Conference Board», доход сельского хозяйства в 1925 г. составлял около 3% на инвестированный капитал, меж тем как доход железнодорожных компаний, регулируемый правительством, составил в том же году 5,7%.

Как правильно указывает в своих работах об американском сельском хозяйстве т. Осинский, фермеру приходится бороться с двумя трудностями: 1) с несоответствием между издержками производства сельского хозяйства и рыночной ценой на ряд сельскохозяйственных продуктов и 2) с расхождением сельскохозяйственных и промышленных цен. С прекращением военной кон'юнктуры и ажиотажа и восстановлением свободной конкуренции на мировом рынке основные отрасли американского сельского хозяйства попали в затруднительное положение. В 1923 г. возделывание 1 акра под пшеницу обходилось в 21 долл., а выручка от урожая на нем составляла всего 16,64 долл. или, иными словами, при издержках на бушель в 1,24 долл. рыночная цена была 99 центов; бушель овса обходился в 52 цента при цене в 49 центов. За период 1919—1925 гг. в среднем остаток налич-

[1]) По данным цитир. отчета федер. комиссии.

ности в руках фермера сократился и равнялся меньше трети его валового дохода, остальное присваивалось механизмом распределения и казной. В 1924—1925 году положение в этом отношении несколько улучшилось, благодаря неурожаю в Канаде, обеспечившему американским сельскохозяйственным продуктам монопольное положение на внешних рынках, но 1925—1926 г. был менее благоприятен вследствие плохого урожая пшеницы в С. Штатах и пониженных мировых цен как на хлеба, так и на хлопок. «Ножницы», т.-е. расхождение между сельскохозяйственными и промышленными ценами, хотя и уменьшились, но продолжали сохраняться. В апреле 1926 г. раствор лезвий составлял еще 12% [1]).

В связи с затруднительным положением сельского хозяйства фермерская проблема в последнее время снова стала актуальной, выразившись в росте среди фермерских кругов протекционистских стремлений, которые, однако, встречают отпор со стороны промышленного капитала. Отклонение конгрессом проекта Хаугена, направленного к валоризации, т.-е. к снятию излишков хлеба для удержания высоких цен на него на внутреннем рынке и реализации экспорта по низким мировым ценам, а также поражение официальных республиканцев на частичных выборах в отдельных штатах являются этапами начавшейся борьбы противоположных интересов.

Но еще более всеоб'емлющий источник прибылей американской буржуазии составляет эксплоатация рабочего класса. Дать количественное выражение этой величине—дело трудное. Однако, американская статистика позволяет сделать первое приближенное измерение степени этой эксплоатации. Промышленные цензы дают в своих исчислениях промышленного производства очень существенную графу под названием «стоимость, прибавленная в производстве», иными словами, стоимость, созданную рабочими в процессе производства со включением перенесенной стоимости основного капитала. Эта статья, следовательно, об'единяет заработную плату, прибавочную стоимость и амортизацию основного капитала. Зная из тех же цензов выданную зарплату, можно, исходя из обычных норм амортизации и данного органического строения капитала, исчислить массу прибавочной стоимости и норму эксплоатации (по Марксу m и $\frac{m}{v}$).

Известный американский статистик Кинг дает приблизительную оценку как общих размеров капитала американской фабрично-заводской промышленности, так и его основной части. Остаток после вычета из «прибавленной стоимости» цензов зарплаты рабочих и служащих и амортизации в 10% показывает массу прибавочной стоимости. Она составляла в 1900 г.—2.077 м. долл., в 1905 г.—2.560 м. долл. и в 1923 г.—9.607 м. долл. Характер ее динамики иллюстрируется движением нормы прибавочной стоимости, которая в результате соответствующих исчислений выражается в итоге в следующих цифрах: в 1900 г.—86,9%, 1905 г.—80,4%, 1923 г.—69,7%.

[1]) По только-что опубликованным данным, департамент земледелия С. Ш. определяет средний доход фермера на инвестированный капитал в 1925—26 г. в 3,6% против 3,2% в 1924—25 г., а средний размер вознаграждения фермерской семьи за труд и управление хозяйством в 648 долл. против 624 долл. в 1924—25 г.

Нельзя претендовать на абсолютную точность приведенных данных, так как их получение связано с преодолением весьма значительных статистических трудностей, однако, близкое отражение действительности в них, несомненно, имеется, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные о чистом доходе акционерных обществ за аналогичные или близкие годы [1]). Не следует также думать, что эти цифры исключительно обусловлены интенсивным развитием механизации американской промышленности или, выражаясь в терминах Маркса, отражают только относительную прибавочную стоимость. Большая производительность американского рабочего, конечно, находится в большой зависимости от высокого органического строения капитала, но широкое распространение системы конвейеров, внедрение в производственный процесс методов научной организации труда в форме тэйлоризма, фордизма и т. п. обусловливают также и необычайную интенсивность труда американского рабочего, выражаясь в максимальной уплотненности его рабочего времени.

Норма прибавочной стоимости показывает, как это вытекает из вышеприведенных данных, некоторую тенденцию к понижению, что представляется вполне закономерным, если учесть чрезвычайно бурное развитие промышленности, поглощавшей почти весь прирост населения плюс иммиграцию, и долгие годы организованной профессиональной борьбы. Однако, несомненно, что капиталисты сумели себя компенсировать как увеличением оборачиваемости капитала, так и за счет роста размеров эксплоатируемой армии. Напомним, что по данным промышленных переписей численность фабрично-заводского пролетариата в С. Штатах увеличилась за период 1899—1923 гг. на 86%, именно с 4,7 млн. до 8,7 млн., не считая фабрично-заводских служащих, число которых увеличилось за то же время на 247%, и строительных и горно-заводских рабочих.

Что же получили рабочие, обеспечившие экономическое могущество капитала, от благодарного отечества? Американская буржуазия с гордостью обычно указывает на высокую зарплату американского пролетариата. По официальным данным, действительно, уровень зарплаты повышался, но зато неизменно повышалась и производительность труда. Следующая табличка иллюстрирует связь обоих элементов.

Годы	Индекс реальной зарплаты рабочего [2])	Производительность труда
1914	100,0	100,0
1919	107,0	100,0
1921	111,0	107,0
1923	124,0	134,0

[1]) Если и имеются неточности, то скорее в сторону преуменьшения. Исчисляя норму прибвавочной стоимости довоенной русской промышленности тем же методом, по данным, приведенным у т. С. Г. Струмилина («Проблема промышленного капитала в СССР», стр. 39), получаем около 100%. Колупаевы выколачивали 100% прибавочного труда без высокой американской техники, выезжая, главным образом, на почти даровом труде.

[2]) Индекс реальной зарплаты исчислен посредством деления номинальной зарплаты на стоимость бюджетного набора, составлявшего, по данным Департамента Труда, 183 в 1919 г., 172 в 1921 г. и 166 в 1923 г. (1914=100).

Даже, исходя из этих официальных данных, можно констатировать почти полный параллелизм в движении обоих рядов, при чем с 1923 г. темп роста производительности труда обгоняет увеличение зарплаты, которая в реальном выражении остается даже стабильной вплоть до первой половины 1926 г.

Еще более разительная картина получается, если взять отдельные отрасли, по которым имеются данные о производительности труда. В недавно опубликованном в Monthly Labor Revue (июль 1926 г.)—официальное издание американского департамента труда—исследовании о производительности труда отмечается, что в автомобильной промышленности выработка на на 1 рабочего была в 1925 г. в три раза больше, чем в 1914 г., в железной и стальной индустрии на 50% выше, в обувной—на 17% и в бумажной—на 34%, чем в 1914 г.

Таким образом, рост производительности труда обеспечивал поддержание зарплаты на более или менее повышенном уровне. Но для правильной оценки положения следует, кроме того, учесть и сопутствующую пролетариату безработицу, которая в отдельные годы, напр., в кризисном 1920—1921 году, достигала весьма значительных размеров, охватив более 3 миллионов трудящихся, благодаря чему реальный уровень заработной платы резко падал.

Указанные источники являлись широким фундаментом доходов американской буржуазии, о размерах которых известное представление можно получить по данным о чистом доходе акционерных обществ, обязанных отчетностью [1]).

Годы	Чистый доход в мрд. долл.	Дивиденды и проценты (средн. месячн.) в тыс. долл.
1913	4,7	69.838
1914	3,9	68.481
1915	5,3	66.019
1916	8,7	77.176
1917	10,7	89.856
1918	8,3	85.184
1919	9,4	79.745
1920	7,9	80.248
1921	4,3	76.965
1922	6,9	77.554
1923	—	80.271
1924	—	84.391
1925	—	88.838

По всей группе обрабатывающей промышленности норма прибыли равнялась в 1919 г. 19,9%, 1920 г.—14,6% и 1921 г.—13%. для других годов данных не имеется.

Отчеты акционерных обществ не отражают верной картины получаемых прибылей, но даже эти неполные данные дают представление о мощном механизме капиталистической эксплоатации,

[1]) Profits—by W. Tr. Foster & W. Catchings, Pollak Foundation for Economic Research. 112 стр., см. также Survey of current Business, август 1926 г.

приведенном в движение американской «демократией» [1]). Любопытно, что дивиденды на протяжении ряда лет остаются почти стабильными, что в порядке вещей, ибо такой политикой главная масса прибылей удерживается в руках небольшой кучки воротил.

С начала века представителями крупного капитала (big business) делаются энергичные попытки к привлечению широкой публики, особенно рабочих и служащих, в качестве инвесторов в акционерных обществах, у которых они работают. Для привлечения мелких держателей акций компании прибегают ко всякого рода поощрительным мерам—специальным премиям для приобретателей рабочих акций в виде уступок с цены, рассрочке покупной суммы, внесению за счет общества первых взносов и т. п. Помимо извлечения сбережений и прикрепления рабочих к предприятиям, что при недостатке рабочих в С. Штатах весьма существенно, эта кампания имеет целью посеять иллюзию диффузии богатства и демократизации акционерной собственности, отравляя сознание рабочих перспективой их превращения в соучастников капиталистических прибылей. Предприниматели отлично понимают, что, укрепляя в пролетариате чувство собственности и противопоставляя классовой борьбе принцип сотрудничества классов, они гарантируют себя от стачек и воздвигают вал против красной опасности.

Нельзя отрицать достигнутых в этом направлении успехов. Действительно, можно констатировать рост акционеров, число которых с 1900 г. более чем удвоилось. Отдельным крупным трестам—Standard Oil, United Steel Corporation и др.—удалось привлечь, благодаря предпринятой энергичной кампании, своих рабочих и служащих в заметном числе к подписке на акции. Особенно широко распространено мелкое акционерство на предприятиях общественного пользования (электрических, газовых, телефонных). На ряду с этим развивается еще более широкая программа вовлечения рабочих в капиталистическую орбиту в виде создания целой системы рабочих банков и учреждения на предприятиях на паритетных началах советов и даже производственных совещаний [2]).

Под влиянием этих успехов Джон Лэр, председатель торговых палат в С. Штатах, уже провозгласил, что демаркационная линия между капиталистами и рабочими стерлась, что интересы обоих классов идентичны, а один из видных американских экономистов Томас Карвер даже посвятил этим процессам целую книгу под громким названием «Современная экономическая революция в Соед. Штатах». По мнению Карвера, откровенного апологета капитала, именно такая политика промышленников обеспечивает наступление гармоничного строя в С. Штатах. Та-

[1]) В последние годы капиталистическая машина сделала новые успехи по части эксплоатации. На основании данных о доходности акционерных обществ за первую половину текущего года исчисляют, что 1.200 крупных предприятий получат в 1926 г. прибыль в 5 мрд. долл., значительно превышая прибыль всех остальных 398.000 предприятий. Для характеристики концентрации интересно отметить, что в группе 1 200 корпораций 168 концернов получили в прошлом отчетном году общую прибыль в 2,3 мрд. долл., при чем каждый из них имел в среднем свыше 13,5 миллионов долл. дохода

[2]) Последнее сделано, повидимому, по нашему примеру, доказывая этим, что практический янки не отказывается от признания революции, когда она готова служить его интересам.

ким образом, история снова повторяет издание старой бернштейнианы, но в соответствии с новой обстановкой сопровождает ее американской рекламой.

Несомненно, в настоящем отрезке американской истории, как раньше в развитии британского капитализма, имеются условия, ведущие к коррупции значительных слоев рабочего класса, особенно его верхушки. Американская буржуазия имеет достаточно материальных возможностей, чтобы приручить существенные для ее интересов группы рабочих, а через них подчинить своему влиянию и авторитету руководящие рабочие организации. В этом направлении она уже многого достигла, почти превратив Американскую Федерацию Труда в органическую часть всей капиталистической системы. В то же время она стремится своей политикой удержать неорганизованные слои пролетариата в состоянии раздробленности и аморфности, что особенно подчеркивается поведением такого гиганта промышленности, как Форд, который основным требованием при найме выставляет отказ рабочего от участия в профсоюзе. Однако, не следует преувеличивать ее успехов. Развитие американской экономики, как и развитие капитализма вообще, ведет не к примирению, а к обострению классовых интересов.

В каком направлении развивается американский акционерный капитал? Карвер [1]), прибегая к беззастенчивой фальсификации, доказывает, исходя из значительного увеличения числа акционеров и уменьшения портфеля акций крупных держателей, якобы в пользу мелких, что акционерная собственность демократизуется и что приближается эра рабочего управления. Однако, данные статистики подоходного налога легко опровергают измышления американского профессора. Л. Корвей [2]), на основании материалов американского бюро доходов, дает следующую табличку распределения акционерной собственности по классовому признаку.

Распределение акционерной собственности по классам (1924 г.).

Классы	Акционерн. капитал в долларах	%%
Фермеры	1 520.000.000	2,4
Рабочие и служащие	1.650.000.000	2,5
Не служащие:		
Доход ниже 5.000 долл.	12.080.000.000	18,1
» от 5.000 до 20.000 долл.	14.780.000.000	22,4
Свыше 20.000 долл.	35.970.000.000	54,5
Всего	66.000.000.000	100,0

Приведенная таблица показывает, что акционерный капитал, вопреки Карверу, является монополией (на 95%) буржуазии, при

[1]) См. его книгу «The Present Economic Revolution in the United States», Boston. 1926.

[2]) «How Is Ownership Distributed» «The New Republic», 5 мая 1926 г.

чем 76,9% его было сконцентрировано в руках 4,6% акционеров, с доходом свыше 5.000 долларов. Если и происходили смещения, то внутри владельческого класса и в сторону средних групп, но не в пользу рабочих. Для характеристики динамики интересно, что в 1923 г. доля лиц с доходом выше 5.000 долл., в акционерном капитале, исчислявшемся в 62,5 мрд. долл., составляла всего 75%.

Л. Корвей далее отмечает, что, несмотря на все меры, принятые акционерными компаниями, стоимость рабочих акций, распределенных среди 6,5 милл. лиц, составляла всего 500 милл. долл., поэтому он считает, что оценка доли участия рабочего класса в акционерном капитале в 1,7 мрд. долл., данная им выше, даже несколько преувеличена.

В отдельных больших трестах число держателей рабочих акций падает в последние годы. В 1921 г. 42% всех служащих и рабочих Стальной корпорации (United Steel Corporation) были акционерами, теперь этот процент упал до 19. В течение 22 лет служащие и рабочие подписались на акции, стоимостью в 200 милл. долл., но в марте 1926 г. им фактически принадлежало акций всего на 80 милл. долл., что составляло 9% всего капитала. Безработица, стачки, болезни и смерть заставляют рабочих акционерных обществ пропускать платежи или продавать уже приобретенные акции. Это, по замечанию Корвея, поистине сизифова работа.

На самом деле, для тех, кто знаком с практикой американского учредительства, ясно, что в стремлении предпринимателей навязать свои акции рабочим и служащим, помимо вышеуказанных целей, скрывается и прямой поход на карман последних, и это, при содействии ученых сикофантов, преподносится обществу в виде осуществления «американского идеала». Надувательство широкой публики осуществляется путем выпуска привилегированных и обыкновенных акций, при чем только привилегированные акции и облигации обеспечены всем материальным достоянием предприятия и выражают его действительную стоимость, обыкновенные же акции представляют, так сказать, нематериальный фонд акционерного общества, иначе говоря, капитализацию его будущих прибылей и основаны на коммерческом имени компании, goodwill, как выражаются американцы. Но многие американские тресты крайне перекапитализированы, и капитал их разводнен, так что облигации и привилегированные акции значительно превышают действительную стоимость предприятия. Поэтому, как только в делах наступает заминка, она, в первую очередь, отражается на обыкновенных акциях, ведя к их обесценению. Но именно обыкновенные акции, не дающие их держателю права голоса и лишающие его всякого влияния на ход дел общества, всовываются с помощью необыкновенно ловкой рекламы доверчивой массе акционеров [1]). Такова цена демократизации американской акционерной собственности!

Что касается роли рабочих банков, которая из всех сил раздувается Карверами и другими приспешниками капитала и

[1]) Плутни американского акционерного учредительства очень хорошо вскрыты в работах Торнштейн Веблена, одного из немногих американских экономистов, выгодно выделяющегося среди многочисленной плеяды вульгаризаторов экономической науки. См. особенно его работу «The Theory of Business», также Р. Лифман—«Картели и Тресты».

нашла уже подражателей среди реформистских кругов европейской социал-демократии и в особенности среди амстердамцев, то о ней можно судить по следующим данным; несмотря на всю шумиху с рабочими банками, в апреле 1925 г. в Соед. Штатах насчитывалось 23 таких банка, с капиталом всего в 90 милл. долл. Мизерность этой суммы становится особенно ясной, если сопоставить ее с 46,9 мрд. депозитов в 1925 г. во всех американских банках [1]).

Ресурсы рабочих банков состоят, главным образом, из профсоюзных фондов. Как быстро могут таять эти фонды, свидетельствует опыт английской угольной и всеобщей забастовки. Что же будет с ресурсами рабочих банков, когда в С. Штатах вспыхнет какой-либо значительный конфликт между трудом и капиталом? Впрочем, увязав средства рабочих организаций в обычные банковские операции, которыми в настоящее время занимаются рабочие банки, их руководители могут разоружить пролетариат с материальной и моральной стороны в самый нужный момент. Кроме того, войдя в общую финансовую сеть страны, рабочие банки, как наиболее слабое ее звено, подвергаются всем невыгодным колебаниям кон'юнктуры. Достаточно федеральным резервным банкам, контролирующим кредитную систему страны, направить в нежелательную сторону винт, регулирующий учетную ставку, чтобы подставить под удар самое существование рабочих банков.

Идея рабочих банков еще менее нова, чем лозунг демократизации капитала, являясь на самом деле весьма плоским плагиатом. Ее лучшее издание—французское—было едко высмеяно еще в 40-х годах прошлого столетия Марксом, в его полемике с Прудоном, как типичный продукт мелкобуржуазной мысли.

Маркс со свойственной ему страстью обличал мелкобуржуазную сущность прудонистов за то, что они собирались разрешить социальную проблему путем реформирования сферы распределения, оставляя в неприкосновенности капиталистическое производство. Но для современных мелкобуржуазных идеологов и это чересчур радикально: они и не думают покушаться на существующее имущественное неравенство. Если рабочие банки отцвели, не успевши расцвесть, в отсталой мелкобуржуазной Франции, то не приходится сомневаться в крушении этой идеи в Америке, с ее мощными трестами и грандиозными финансовыми институтами.

Действительное положение широкой трудящейся массы в Соед. Штатах вовсе не таково, чтобы можно было поверить в россказни о всеобщем благоденствии и об уничтожении имущественных противоположностей. Наоборот, тенденции экономического развития ведут к ускорению концентрации капитала, что не исключает выделения в качестве побочного продукта развития и некоторого среднего слоя. Интенсивный рост группы высших служащих является для этого подходящей базой. Сюда будут подтянуты в результате классовой дифференциации также соответствующие категории и из других классов. Однако, экономические процессы, совершающиеся в основной массе трудящихся, не дают оснований ожидать сближения социальных уровней. Положение фермеров было выше очерчено. Достаточно характерным для эволюции этого слоя является бегство в города, которое, по данным Департамента Земледелия, определяется за 4 года (1921—1924) в 2.000.000 человек. Что касается положения рабочего класса, то исследование национального дохода за 1920 г. и его распределения, по данным Национального Бюро экономических исследований, приводит к выводу, что люди, живущие наемным трудом, лишены всякой надежды на средний заработок в размерах прожиточного минимума. Такое положение имело место в 1920 г., но оно типично и для всякого другого года [1]).

[1]) Годовой отчет секретаря казначейства за 1925 г.

Благополучие американского пролетариата выделяется только на фоне обнищания европейского рабочего населения. В действительности, социальный жизненный уровень американского рабочего ухудшился. Это определенно обнаруживается, если сопоставить движение индексов реальной заработной платы и роста физического об'ема продукции за длинный ряд лет. Известный немецкий экономист-статистик Ю. Кучинский, сопоставив эти два ряда, вычислил долю заработной платы в продукции с 1899 до 1924 года и получил следующие очень показательные цифры [2]):

Доли зарплаты промышленных рабочих в промышленной продукции в С. Штатах.

Годы	Доля 1899 = = 100	Годы	Доля 1899 = = 100
1899	100	1912	59
1900	99	1913	61
1901	89	1914	63
1902	93	1915	57
1903	81	1916	49
1904	82	1917	46
1905	72	1918	49
1906	67	1919	50
1907	67	1920	48
1908	80	1921	67
1909	68	1922	52
1910	66	1923	46
1911	67	1924	49

Мы видим, что, хотя зарплата в общем поднялась, но относительная доля рабочего в общественном продукте уменьшается, именно—за 25-летие более чем вдвое. По другим источникам вычислено, что средний американский рабочий производил в 1925 г. за каждый доллар, полученный им в виде заработной платы, на 15% больше ценностей, чем в 1914 году [3]).

Американская буржуазия мечтает создать регулируемое общество на капиталистической основе. В экономической области используются последние достижения науки, чтобы обеспечить бескризисное существование капитализма. Социальная же политика направлена к тому, чтобы приковать пролетариат к капиталистической машине и сохранить классовый мир. Развитие аме-

[1]) Стюарт Чэз, «Трагедия расточительства», Госуд. Технич. Издат. 1926 г., 135 стр.

[2]) «Finanzpolitische Korrespondenz», 1926 г. 4 сент.

[3]) L. Olds—Движение зар. платы в С. Штатах—Американская торговля и промышленность. Изд. Акц. О-ва Амторг, сентябрь 1926 г.

риканской экономики с ее резкими зигзагами показывает все бессилие буржуазии в деле обуздания капиталистической стихии. Еще труднее ее задача в области регулирования классовых отношений. Всякий успех в этой сфере может быть только временным, ибо увековечивается капиталистическое производство, в области же распределения, как это видно из вышеприведенных данных о норме эксплоатации, неравенство сохраняется в полной мере. Капиталистические противоречия не могут не прорваться, как об этом красноречиво говорят последние события в Англии. Медовые месяцы американского капитализма приближаются к концу, и вместе с этим все труднее будет осуществление политики классового лавирования и обмана.

А. Ивин.

Китайская проблема.

I.

Для того, чтобы разобраться в чрезвычайно сложном клубке китайских событий, уяснить себе причины, тенденции и характер развертывающейся китайской революции, требуется помимо знакомства с экономической и политической структурой сегодняшнего Китая иметь некоторое представление о китайской истории, в частности о великих народных движениях, которыми так богата эта история. Вот почему, прежде чем переходить к оценке современного момента, мы считаем необходимым привести здесь тот минимум исторических фактов, который даст нам возможность с большей уверенностью подойти к анализу фактов современности. Если взять историю Китая за последние две с лишним тысячи лет, т.-е. за период, характеризуемый господством режима частной собственности на землю, режима свободной продажи и покупки земельных участков, то из громадной серии великих народных движений, имевших место за этот период, наиболее значительными и в то же время наиболее характерными нужно признать: восстания Красных Бровей, Желтых Тюрбанов, Хуан-Чао, восстание Белого Логоса, в конце Юаньской или Монгольской династии, Ли-Цзы-Чэна и Чан-Хьен-Чуна, опрокинувшее минскую династию и, наконец, отчасти восстание Тайпинов.

Чем были вызваны все эти восстания и революции? Уже в начале рассматриваемого нами периода Китай является сравнительно густо населенной страной. Действительно по переписи имевшей место в 156 г. до нашей эры, в Китае насчитывалось 16.070.906 семейств, с 50.066.856 душами—цифры, которые приходится считать скорее преуменьшенными, так как это преуменьшение было, принимая во внимание, что перепись велась в фискальных целях, в интересах как самого населения, так и местных властей. Во-вторых, за весь этот период Китай представлял собою как бы особый изолированный мир, окруженный лишь отсталыми народностями и варварскими племенами, из которых некоторую опасность представляли лишь северные кочевники, т.-е. юе-чи, гунны и всякого рода монгольские племена. Говорим: некоторую опасность, ибо, благодаря громадности своей территории и своего населения, благодаря своей экономической мощи, несравненному превосходству своей материальной и духовной культуры над всеми окружающими народами по существу ни одного серьезного врага, по крайней мере, до 2-й половины прошлого столетия у Китая не было. Если же Китай, в особенности Северный, был неоднократно завоеван кочевниками, то причины таких завоеваний кроются, как мы увидим в дальнейшем, не столько вне, сколько внутри самого Китая.

Уже à priori, исходя лишь из факта существования в начале описываемого нами периода (т.-е. накануне великой крестьянской жакерии, именуемой восстанием Красных Бровей) в громадной изолированной сравнительно густо населенной земледельческой стране режима частной собственности при свободной продаже и покупке земли, можно сказать, какие неизбежные процессы должны были породить уже упомянутую нами жакерию. Эти процессы—концентрация земельной собственности, развитие торгового капитала, обезземеление значительных масс крестьянства, рост деклассированных элементов, обострение противоречий интересов между арендаторами и землевладельцами.

«У бедняков нет ни вершка земли, тогда как богачи захватили колоссальные поместья, монополизировали реки, озера, горы и леса. Ведя безнравственный образ жизни, они не считаются ни с какими правилами и лишь соперничают друг с другом в роскоши. В округах они почитаются, как монархи, и даже в селах и деревнях они зачастую не уступают по своему богатству герцогам и маркизам. Простой народ угнетен, и ему приходится обрабатывать землю богатых, платя за это половину урожая. И вот бедняки носят одежду, унизительную для человеческого достоинства, и питаются пищей собак и свиней». Так характеризовал положение крестьянства китайский ученый и философ Тун-Чун-Шу, живший в период первой Ханьской династии (202 до начала по 8-й год после начала нашей эры),—период, закончившийся восстанием Красных Бровей. Если верить китайской истории, это восстание, которое смело сотни городов и нанесло смертельный удар режиму латифундий и вообще более или менее крупному землевладению, стоило Китаю неимоверных жертв. По переписи, относящейся ко второму году нашей эры, то-есть незадолго до восстания, в Китае насчитывалось 12.233.062 сем., или 59.594.978 чел., по переписи же, произведенной в конце царствования первого императора Восточной Ханьской династии, а именно в 57 г., в Китае оказывается всего лишь 4.271.634 семьи или 21.007.820 душ. Империя, однако, быстро оправляется, и уже в 75 г. население ее достигает 34.125.021 чел., в 88 г.—43.356.367 чел. и в 105 г.—53.256.229 чел. Стремительно развивается торговля и ремесла, растут города, растет значение и богатство буржуазии. А вместе с тем ускоренным темпом развивается новый процесс концентрации земельной собственности. Знаменитый ученый конца II столетия Чун-Тун-Фу жалуется на то, что «влиятельные люди и торговцы» сделались чрезвычайно богатыми и могущественными. «Они,—пишет он,—имеют свои склады и резиденции во всех провинциях и округах, а их колоссальные земельные владения по своим размерам не уступают зачастую целому княжеству. Благодаря своим богатствам и подкупам они позволяют себе все, что угодно, и не несут наказаний даже в случае совершения ими тяжких преступлений. Целый штат убийц и головорезов состоит у них на службе. В то же самое время слабые и маломощные живут в невыносимых условиях, а в случае смерти остаются без погребения».

«В древности,—говорит современник Чун-Тун-Фу известный китайский историк и моралист Сюн-Юе, — поземельный налог равнялся 0,1 урожая, что считалось весьма справедливым. В настоящее время Ханьская династия (дело идет о второй Ханьской династии 25—220 г. *А. И.*) взимает 0,01, т.-е., можно сказать, совсем незначительную часть. Однако, богатые и сильные захватили непомерное количество земли и сами взимают с нее налоги (в виде арендной платы. *А. И.*) в размере, большем половины ее доходности. Благодеяния правительства не доходят до народа, а его мощь и престиж захвачены богатыми. Император Вэнь-Ти не исправил основы зла, а старался лишь уменьшить во что бы то ни стало поземельный налог, но действовать так, это значит лишь играть на руку богатым и сильным, ибо «в руках богатых и сильных находится в настоящее время земля. Внезапная конфискация ее вызвала бы их ненависть, а это породило бы смуты, опасные для существующего строя».

Таким образом, показания обоих современников ясно говорят, что и в конце Восточной Ханьской династии, накануне новой великой, народн. революции, подобно тому, как двести лет назад накануне восстания «Красных Бровей», концентрация земельных владений в руках «богатых и сильных», обезземеление крестьянства, превращение мелких собственников в арендаторов вновь достигли колоссальных размеров. В то же время, не говоря уже о вынужденной борьбе с кочевниками, частые военные экспедиции, организуемые династией, которая вела великодержавную захватническую политику, как и безумная роскошь двора, требовали колоссальных средств. А между тем все растущее налоговое бремя ложилось своей тяжестью, главным образом, на плечи и без того все более и более разоряемого крестьянства и арендаторов. Действительно, всю массу налогов, взимаемых в то время правительством с населения, можно подразделить на поземельный, подушный и военный. И вот, поземельный налог, в интересах «богатых и сильных», захвативших значительную часть обрабатываемой площади, все время понижается, тогда как подушный и военный налоги, взыскиваемые пропорционально количеству душ, а не владеемой земли, все время увеличивается. Если прибавить ко всему этому самоуправство подкупного чиновничества, находящегося в услужении «богатых и сильных», чье могущество к тому времени настолько возросло, что сильно задевать их интересы считается, как мы видели, не безопасным даже для царствующей династии, то не трудно будет себе представить тот гнет, который испытывало крестьянство, а главное мелкие арендаторы, не трудно будет понять причины, вызывавшие необычайное скопление деклассированных элементов в городах, необычайное развитие бандитизма и, наконец, новую колоссальную жакерию, известную под именем восстания Желтых Тюрбанов. Эта жакерия, начавшаяся в 80-х годах II столетия, длилась около двадцати лет и была ликвидирована лишь в начале III столетия, однако, вместе с ней оказалось ликвидированным и крупное землевладение, о чем свидетельствует хотя бы следующий документ: «Ранее было невозможно восстановить колодезную систему (особую «идеальную» систему уравнительного землепользования, которая якобы существовала в древности),—пишет некий Сы-Ма-Лан в начале описываемого нами столетия,—потому что земля принадлежала собственникам, владевшим ею в течение нескольких поколений. Внезапная конфискация ее правительством была бы делом чрезвычайно трудным. Но теперь, после долгого периода смуты, весь народ рассеялся, земля осталась без хозяев и перешла в распо-

ряжение государства. Мы должны воспользоваться этим обстоятельством и восстановить колодезную систему». Таким образом, и на этот раз, подобно тому, как в начале нашей эры в результате восстания Красных Бровей вопрос о взаимоотношениях между арендаторами и землевладельцами вновь был разрешен и, пожалуй, еще более «радикальным» образом, чем два столетия назад. По переписи, произведенной в период «наивысшего расцвета второй Ханьской династии, а именно в 157 г., население империи превышало 10 милл. семей, тогда как в период борьбы Трех Королевств (220—280), на которые разбилась до того единая китайская империя, не превышало, так, по крайней мере, утверждает китайская история, 1.200.000 семей и лишь при Цзиньской династии (265—317; 317—420), вновь на короткое время об'единившей страну, достигло, как это показывает перепись 280 г., 2.459.840 сем., или 16.163.863 чел. Колоссальное уменьшение населения, при необычайно возросшей площади пустующих земель, обусловили первую (если не считать попытку Ван-Мана, накануне восстания Красных Бровей) серьезную попытку «восстановления» системы уравнительного, и в то же время принудительного, землепользования. К сожалению, нет никаких данных относительно того, насколько широко эта система была проведена в жизнь и сколько времени она функционировала. Во всяком случае она не была долговечной. Уже в 311 году Лиу-Цун, вождь гуннского королевства Хань, берет приступом и предает разграблению Лоян. Столица переносится в Чан-Ан (Сианьфу, Шэньсийской провинции), но и последнюю постигает та же участь, что и Лоян. Открывается период непрерывных набегов северных кочевников, которых ослабевший Китай уже не в состоянии сдерживать. Лишь в VI столетии Китай, ассимилировав все чуждые ему народности, захватившие бассейн Хуан-Хо, вновь об'единяется династией Суй (589—620), предшествующей Танам (620—907), «вернувших империи ее былые блеск и величие». При Танской династии, несмотря на то, что, идя по стопам уже упомянутой Цзиньской династии и «варварских» северных королевств в роде Вэйского, пыталась применять систему уравнительного землепользования, процесс концентрации земельной собственности идет своим порядком и ко второй половине царствования этой династии принимает такие размеры, которые, по свидетельству современников, ничуть не уступают концентрации, имевшей место при династии Хань. Неудивительно, если вторая половина Танского периода наполнена «непрекращающейся смутой», и если в конце концов Танская империя подобно Ханьской получает смертельный удар от очередной гигантской жакерии знаменитого восстания Хуан-Чао. Мы не можем здесь останавливаться на сравнительно мало интересном периоде т. н. 5 династий (907—960), ни на периоде Сунской династии (960—1280), отмеченной реформаторской деятельностью знаменитого государственного деятеля китайского «социалиста» Вань-Ань-Ши. Скажем только, что если в середине этого периода Северный Китай подпал под господство Журженей, основавших известное королевство Цин, а в конце, первый раз в истории, весь Китай целиком очутился под властью монголов, основавших Юаньскую династию (1280—1361), то причины этого кроются в необычайно остром кризисе китайского земледелия, об'ясняемом невыносимым положением широких масс крестьянства, разоряемых арендой и государственными налогами до такой степени, что они, истощив свои участки земли, вынуждены были бросать их, в результате чего все более и более значительная площадь ранее обрабатываемой земли приходила в запустение. «Земля в окрестностях столицы, говорится в одном из «всеподданнейших докладов», насчитывает несколько тысяч кв. «ли» (ли=около 1/2 версты) посевной площади. Однако, в настоящее время лишь 20—30% этой площади возделано; при чем не более 50—60% крестьянских дворов смогли уплатить аренду и налоги. Одни семьи распались, другие забрасывают земледелие. Достаточно крестьянской семье утром запахать один фут земли, чтобы в тот же день вечером быть занесенной в налоговой реестр. Даже в том случае, когда правительство освобождает ее от поземельного налога, ей приходится платить всякого рода чрезвычайные налоги, общая сумма которых превышает обычный налог». Мы не имеем точных цифр, указывающих, каких размеров достиг в описываемую эпоху процесс концентрации земельной собственности и обезземеления крестьянства, тем не менее кое-какие данные все же имеются. «Семьи, округляющие свои участки, говорится в анналах Сунской династии, всегда занимали значительные земельные пространства, тогда как бедняцкие и маломощные семьи — лишь жалкие клочки». Необходимо также принять во внимание, что, по утверждению некоторых, к концу Сунской династии не менее 1/7 площади обрабатываемой земли принадлежало государству, которое сдавало ее крестьянству на арендных началах.

Юаньская или монгольская династия (1260—1380), пришедшая на смену Сунской, была, как известно, сброшена национальной революцией, в которой весьма видную роль играло знаменитое Общество Белого Лотоса. При внимательном изучении этой революции нельзя, однако, не заметить, что главными основными причинами ее явились не столько постоянно уязвляемое национальное чувство всех слоев китайского общества (привилегированное положение монголов, запрещение китайцам читать и писать по-монгольски; конфискация у китайцев оружия и лошадей; запрещение китайцам носить одежду известных цветов и некоторые эмблемы и т. д.), сколько опять же экономический и политический гнет, испытываемый основным классом страны—крестьянством, и это, несмотря на похвалы, расточаемые официальной историей «мудрой и благодетельной политике Юаньской династии», благодаря которой «каждый сыт и ни одна семья не терпит недостатка»! Многочисленные налоги и поборы, обусловленные военными экспедициями, жестокость и злоупотребление сборщиков налогов, жалобы на самоуправство которых несутся со всех сторон, насильственный захват монгольской знатью и ламаистским духовенством крестьянских земель, зачастую обращаемых в пастбища, на ряду с этим, очередная концентрация земельной собственности, идущая параллельно с развитием торгового капитала, наконец, невыносимое положение быстро увеличивавшегося класса крестьян-арендаторов,—вот, по-видимому, те основные причины, которые к концу юаньского периода вызвали целый ряд восстаний, закончившихся свержением монгольского ига.

Первыми восстали провинции бассейна Ян-Цзы и Западной реки, т. е. провинции южного Китая. Некоторые об'ясняют это тем, что к тому времени уже «в течение десяти столетий

Северный Китай столько раз находился под господством кочевников, что характер его значительно изменился. Наоборот, провинции центрального и Южного Китая узнали иностранное иго лишь во время монгольского завоевания, и потому китайский патриотизм там был еще живуч. Хотя и населенные в древности чуждыми китайцам туземцами, они уже давно стали истинным Китаем, Китаем китайским, противостоящим татарскому, т.-е. Северному Китаю, Китаем торговым и демократическим, противостоящим милитаристскому феодальному Китаю Севера; наконец, Китаем интеллектуальным с его великими художниками и учеными, с его бесчисленными школами, сектами и ассоциациями, Китаем, который не мог мириться с абсолютизмом Пекина. Контраст между Северным Китаем (Cathay) и Южным (Manzi), отмеченный еще Марко Поло, стал к концу юаньской династии еще более разительным. В средине XIV ст. крупные агломерации среднего течения Ян-Цзы—порты нынешних провинций Чжецзян, Фуцзян и Гуандун—жили интенсивной провинциальной жизнью, которую не в состоянии была ослабить даже монгольская централизация. Отсюда и началась та революция, которая изгнала монголов из цветущего королевства». Во всем этом заключена, разумеется, не малая доля истины, однако, одним только этим не об'яснить грандиозного размаха повстанческого движения именно в Южном Китае. Об'яснение здесь, думаем мы, нужно опять же искать в особо бедственном положении крестьянства южных провинций в частности крестьян-арендаторов. Об этом положении можно судить уже по тому, что сама царствующая династия была вынуждена издавать такого рода указы:

«В провинциях, лежащих к югу от Ян-Цзы (Цзянсу, Аньхой) арендаторы, работающие на полях землевладельцев, платят неимоверно высокую арендную плату. В результате они обречены на бедность и истощение. Отныне повсеместно и навсегда арендная плата должна быть понижена на 20%».—Нужно ли прибавлять, что этот как и подобные ему указы, вряд ли улучшали положение крестьянства в «провинциях, лежащих на юг от Ян-Цзы».

Но вот в результате революции на место Юаньской, иноземной династии появляется китайская национальная династия Мин, основанная крестьянским вождем знаменитым Чу-Юан-Чаном. Как известно, на протяжении трех столетий существования последующей маньчжурской династии (1644—1911) лозунг: «Долой Цзинскую (маньчжурскую) династию, да здравствует династия Мин!»—стал боевым лозунгом целого ряда народных тайных революционных обществ. И, однако, эти столь идеализированные Мины по существу пали не в результате нашествия маньчжуров, но опять же в результате великой крестьянской жакерии, возглавляемой Ли-Цзы-Чэном, Чан-Хьен-Чуном и др.

«Правительство,—говорится в одной китайской работе, посвященной экономике минского периода,—обращалось с народом, как с вьючным животным, и народ страдал и роптал. Повсюду поднялись бунты и восстания. Во всех четырех сторонах вселенной (т.-е. Китая) не мало было людей, обративших сельскохозяйственные орудия в оружие. Так продолжалось вплоть до императора Си-Цуна, когда окончательно пала Минская династия».

Какие же основные причины обусловили на этот раз крестьянскую жакерию? Эти причины все те же, что и в предидущих революциях, а именно: концентрация земельной собственности, обезземеление крестьянства, непосильные налоги.

Как обстояло дело в самом начале Минской династии? По свидетельству знаменитого китайского ученого Ку-Тин-Лина, «После больших смут конца Юаньской династии с воцарением династии Мин в Хэнане и Шандуне, имелась громадная площадь пустующих земель... Не мало свободных земель имелось и в других провинциях, вот почему известный ученый Фын-Сяо-Ю предложил восстановить колодезную систему».

Однако, спустя каких-нибудь 20 лет уже начинают раздаваться жалобы на то, что «в настоящее время нет, вероятно, места, где бы не было могущественных землевладельцев, «пожирающих» крестьянские земли».

В одном из «всеподданнейших» докладов мы читаем: «Начиная с периода Хуан-У, даже резервуары и пруды захватываются многочисленными семьями и могущественными людьми. Одни из них используют эти пруды для разведения рыб, тогда как другие осушают их и превращают в свои частные поля. В настоящее время это явление особенно распространено на юге». В другом докладе говорится, что в провинции Цзянсу число «крупных землевладельцев с каждым днем все увеличивается, тогда как число земледельцев, собственным трудом обрабатывающих землю, с каждым днем все уменьшается». Наконец, в более поздних документах указывается, что вышеописанное явление наблюдается не в одном только Цзянсу.

В связи с очередной концентрацией земельной собственности вновь, как и в предыдущие периоды, начинают раздаваться требования ограничения размеров земельных владений, но и теперь эти требования остаются, разумеется, безрезультатными. Более того, начиная с царствования императора Ин-Чуна, стремительно растут так наз. «Императорские фермы», в росте которых сами китайские историки видят одну из главных причин падения «национальной династии» Мин. «Со времени императора Ин-Чуна, примеру которого последовал император Сьен-Чун, императорские фермы стали расти с каждым днем. При Сяо-Чуне в столичном районе их имелось пять, с общим количеством земли в 1.280.000 «му», кроме того, 332 фермы, пожалованные высшим чиновникам и фаворитам, насчитывали 3.310.000 «му». С восшествием на престол императора У-Чуна положение еще более ухудшается. В одном столичном районе императорских ферм оказывается уже более 300. Кроме того, императорские фермы, принадлежащие различным князьям, имеются по всей империи. Некоторые князья, как, например, князь Хуай владеет фермами, имеющими более 700.000 «му». То же самое мы видим и у дворцовых фаворитов, как Шэн-Чуан, У-Ан, Чжоу-Су, Ку-Ен и др. Некоторые земли они получили от императора, другие же силой отняли у населения. В период царствования императора Сун-Чуна 4 миллиона «му» земли должно было быть забрано в провинциях Хэнань, Шаньдун, Хубэй и Хунань в подарок любимому сыну императора принцу Фу.

«При императоре Си-Чуане положение стало невыносимым. Дворцовые фавориты забрали большую власть, а правительство

легко раздавало земли принцам, князьям и т. д. Некоторые принцы и принцессы владели зачастую не менее, чем миллионом «му». Народные массы впали в ярость и отчаяние».

Прибавьте ко всему этому налоговой пресс, который к концу Минского периода был особенно сильно завинчен в виде всевозможных чрезвычайных налогов, из которых наиболее печальной известностью пользовались т. н. Ляодунский налог, взимаемый для борьбы с маньчжурами, «военный налог» для вербовки новых солдат и, наконец, налог в целях изыскания средств, необходимых для подавления все растущих волнений и бунтов. Тогда как одни китайские ученые видят, как мы уже упоминали, главную причину падения Минской династии в необычайном росте императорских ферм, другие видят ее в вышеуказанных налогах.

Не претендуя на основании немногочисленных фактов, которые мы приводим в нашем чрезвычайно беглом очерке китайских народных движений,—строить «философию китайской истории», мы тем не менее считаем возможным утверждать, что на протяжении последних двух тысяч лет аграрный вопрос являлся основным вопросом китайской истории, что к началу нашей эры, Китай за двести с лишним, предшествовавших восстанию Красных Бровей лет, уже свершил ту эволюцию, которая в дальнейшем будет воспроизведена неоднократно, хотя, разумеется, с неизбежными поправками и коррективами, однако, поправками и коррективами в общем, несмотря на свою значительность, не меняющими безотрадной картины кружения в каком-то «заколдованном кругу».

Очередная более или менее значительная концентрация земельной собственности, сопровождаемая очередным ростом торгового капитала, очередное обезземеление значительных масс крестьянства, очередной рост деклассированных элементов, очередное обострение противоречий между арендаторами и землевладельцами, очередное завинчивание налогового пресса, тяжесть которого каждый раз усугубляется самоуправством и злоупотреблениями бюрократии и чиновничества, всегда тесно связанных с землевладением и торговым капиталом, а в результате всего этого очередная крестьянская жакерия, ожесточенная социальная война с очередными стихийными бедствиями, губительный эффект которых в такие периоды удесятеряется, порождая голод, мор и запустение. Преданные огню и мечу, гибнут сотни цветущих городов, ликвидируются латифундии и вообще более или менее крупные поместья, в ужасающих размерах уменьшается само население. «Заколдованный круг» замыкается. Начинается новая эволюция, чтобы завершиться новой жакерией, а то и новым набегом какого-либо воинственного народа, кочующего за Великой стеной и жадно поджидающего удобного случая, чтобы лавиной ринуться в пределы сказочно заманчивой империи и там по прошествии более или менее долгого времени или ассимилироваться или же быть выброшенным за ту же Великую стену.

Повторяем это не «философия китайской истории», для каковой современное состояние синологии еще не дает достаточных данных, это лишь рабочая схема, позволяющая суммировать громадный поток сложных исторических фактов. Китайская история за последние две тысячи лет не есть, конечно, сказка о белом бычке, но медленно поднимающаяся спираль, однако, настолько медленно, что на первый взгляд производит, как мы уже сказали, впечатление «заколдованного круга».

Наш краткий обзор китайских народных движений заканчивается восстанием Ли-Цзы-Чэна и Чан-Хьен-Чуна. Это восстание, как и довольно длительный процесс последовавшего затем завоевания маньчжурами Китая, стоило последнему больше половины населения. Лишь в 33 году царствования императора Кан-Си, т.-е. около 50 лет спустя, после воцарения маньчжуров, мы читаем, что «весь бродячий народ со всех четырех концов света постепенно вернулся на свои родные места». Лишь в 1736 году население империи достигло шестидесяти миллионов человек, т.-е. сравнялось с количеством населения, каким располагал Китай в конце Минской династии. Но уже в 1753 г. китайская статистика показывает около 100 млн., а в 1792 г.—около 300 млн. жителей. Вместе с поднятием экономического благосостояния страны и параллельным стремительным увеличением населения, стремительно развиваются и все те процессы концентрации земельной собственности, роста класса крестьян-арендаторов и т. п., которые мы наблюдали уже не раз при предшествующих династиях. Остротой этих процессов и об'ясняется, разумеется, в значительной мере длинная серия больших и малых восстаний, которыми наполнена история маньчжурской династии, как и величайшее из этих восстаний—восстание Тайпинов (1851—1865). Как ни интересно Тайпинское движение, здесь мы на нем останавливаться не можем. Отметим лишь, что в целом ряде провинций, оно, подобно предшествующим движениям, почти ликвидировало более или менее крупные земельные поместья. Движение Тайпинов было, повторяем, величайшим народным движением периода господства маньчжурской династии. Ни боксерское движение, ни сама так наз. первая революция (1911 г.), революция, «свергнувшая самодержавие и учредившая республику», не могут итти в сравнение с Тайпинским восстанием. Несмотря на довольно значительную роль, которую играли в революции 1911 г. народные тайные революционные общества, особенно общ. Старших Братьев, эта национальная революция носит скорее характер какого-то грандиозного пронунциаменто. Аграрный вопрос ею не только не был решен, но по существу не был даже и поставлен. Со времени этой революции прошло пятнадцать богатых событиями лет, и то, что совершается в настоящее время в четырехсотмиллионном крестьянском Китае, можно охарактеризовать прежде всего как процесс стремительного назревания очередной аграрной революции.

Рост торгового капитала. О нем говорят гигантские цифры китайского ввоза и вывоза неуклонно растущие вопреки т. н. «гражданским войнам», которыми заполнена история этих пятнадцати лет. В настоящий момент значительная часть более или менее крупного землевладения в Китае уже находится в руках цо-май-май-ди, т.-е. торговцев.

Концентрация земельной собственности. Даже официальная статистика указывает, что еще в 1918 году менее

3 млн. землевладельцев имело в своих руках несравненно большую площадь земли, чем 31 млн. беднядких и маломощных крестьянских семей. Конечно, на данные китайской официальной статистики особенно полагаться не приходится, однако, все частичные сведения о положении дел в различных уездах различных провинций свидетельствуют скорее о том, что процесс концентрации зашел в настоящий момент много дальше, чем показывают вышеприведенные цифры.

Рост класса крестьян-арендаторов. Та же официальная статистика отмечает, что уже в 1918 году количество арендаторов составляло около 50% китайской деревни. Что касается обострения противоречий интересов между арендаторами, полуарендаторами и землевладельцами, то это обострение находится в прямой зависимости от роста китайского вывоза, от стремительного вздорожания сельскохозяйственных продуктов и увеличения площади, отводимой под культуру табака, хлопчатника и других высокодоходных злаков.

Тяжесть налогового пресса. В большинстве провинций, благодаря непрекращающимся войнам, колоссальному росту китайских армий налоговый гнет достиг неслыханных еще размеров, при чем этот гнет сказывается как в том, что обычный поземельный налог собирается во многих местах за несколько лет вперед, так и в том, что всякого рода чрезвычайные налоги под всевозможными наименованиями выросли до предела. Более того, в ряде провинций милитаристами введена принудительная культура опиума, налоги сборы и доходы с которого составляют иногда одну из главных, а то и главную статью их бюджета.

«Опиум, читаем мы в одной из корреспонденций, относящейся к концу прошлого года, является в настоящее время главным продуктом Шэньси. Это об'ясняется как экономическими, так и политическими причинами. Опиум, в отличие от пшеницы, легко транспортировать... Необычайная доходность макосеяния позволяет милитаристам брать с макового поля непропорционально высокий налог. Во многих местах макосеяние является принудительным, благодаря тому, что крестьянину приходится платить вышеуказанный налог даже в том случае, если он сеет пшеницу. В одной долине р. Вэй, т.-е. в 30 уездах (из 96 насчитывающихся во всей провинции) опиумный налог дал в 1924 г. 15 млн. мексиканских долларов... Лишь опиумный налог дает возможность враждующим милитаристским группам провинции содержать их многочисленные армии».

В другом конце Китая, а именно в провинции Фуцзянь дело обстоит не лучше. «Фактически,—отмечалось в «Китайском Ежегоднике» еще от 1924 г.—во всей провинции введена принудительная культура опиума. Семидесятитысячная армия, командуемая пятью генералами, а также весь военный флот содержатся, главным образом, за счет опиума». С тех пор положение нисколько не улучшилось; наоборот, под предлогом покрытия военных расходов,—сообщалось в целом ряде местных корреспонденций, от конца прошлого года—повсюду введено принудительное макосеяние. В результате поля, занятые прежде под культуру пшеницы, сахарного тростника и табака, засеяны теперь маком, что позволяет милитаристам необычайно повышать поземельный налог.

Возьмем, наконец, Сычуань.

«Мелкие собственники, крестьяне и арендаторы,—жалуется один уроженец Сычуаня,—помимо уплаты обычных и всякого рода чрезвычайных податей, вынуждаются милитаристами заниматься культурой опиума, что является полным разорением. Поля, засеянные маком, облагаются такими высокими налогами, что крестьянину, несмотря на высокодоходность макосеяния, почти ничего не остается. А между тем ему приходится теперь покупать рис для удовлетворения потребностей своей семьи, а арендатору и для взноса обычной арендной платы. Масса арендаторов оказывается несостоятельными, сгоняются с земли, а их денежные залоги удерживаются землевладельцами. Неудивительно, если недовольство быстро растет, и общее положение в Сычуане становится все более и более тревожным». Мы так долго остановились на гнете, испытываемом крестьянством в целом ряде провинций от введения милитаристами принудительной культуры опиума, главным образом потому, что эта форма гнета еще не была достаточно освещена на страницах нашей печати.

Нам остается теперь коснуться роста деклассированных элементов. Этот рост, об'ясняемый главным образом, обезземелением широких масс крестьянства, принял колоссальные размеры, о чем свидетельствует грандиозная волна бандитизма, заливающая почти все провинции от Маньчжурии до Гуандуна, от Сычуаня до Фуцзяна. Китайский бандитизм, стремительно увеличивающийся с каждым годом, стал за последнее время как бы неот'емлемой частью китайской военной и политической жизни. В специальной работе, вышедшей на китайском языке еще года полтора назад, был приведен довольно внушительный, хотя и далеко не полный список, перечислявший все известные бандитские шайки, численностью от несколько сот до нескольких тысяч человек, оперировавших в различных провинциях, с указанием как районов операций, так и главарей этих шаек. Согласно этому списку, в Шаньдуне насчитывалось 47 более или менее крупных бандитских отрядов, в Цзянсу—15, в Хэнане—52 и т. д. С тех пор количество этих шаек и отрядов почти во всех провинциях без исключения значительно возросло. Мы могли бы здесь привести сколько угодно примеров того, как разбойничьими отрядами захватываются, несмотря на их крепкие стены, уездные города, а богатые и зажиточные семьи целых районов облагаются этими отрядами регулярной данью.

Помимо беспримерного развития бандитизма, необычайный рост деклассированных элементов сказывается отчасти и в самом росте китайских армий, тем более, что зачастую между армиями многих милитаристов и бандитскими отрядами бывает весьма трудно провести демаркационную линию. Разгромленные бригады и дивизии превращаются в разбойничьи шайки, и, наоборот, разбойничьи шайки, достигнув более или менее значительных размеров, сплошь и рядом переименовываются в полки, бригады и дивизии и вливаются в армию.

Наконец, как накануне всех предыдущих великих крестьянских восстаний и революций, активность широких масс крестьянства необычайно повысилась. Дело теперь, как мы уже имели случай писать, идет не о простом недовольстве, не о глухом брожении там, где-то «в глубинах», но об открытых

бунтах и восстаниях, для подавления которых милитаристам приходится иногда пускать в ход целые дивизии с пушками, пулеметами и бронепоездами. Знаменитое движение Красных Пик, хотя и направлено прежде всего на борьбу против милитаризма, против непосильного фискального гнета, самоуправства военщины и бандитизма, тем не менее, по мере своего роста и углубления, настолько затрагивает интересы всех «именитых людей», что последние до создания своих крепких миньтуанов (отрядов милиции, являющихся орудием классового господства джентри и вообще более или менее крупных землевладельцев над китайской деревней) готовы устраивать овации любому генералу и слезно молить его о присылке отрядов. Тенденция крестьянского движения в сторону заострения борьбы не только против милитаристов, но и против всех эксплоататоров китайской деревни: кулаков, джентри и землевладельцев, является фактом, который вряд ли приходится оспаривать. Таким образом, все внешние признаки неопровержимо свидетельствуют о том, что в Китае в настоящее время стремительно завершается процесс назревания очередной крестьянской революции, китайское крестьянство стоит накануне новой попытки решения вновь чрезвычайно обострившегося аграрного вопроса.

При десятках миллионов семей арендаторов и полуарендаторов, т.-е. основной массы безземельного и малоземельного крестьянства, при необычайной густоте населения, превышающего в собственном Китае по своей плотности Соединенные Штаты, по крайней мере, в восемь раз, решить аграрный вопрос путем политики переселения в окраинные области и провинции представляется, по крайней мере, на обозримое нами время делом невозможным. Решение аграрного вопроса, хотя, разумеется, только временное, возможно или путем катастрофического уменьшения населения, что, как мы видели, имело место уже не раз на протяжении китайской истории, или же путем экспроприации землевладельцев, эксплоатирующих свои земельные участки путем сдачи их в аренду, экспроприации, сводящейся фактически к отказу арендаторов вносить арендную плату. Такова дилемма. Никакого третьего выхода из положения не имеется, ибо, если бы даже теперешний чрезвычайно медленный темп индустриализации Китая ускорился в несколько раз, то и в таком случае китайский промышленный город был бы не в состоянии поглотить грандиозную армию, вытесняемых из земледелия элементов. Все это вместе взятое лишь подтверждает, повторяем, неизбежность очередной крестьянской революции. Однако, обстоятельства, при которых назревает эта революция, радикально отличаются от обстоятельств, в которых происходили предыдущие революции, отличаются в том отношении, что в настоящий момент Китай окончательно и бесповоротно втянут в орбиту мирового хозяйства. Не в пример прошлым столетиям, когда Китай считал себя вселенной, включающей все цивилизованное человечество, окруженное лишь отсталыми полуварварскими народностями и племенами кочевников, теперь он, благодаря гигантскому прогрессу европейско-американской техники, победившей само расстояние, видит себя окруженным страшным, внезапно выросшим на его глазах, чудовищем, именуемым империалистическим миром, чьи пароходы снуют по его великим водным артериям, чьи железнодорожные пути, как гигантские щупальцы, уже проникли в самое сердце страны, чьи агенты хозяйничают в его столице и в десятках открытых портов, чьи миссионерские учреждения покрыли все провинции, а главное, чьи силой навязанные договоры автоматически превращают гордый своей великой земледельческой культурой народ в «вола и лошадь» европейско-американского капитализма.

И вот процесс стремительного назревания очередной аграрной революции переплетается с процессом не менее стремительного назревания революции национальной. Одновременное развитие двух этих процессов и составляет основное содержание, как и необычайную сложность и противоречия все сильнее и сильнее разгорающейся в Китае борьбы.

До последнего времени внимание нашей печати было приковано, главным образом, к событиям, непосредственно связанным с развитием второго процесса, т.-е. с национально-революционной борьбой, ведомой под лозунгом борьбы «с империализмом и его приспешниками—китайскими милитаристами». Первому процессу уделялось сравнительно мало места, хотя в такой архикрестьянской стране, как Китай, он есть база всякого широкого народного движения. Вот почему в настоящей статье мы прежде всего сочли необходимым подчеркнуть именно первый процесс. Теперь же перейдем к национально-революционной борьбе, главным фокусом которой является сейчас кантонская северная экспедиция.

Несмотря на некоторую заминку в течение предыдущих недель, достижения кантонской северной экспедиции, успеху которой еще совсем недавно мало кто верил, без сомнения превзошли даже самые смелые надежды ее инициаторов. Занят Хунань, занят Хубэй с Ханьяном, Ханькоу и Учаном, разгромлен У-Пей-Фу, кантонские войска уже давно вошли в провинцию Цзянси, один из «домэнов» Сун-Чуан-Фана, чье выступление должно было, как казалось многим, стать катастрофическим для Кантона; в то же время попытка фуцзяньского дубаня Чоу-Ип-Жэня вторгнуться в пределы гуандунской провинции потерпела полное фиаско. Если прибавить ко всему этому события в Шэньси, движение Красных Пик в Хэнане и других провинциях, наконец, последние вести о положении дел первой народной армии, значительная часть которой пока все еще находится в Баотоу, конечном пункте Суйюаньской жел. дороги, отстоящем от Пекина на расстоянии всего лишь одних суток—то нельзя будет не согласиться, что и в настоящее время события развиваются довольно благоприятно для национально-революционных сил. Успехи кантонской северной экспедиции можно, в известной мере, сравнить лишь с успехами революционного движения 1911 года. И теперь, как в 1911 году, одна провинция за другой переходит на сторону национальной революции. Не только Южный Китай, не только значительная часть бассейна Ян-Цзы, но и значительная часть бассейна Желтой реки об'единяются вокруг революционного Кантона. Кантон во главе с гоминдановским правительством уже противостоит Пекину Чжан-Цзо-Лина, как когда-то Нанкин с правительством, руководимым по существу предтечей Гоминдана—революционным обществом Тун-Мэн-Хуэй, противостоял правительству Юань-Ши-Кая. И теперь, как 15 лет назад, на очередь дня выдвигается

дилемма: беспощадная война революции с реакцией или же—«временный компромисс». Однако, несмотря на известное сходство есть и весьма существенные различия в обстановке нынешнего движения и движения 1911 г. За 15 лет, что прошло с тех пор, в Китае выросли новые крупные общественные силы. Помимо революционной интеллигенции, буржуазии и передового студенчества, чья численность, организованность, а вместе с тем и удельный вес необычайно возросли, на политическую арену выступил молодой китайский пролетариат, сделавшийся за короткий срок крупнейшим фактором национально-революционного движения. Наконец, и это самое главное, в отличие от 1911 г. национально-революционное движение происходит при необычайно развившейся активности широких крестьянских масс, в атмосфере стремительно назревающей крестьянской революции. В соответствии с изменившимися условиями изменилось и само содержание национально-революционной борьбы, борьбы за «национализм, демократизм и социализм». Если в 1911 году борьба шла против маньчжурской иноземной династии («национализм»), то в настоящее время она ведется за освобождение Китая от гнета мирового империализма под лозунгом: «Долой неравноправные договоры». В связи с этим дело теперь идет не об ассимиляции национальных меньшинств, имеющихся в Китае, а об их свободном самоопределении.

С другой стороны, «демократизм», выражавшийся в требованиях свержения самодержавия (а затем и диктатуры Юань-Ши-Кая) и установления парламентарной республики, выражается теперь в требованиях свержения «феодального милитаризма» и созыва национального собрания, понимаемого как представительство рабочих, крестьянских, студенческих, педагогических и купеческих организаций, а также и национальных меньшинств.

События последних лет, в особенности же начиная со второй половины прошлого года, ясно показали все могущество этих лозунгов. Однако, теперь оперировать лишь с «демократизмом» и «национализмом» и прятать под спуд аграрно-крестьянскую проблему было бы роковой, непоправимой ошибкой, ибо в конечном счете привело бы к разрыву с деревней, без самого тесного союза с которой национальная революция победить не может. Успешная борьба с милитаризмом, об'единение страны путем военной экспедиции без этого союза так же немыслимо, как немыслимо без него освобождение Китая от гнета мирового империализма.

Нужно сказать, что в отличие от Тун-Мэн-Хуэй партия Гоминдана с момента своей реорганизации взяла курс на самое тесное сближение с рабочими и крестьянскими массами. В частности, агитация и пропаганда в деревне, создание крестьянских союзов стали одной из ее ударных задач. Под эгидой кантонского правительства провинция Гуандун покрылась сетью крестьянских организаций. Не мало таких же организаций было создано и в Хэнане в бытность в этой провинции 2-ой народной армии. Кое-что в том же направлении удалось создать и в ряде других провинций, как Гуанси, Хунань, Сычуань, Шэньси. Наконец, на 2-м с'езде партии принимается по крестьянскому

вопросу целый ряд чрезвычайно важных резолюций, из которых главные сводятся к следующему:

1) свергнуть гнет милитаристов, компрадоров, жадного чиновничества, джентри и кулаков;

2) уничтожить все несправедливые налоги и незаконные поборы; воспретить взимание налогов за несколько лет вперед и отменить поземельный налог с безземельных;

3) напрячь все силы для организации широких крестьянских масс и вовлечения их в национально-революционное движение;

4) распустить все угнетающие крестьянство организации, как, например, гуандунские миньтуаны (отряды буржуазной милиции);

5) вырвать в деревнях власть из рук кулаков и джентри и содействовать органам крестьянского самоуправления;

6) установить предельную арендную плату и минимальные цены на сельскохозяйственные продукты.

7) уменьшить рабочий день батраков и повысить их заработную плату.

Меры, направленные в занимаемых кантонскими войсками провинциях на облегчение налогового бремени бедняцкого маломощного и середняцкого крестьянства, меры, вводящие в то же время более высокое обложение землевладельцов и вообще богатых слоев населения, указывают, что не только Гоминдан, но и верховное командование отдают себе отчет в важности привлечения симпатий крестьянства к северной экспедиции. Разумеется, одних вышеуказанных мер недостаточно, тем более, что до тех пор, пока деревня не организована в крепкие союзы, землевладельцы всегда сумеют тем или иным способом переложить налоговое бремя на плечи крестьян, в частности крестьян-арендаторов. Вот почему приказы о роспуске миньтуанов или отрядов «народной милиции», являющихся по существу органом классового господства джентри и землевладельцев, есть первый необходимый шаг на пути сближения с крестьянством. Весь вопрос только в том—насколько широко и правильно применяются эти приказы.

Здесь необходимо заметить, что роспуск миньтуанов, т.-е., как мы уже сказали, органов классового господства джентри и землевладельческой буржуазии, и содействие созданию взамен их органов крестьянской самозащиты неизбежно ведет к постановке на очередь дня основного вопроса китайской деревни: вопроса о взаимоотношениях между арендаторами и землевладельцами, который отчасти затрагивается в одном из пунктов цитированной нами «аграрной программы» Гоминдана. Эта программа была, не нужно забывать, принята еще в то время, когда самый вопрос о северной экспедиции еще не ставился. Отвечает ли она в настоящий момент значительно изменившейся кон'юнктуре, сможет ли она удовлетворить теперь запросам и требованиям широких крестьянских масс, особенно в пункте, касающемся арендных отношений,—все эти вопросы будут, разумеется, самым тщательным образом взвешены и проанализированы Гоминданом. Какие будут в конце концов приняты решения, мы не знаем. Во всяком случае одно несомненно: пункты программы, касающиеся организации широких крестьянских масс, свержения гнета джентри и кулаков, роспуска угнетающих крестьянство буржуазных миньтуанов и урегулирование арендных отношений должны теперь с занятием кантонской армией ряда провинций

в бассейне Ян-Цзы лечь в основу практической поли... партии. От того, насколько правильную и решительную ...нию возьмет в этом вопросе Гоминдан, будет зависеть, удастся или не удастся ему закрепить намечающийся союз с деревней; в частности—удастся ему или нет возглавить широкое крестьянское движение северных провинций, протекавшее до сих пор вне его руководства. Если Гоминдан в настоящей стадии развития революционного процесса не может, как было справедливо указано, преждевременно рвать общенациональный блок, ибо задачей дня является направить максимальное количество сил против иностранного империализма, то в то же время он не может забывать что «нельзя править сейчас против крестьянства и нельзя организовать силы революции, не подводя крестьянского базиса под эту революцию».

Мы подходим к концу беглого очерка, в котором нами по существу затронута лишь часть китайской проблемы. Для полного освещения этой проблемы необходимо проанализировать классовые взаимоотношения в развертывающейся в Китае борьбе, остановиться на характере и перспективах современного крестьянского движения, происходящего в эпоху империализма, влияющего на всю систему китайского народного хозяйства, а главное, остановиться на великой роли, которую уже играет китайский пролетариат и на его исторической миссии. Всех этих вопросов нам придется коснуться в особой статье.

Е. Варга.

Противоречия германского капитализма [1]).

Когда в наших кругах говорят о стабилизации капитализма, то при этом прежде всего имеют в виду Германию. И это не без основания. Ни в одной стране капиталистическая система не была в такой степени потрясена и не казалась столь созревшей для переворота, как в Германии осенью 1923 года. Ни в одной стране капитализм в течение последних трех лет не испытал такого сильного под'ема, как здесь.

Не только наши взгляды на временный характер стабилизации, но также и учение реформистов, согласно которому речь идет не о временной стабилизации, а о начале нового под'ема, а капитализму предстоит еще целый период под'ема, — основываются отчасти на под'еме германского капитализма в последние три года. Это делает необходимым более детальное исследование развития германского хозяйства в послевоенный период, отвлекаясь от кон'юнктурных колебаний.

Подобные исследования наталкиваются на гораздо большие затруднения, чем если бы речь шла о Соедине...ых Штатах или об Англии. Мы не имеем обоснованной цифрами картины современной структуры германского хозяйства, тех перемен, которые произошли в нем с 1907 года; мы не знаем, как изменилось в течение последних 20 лет социальное расслоение населения, так как из цифр последней промышленной и профессиональной переписи 1925 года до сих пор опубликованы лишь отрывки. Мы не имеем пригодной производственной статистики за исключением тяжелой индустрии и т. д. Вследствие этого нижеследующие выводы неизбежно будут содержать ошибки в отношении своих количественных исчислений. Однако, мы надеемся, что отклонения от истины будут происходить в таких пределах, что от этого не пострадают ни правильная постановка проблемы, ни выводы.

Забегая вперед, мы можем установить следующие результаты нашего исследования:

1) В Германии существует сильная **длительная диспропорция между производственной мощностью материального производственного аппарата и возможностями сбыта: отсюда — длительный кризис сбыта.**

2) Имеется налицо многочисленная промышленная резервная армия, которая, в противоположность нормальному капитализму, не втягивалась в производственный процесс даже в течение кратковременных кон'юнктурных фаз, и даже и теперь не

[1]) Статья дискуссионная.

видно пути для обратного вовлечения этой армии безработных в производственный процесс.

3) Уровень производства, потребления и накопления не достиг еще довоенного уровня, несмотря на то, что в течение последних двух лет в Германию притекло 5—8 миллиардов иностранного капитала.

4) В виду того, что произведенные до сих пор репарационные платежи взяты не из продукции германского хозяйства, а из притекающего иностранного капитала, репарационная проблема еще не разрешена; существует неразрешенное противоречие между необходимостью увеличить экспорт германских фабрикатов на многие миллиарды марок для того, чтобы иметь возможность уплатить репарации, и между диктуемым общей узостью мирового рынка для промышленных товаров стремлением всех стран—в том числе также и получателей репарационных платежей—ставить германскому экспорту всевозможные препятствия на его пути.

5) Существует кричащее противоречие между стремящейся к империалистическому расширению структурой германского хозяйства и тем фактом, что разоруженная Германия, обязавшаяся платить дань, сильно ограничена в своей экономической политике контролем Антанты над государственными доходами с железных дорог и над государственным банком. Короче говоря: противоречие между империалистическими и колониальными элементами нынешнего германского капитализма.

Все эти внутренние противоречия ведут к тому, что никоим образом нельзя считать обеспеченным дальнейший под'ем германского хозяйства по пути к достижению довоенного уровня и превышению его, и по нашему мнению такой под'ем в высшей степени невероятен. Он мог бы иметь место:

1) Если бы наблюдался общий под'ем мирового капитализма, или

2) Если бы Германии удалось, в смысле ленинского закона о неравномерном скачкообразном развитии капитализма, опираясь на новые технические изобретения (превращение угля в жидкое состояние, химическая промышленность), проделать скачкообразную, побивающую другие капиталистические державы эволюцию. В процессе нашего исследования мы укажем на некоторые моменты, которые обеспечивают германскому капитализму преимущество на мировом рынке перед некоторыми его конкурентами.

Но эти элементы, по нашему мнению, недостаточны для того, чтобы, принимая во внимание тяжелое бремя репараций, сделать возможным скачкообразное развитие германского капитализма и его победу над конкурентами на мировом рынке. И так как мы, конечно, считаем абсолютно исключенным общий под'ем мирового капитализма, то дальнейший под'ем германского капитализма представляется в высшей степени невероятным.

Расширение производственного аппарата германского капитализма. Противоречия между производственными возможностями и возможностями сбыта.

Германский капитализм вышел из войны с весьма сильно износившимся материальным производственным аппаратом для

производства предметов потребления (Раздел II марксовой схемы воспроизводства) и в общем с улучшенным и увеличившимся, по сравнению с довоенным временем, производственным аппаратом для производства средств производства (Раздел I), после того как заводы и фабрики от производства военных материалов перешли к производству мирного времени. Правда, в результате совершившейся по мирному договору урезки территории Германия потеряла большие производственные предприятия. Но в течение инфляционного периода при всеобщем обнищании произошла сильная концентрация имущества в руках промышленного капитала. Новоприобретенное имущество было вложено в «реальные ценности» и употреблено для увеличения производственного аппарата [1]).

К сожалению, результаты переписи предприятий, проведенной в июне 1925 года, еще не опубликованы. Мы можем поэтому привести лишь несколько взятых наудачу цифр, касающихся расширения производственного аппарата:

Углепромышленность. В области снабжения машинами угольной промышленности мы наблюдаем следующее развитие [2]):

Название машины.	1/IV—1914 г.	1/IV—1924 г.	1/IV—1914 г.	1/IV—1924 г.
Вращательные бурильные машины (Drehbohrmaschinen)	48	2.427	42	1.793
Бурильные молоты (Bohrhämmer)	13.783	43.472	21.574	51.023
Угольные молоты (Abbauhämmer)	545	15.500	585	12.944
Kohlenschneider	35	69	72	232
Schüttelrutschenmotoren	2.135	6.301	13.038	57.429
Врубовые машины (Schrähmaschinen)	270	715	951	3.782
Пневматические кирки (Presslufthacken)	—	469	—	488
Всего	16.816	68.953	42.262	127.637

Оказывается, что угольная промышленность в течение войны и инфляционного периода втрое увеличила свое машинное оборудование.

---

1) Что речь идет здесь не о концентрации посредством накопления, но лишь о концентрации и тем централизации, при чем все отрасли хозяйства, кроме промышленности, обеднели,—об этом свидетельствует следующая таблица:

Основной капитал 641 акционерного общества, существовавших уже в 1913 году и опубликовавших в первой половине 1926 г. свои балансы, составлял согласно сводке в «Wirtschaftsdienst» от 2/VII—1926 г.:

	1913 г.	1925 г.
	Миллиарды марок	
63 банка	2.720	939
578 промышл. предприятий	4.667	6.157

Мы видим, что даже банковский капитал, составлявший в «нормальные» времена эпохи империализма сильнейшую часть финансового капитала, по выходе из инфляционного периода потерял ²/₃ своей силы в качестве капитала.

2) «Börsen Courier» от 6/I—1925 г.

Железная и стальная промышленность. Согласно данным от 24/III 1926 г. производительность германских железоделательных заводов выражалась в следующих цифрах:

Годы.	Число доменных печей	Производственная мощность, считая по 24 часа	Производственная мощность на одну печь
1912 [1])	291	44.000	153
1922	219	38.000	172
1926	208	50.000	273

Согласно тайному докладу «Микума» («Micum»—«межсоюзная техническая комиссия по контролю промышленности»—«Berliner Tageblatt» от 16/II 1925) производственная мощность рурских горных промыслов в сравнении с довоенным временем поднялась в среднем на 33%, производственная мощность доменных печей на 32%, конверторов на 16%, мартеновских печей на 40%.

Электрическая промышленность. Производственные возможности предприятий, вырабатывающих электрическую энергию, согласно данным «Об'единения предприятий, производящих электрическую энергию» равнялись:

	1913 г.	Начало 1925 г.
Мощность в киловаттах .	2.095.600	5.938.400
Эксплоатируемая энергия в миллионах единиц . .	4.661	11.525

Химическая промышленность. У нас нет никаких цифр о развитии химической промышленности. Но не подлежит никакому сомнению, что химическая промышленность в Германии в настоящее время значительно выросла по сравнению с довоенным временем.

Железные дороги. Оборудование железных дорог в настоящее время гораздо лучше, чем до войны.

Подвижной состав ширококолейных железных дорог равнялся:

Годы.	Локомотивы	Пассажирские вагоны	Товарные вагоны
1913	29.990	65.961	667.048
1923	30 850	69.253	748.713
1924	30.767	69.209	705.021

Дауэсовский доклад, из которого мы берем цифры за 1923 г. замечает, что $^2/_3$ всего подвижного состава поставлено на работу лишь в течение последних лет. «Находящийся ныне во владении германской железнодорожной системы состав как в качественном, так и в количественном отношении сильно превосходит употреблявшийся до войны». С тех пор подвижной состав еще более улучшился вследствие употребления товарных вагонов провозоспособностью от 20 до 50 тонн.

1) Цифры за 1912 год вычислены нами на основании данных «Статистического Ежегодника» за 1915 г.

На каждые 100 эксплоатируемых километров падало:

Годы.	Паровозы	Пассажирские вагоны	Товарные вагоны
1913	48	111	1.121
1924	54	141	1.453

Несмотря на то, что это лишь отдельные данные [1]), не может быть никакого сомнения в том, что производственный аппарат нынешней Германии, по меньшей мере, равен довоенному.

Этот сильно расширенный производственный механизм до сих пор не мог быть использован в полном размере. Фактическая продукция оставалась всегда сильно позади производственной способности. Попытки германской буржуазии полностью пустить в ход производственный аппарат привели в 1924 году и осенью 1925 года к тяжелым кризисам сбыта. До сих пор не удалось каким-либо способом выравнять эту диспропорцию путем расширения рынка. В сентябре 1926 г.—после того, как Германия давно перешагнула через высший пункт кризиса и когда сильно дали уже себя почувствовать последствия стачки английских углекопов,—продукция составляла в процентном отношении к производственной возможности [2]):

Машиностроение	50	%
Паровозное и вагонное строительство . .	25	„
Деревообделочная пром.	25—60	„
Железо	60	„
Сталь	70	„

Мы можем указать еще на тот факт, что, несмотря на повысившуюся производственную способность, потребление важнейших видов сырья на голову населения в настоящее время меньше, чем оно было до войны, несмотря на сильное улучшение в течение последних лет.

Потребление важных видов сырья в Германии на душу населения в килограммах (согласно исчислениям «Статистического Ежегодника» за 1926 г.):

Виды сырья.	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Уголь вообще [3])	2.470,0	2.412,0	1.731,0	2.163,0	2.212,0
Железная руда	690,0	269,0	130,0	200,0	309,0
Железо	277,0	162,0	80,0	123,0	160,0
Медь	4,0	3,3	2,5	2,8	3,4
Калийные соли	153,0	197,0	168,0	119,0	—
Хлопок	7,2	4,3	3,0	4,3	5,9
Джут	2,3	1,6	1,4	1,7	2,1
Нефть (без смазочн. масел) .	17,2	6,6	3,0	3,8	7,4

1) Имеется лишь одна сводная, к сожалению, не опубликованная работа об увеличении машинного оборудования Германии в послевоенное время. Эта работа тов. Мендельсона, которая была им составлена в Берлине по моему совету во время его научной командировки. По его исчислениям новые поступления в машинах — сверх обычного изнашивания — равнялись 4,6 милл. тонн, что по последним ценам довоенного времени составляет около 5 млрд. золотых марок.

2) Данные из речи Дуисберга на Дрезденской конференции «имперского союза промышленности» и из статистики «Стального об'единения».

3) Бурый уголь, кокс и брикетты, пересчисленные на каменный уголь.

Для 1926 г. в виду тяжелого экономического кризиса, разразившегося в первой половине этого года, должны будут получиться еще более низкие цифры. Несмотря на расширение производственного механизма, несмотря на повышение продуктивности работы, мы видим уменьшение продукции и тяжелые кризисы сбыта. Таковы первые важные основные факты германского хозяйства.

Промышленная резервная армия.

Оборотной стороной диспропорции между производственными возможностями и возможностями сбыта является наличность большой промышленной резервной армии. Это известный порочный круг анархии капиталистического способа производства: так как нет сбыта, то рабочие увольняются, это ведет к дальнейшему сужению потребления, в результате чего возможность сбыта еще более ухудшается.

Число действительных безработных трудно установить, так как публикуется лишь число получающих пособия.

Кон'юнктурный институт дает на 1 августа 1926 г. следующее исчисление действительных безработных (выпуск II, стр. 41):

Безработные, получ. пособия	1.650.000
Безработные, не получающие больше, в виду продолжительности их безработицы, никаких пособий	100.000
Не получающие пособия в виду наличности в семье лиц, имеющих работу	165.000
Итого	1.915.000
Работающие неполное время 1.670.000; если перевести рабочее время, которое они не работают, на полные рабочие недели, то получится безработица в	500.000
Всего	2.415.000

Заметим к этому, что фактическое число должно быть еще больше, так как число лишенных пособия и число не получающих никаких пособий гораздо выше данных кон'юнктурного института. Мы полагаем, что если свести потерянное в результате неполной работы время к полным безработным, то мы можем принять для августа 1926 г.. 2,8—3 милл. полных безработных, а в качестве среднего числа для всего года, протекшего со времени стабилизации валюты приблизительно 1,5—2 милл.

Для сравнения с довоенным временем приведем исчисления кон'юнктурного института (выпуск II, стр. 42), согласно которому Германия, если исчислять по процентному числу безработных в профсоюзах, в среднем давала около 200.000. Самое высокое число было 467.000 в январе 1914 г., в зиму военного года.

Мы видим, таким образом, что неиспользованные средства производства и массовая безработица представляют собой длительное явление в германском капитализме[1]).

Причины хронического кризиса сбыта.

Проблема германского капитализма состоит в выравнении диспропорции между возможностями производства и возможностями сбыта для германской промышленности и притом в возрастающей степени, путем такого расширения сбыта, при котором миллионная армия безработных снова будет втянута в производственный процесс. Ибо лишь подобное разрешение вопроса означало бы действительный под'ем, дальнейшую стабилизацию капитализма. Разрешение вопроса по нисходящей линии путем ограничения продукции посредством образования монополии могло бы, пожалуй, погнать вверх прибыль картелированного капитала, но оно не разрешит социальной проблемы массовой безработицы.

Какие же надежды имеются на то, что удастся в возрастающей степени преодолеть диспропорциональность по восходящей линии?

Чтобы ответить на это, остановимся на структуре внутреннего рынка, потребляющего около 80% выработки германского хозяйства[2]).

В капитализме существует, как известно, постоянно диктуемая конкуренцией тенденция расширять продукцию за пределы существующего в данный момент общественного (конечно, лишь «платежеспособного») потребления, т.-е. тенденция к диспропорции между производством и сбытом предметов потребления, что, естественно, неизбежно ведет к перепроизводству также и средств производства.

Вызванное войной и инфляцией обеднение привело к усилению этой тенденции: капиталисты употребили сконцентрированное в их руках имущество на расширение производственных предприятий. Создалось следующее положение:

Доля продукции, падающая на рабочий класс понизилась, ибо эксплоатация пролетариата повысилась в результате интенсификации труда и низких ставок заработной платы. Поэтому

---

[1]) Улучшение кон'юнктуры в течение осенних месяцев 1926 г. в результате английской угольной стачки привело, правда, к обратному приему 35.000 рабочих в горной промышленности; но улучшение рынка рабочей силы в наиболее важных отраслях промышленности совершенно недостаточно, как показывают следующие цифры: процент безработных в профсоюзах составлял:

	Январь.	Июль.	Сентябрь.
Металлопромышл. и машиностроение	18,8	20,6	19,5
Текстильная промышленность	12,3	17,2	14,4
Деревообделочная промышленность	31,6	28,5	24,4
Конфекционная промышленность	31,3	34,5	26,9
Кожевенная и обувная промышленность	32,2	27,6	21,9
Все отрасли промышленности	22,6	17,6	15,6

[2]) Годичная продукция германского хозяйства в очень грубом виде может быть оценена в 40—50 мрд. марок; экспорт составлял в 1925 г. 8,8 мрд. марок.

капиталисты находят у рабочих сбыт для меньшей части ежегодной продукции промышленности [1]).

Покупательная мощность крестьянства в результате обеднения в периоды войны и инфляции и существующих до самого последнего времени ножниц меньше, чем в довоенное время. Промышленность может продать крестьянству товары лишь на меньшую сумму [2]).

Доля капиталистов в продукции, составлявшая до войны, по меньшей мере 8 мрд. марок в год, значительно уменьшилась. До войны имелся налицо облигационный долг империи отдельных германских государств, городов, земельных кредитных учреждений, промышленных предприятий в

---

[1]) Никто не сомневается в том, что реальная заработная плата рабочих в настоящее время ниже, чем она была до войны, в особенности, если принять во внимание массовую безработицу и неполную работу. Мы привели уже выше данные о потреблении сырья на голову, прибавляем здесь данные о потреблении пищевых продуктов:

Потребление некоторых ощеных продуктов в Германии на голову населения.

		1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Рожь	кг	153	90	106	87	128
Пшеница	»	96	47	57	68	83
Ячмень	»	108	29	42	45	—
Картофель	»	700	500	433	495	—
Рис	»	2,5	—	1,7	3,4	5,3
Мясо	»	52	34	31	43	47
Селедки	»	2,2	1,3	2,0	2,3	2,1
Сахар	»	19,0	19,5	13,3	20,2	21
Южные фрукты	»	4,4	0,9	0,7	4,8	6,1
Кофе	»	2,4	0 6	0,6	0,9	1,4
Чай	»	0,06	0,05	0,04	0,06	0,07
Пиво	литр	102	51	45	60	75
Водка	»	5,4	2,5	1,8	2,8	—

Цифры взяты из «Статистического Ежегодника» за 1925 и 1926 г. В отношении зерновых хлебов цифры касаются урожайного года до августа следующего года.

[2]) Сельскохозяйственная продукция еще не достигла довоенного уровня, что видно из следующих цифр:

Сельскохозяйственная продукция в Германии в млн. тонн.

Годы.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Свекловица.
1913 нынешн. тер.	4,04	10 13	3,04	8,61	44,1	7,8
1922 » »	1,96	5.23	1.61	4,02	40,7	10,8
1923 » »	2,90	6,68	2,36	6,11	32,6	8,7
1924 » »	2,43	5,73	2,40	5,65	36,4	10,3
1925 » »	3,22	8,06	2,60	5,58	41,7	10,3
1926 » »	3,05	7,50	2,62	6,57	—	—

Скотоводство в миллионах голов.

Годы.	Лошади.	Рогатый скот.	Свиньи.	Овцы.	Козы.
1913 нынешн. тер.	3,81	18,47	22,53	4,99	3,16
1925 » »	3,92	17,20	16,20	4,75	3,80

Вследствие того, что сельскохозяйственные продукты упали значительно в своем количестве, а цены на них по сравнению с ценами на промышленные товары упали (до осени 1926 г.), то сельскохозяйственное население могло купить меньше промышленных товаров, чем до войны.

40 мрд. марок; сюда присоединялись вклады в сберегательные кассы на сумму не менее 20 мрд. Последнее время, правда, сумма вкладов снова увеличилась, но доход от «ренты на капитал» все еще составляет небольшую часть суммы довоенного времени [1]).

Потребление капиталистов также уменьшилось. Так, напр., общая сумма дивидендов вышеназванных 578 промышленных акционерных компаний понизилась с 484 млн. марок в 1913—1914 г. до 297 млн. в 1925 г., т.-е., если принять во внимание обесценение денег,—наполовину. В своем стремлении увеличить собственный капитал в предприятиях руководители промышленности ограничивали дивиденды, т.-е. назначенную для частного потребления акционеров долю прибыли, вследствие чего сбыт промышленных товаров еще более был ограничен [2]).

Таким образом, мы видим, что имманентная капитализму тенденция к диспропорциональному развитию производства в отношении к платежеспособному спросу на предметы потребления обостряется благодаря специальным условиям. Это объясняет резкую диспропорцию, существующую между производственными возможностями и возможностями сбыта.

До сих пор мы говорили только о промышленности. Русский читатель должен вспомнить о том, что судьба германского капитализма находится в полной зависимости от судьбы германской промышленности. Уже в 1907 году лишь 27% всего работающего населения было занято в сельском хозяйстве; в настоящее время число их вряд ли составляет больше 21—22%. Поэтому не следует переносить условий СССР, в общем хозяйстве которого сельское хозяйство имеет несравненно больший удельный вес, на Германию...

Мы переходим теперь к структуре иностранного сбыта. Как мы указывали выше, стоимость всего экспорта—в очень грубой оценке—составляет 15% стоимости всей продукции Германии. Для промышленной продукции процент стоимости экспорта должен быть несколько выше. Но для преодоления противоречия между возможностями производства и возможностями сбыта посредством расширения сбыта за границу, необходимо было бы сильное повышение экспорта. Между тем статистика показывает, что экспорт Германии далеко еще не достиг довоенного уровня.

---

[1]) Накопление приносящего проценты капитала сделало в последнем году большие успехи. В течение первых десяти месяцев 1926 г. было вложено:

Внутренние займы	1.200 млн. марок
Ипотеки, заемные письма	1.000 » »
Увеличение вкладов в сберегат. кассы	1.000 » »

[2]) Повышение потребления буржуазии мало изменило бы нынешнюю диспропорцию, ибо наличный конкретный производственный аппарат германской промышленности технически направлен на массовое производство средств производства и предметов массового потребления. Повышенное потребление буржуазии могло бы вызвать улучшение в некоторых отдельных отраслях: тончайшие ткани, роскошные здания, роскошная мебель и т. д., но существующая большая диспропорция от этого не исчезнет.

Экспорт товаров в миллионах марок на основе единиц стоимости 1913 г. составлял:

Годы	Экспорт.
1913 старая территория	10.097
1913 новая территория [1])	9.087
1922 » »	6.187
1924 » »	5.134
1925 » »	6.596
1926 янв.-август = ⅔ года	4.850

Следует заметить, что экспорт 1913 года был особенно высок. Поэтому цифры эти показывают, что хотя внешняя торговля приближается к довоенному уровню, она все же далеко не достигла его.

На пути к дальнейшему расширению экспорта стоят различные препятствия. Важнейшим из них является то обстоятельство, что Германия обеднела, и поэтому она не располагает сильнейшим средством в борьбе с конкурентами на мировом рынке в империалистическую эпоху, которое состоит в предоставлении займов для финансирования импортирующих государств—товарный экспорт в форме экспорта капиталов. Далее германский капитализм не имеет колоний и полуколоний, обеспечивающих монопольный или, по крайней мере, привилегированный сбыт, подобный тому, который имеет Англия (привилегированные пошлиной колонии) Франция, Япония, Соед. Штаты. В некоторых антантовских государствах существуют законодательные политические и психологические затруднения для импорта германских товаров. Далее весьма важно то обстоятельство, что германская промышленность потому именно, что ее производственный аппарат лишь отчасти используовывается, также и производит дороже [2]), чем некоторые ее работающие с использовыванием всей мощности своего производственного аппарата конкуренты.

Наконец, следует напомнить об обстоятельствах, затрагивающих также и все другие промышленные государства; о существовании диспропорции между производственной способностью всей западно-европейской промышленности и потребительной способностью мирового рынка в отношении промышленных товаров, диспропорцией, наступившей в результате вызванного войною обеднения и стремления каждого государства, к развитию всеми средствами своей собственной промышленности [3]).

---

[1]) Предполагается, что на уменьшенную территорию падает соответствующая уменьшившемуся количеству населения часть внешней торговли.

[2]) Директор Ганс Кремер, член президиума имперского союза германской промышленности, заявил на текстильной выставке во Франкфурте 22 сентября («Deutsche Allgemeine Zeitung», корреспонденция из Франкфурта от 22/IX): «Откровенно говоря, значительная часть трудностей вытекает из того, что германские товары за границей стоят на 30—50% выше, чем следовало бы, и ни в коем случае не обнаруживают постоянно своих качеств мирного времени».

[3]) Демонстрации в пользу свободной торговли, в роде знаменитого манифеста банкиров, не могут устранить того факта, что основой обороноспособности является в настоящее время промышленность и что поэтому ни одно самостоятельное государство не может отказаться от развития своей собственной промышленности.

Мы видим общие вытекающие из характера современного периода упадка капитализма причины и специальные зависящие от германских условий причины, которые, действуя сообща, вызывают перманентный кризис германского хозяйства [1]).

Предложение социал-демократии: повышение заработной платы.

Социал-демократия и профсоюзы предлагают в качестве средства для преодоления кризиса сбыта повышение заработной платы. В программной брошюре «Всеобщего об'единения германских профсоюзов значится следующее [2]):

«...Мы... требуем повышения реальной заработной платы германских рабочих и служащих, которое вызовет расширение рынка сбыта и, таким образом, приведет снова к повышению степени занятости». Эта же мысль развивается в многочисленных статьях; капиталистов умоляют в их собственных интересах, в интересах германского хозяйства платить более высокие ставки заработной платы с целью преодоления кризиса сбыта.

Капиталисты не хотят, однако, прислушиваться к мольбе социал-демократов и вместо того, чтобы повысить заработную плату, они пытаются, наоборот, еще более понизить ее. Несмотря на то, что капиталисты не являются марксистами, они знают очень хорошо, что предложение социал-демократов бессмысленно.

Ибо, если заработная плата повышается при остающейся прежней продуктивности, то это означает, что из годичной стоимости продуктов рабочему классу остается большая доля, а капиталистам меньшая. То, что выигрывается в отношении возможности сбыта среди рабочих, теряется в результате уменьшения возможности сбыта среди капиталистов.

Но если даже не учитывать этого, то для капиталистов, как класса, было бы весьма невыгодной сделкой добровольно уступить рабочему классу часть прибавочной ценности для того, чтобы потом иметь возможность продавать рабочим на эту сумму больше товара.

Но если повышение заработной платы явится средством повышения производительности труда, то и это не приведет ни на шаг ближе к разрешению проблемы, ибо добавочная производительность означает увеличившееся производство товаров, т.-е. диспропорцию на более высокой ступени лестницы.

Поэтому германские капиталисты отклоняют рекомендуемый социал-демократией выход. Лишь те слои капиталистов-промышленников, которые производят не абсолютно-необходимые для рабочего класса предметы массового потребления (платье, мебель, в Америке также автомобили), стоят за повышение заработной платы рабочих (за исключением своих собственных предприятий) с целью повышения сбыта их специальных товаров. Но капиталистический класс, как единое целое, ищет другого выхода.

---

[1]) В осенние месяцы 1926 г. положение германского хозяйства несколько улучшилось, прежде всего в результате английской стачки; но это улучшение не имеет длительного характера.

[2]) «Gegenwartsaufgaben deutscher Wirtschaftspolitik», ADGB — Verlag, стр. 9.

Попытка капиталистов разрешить вопрос: рационализация и образование монополий.

Германские капиталисты действительно предложили путь, как раз противоположный тому, который предлагали социал-демократы. Они употребили все средства для того, чтобы путем уменьшения доли рабочих в общей продукции, т.-е. путем повышенной эксплоатации рабочих понизить себестоимость товаров. Они исходят при этом из следующего положения:

«На дешевый товар хорошего качества всегда находится покупатель».

Мероприятия, служащие к понижению себестоимости товаров, все вместе называются рационализацией. Приведем важнейшие моменты этого явления:

а) Повышение производительности труда. Это означает, что посредством технического прогресса, т.-е. при помощи применения лучших орудий производства и методов производства уменьшается содержащееся в единице продукта рабочее время. Это означает реальное понижение себестоимости производства, при чем непосредственно не затрагивается деление стоимости продукта на стоимость и прибавочную стоимость.

Косвенно повышение производительности труда, т.-е. понижение издержек производства на единицу продукта означает возможность понижения заработной платы, если понижение издержек производства распространяется на товары, потребляемые рабочими. При сохранении теоретической предпосылки Маркса, гласящей, что рабочая сила при капитализме оплачивается согласно своей стоимости, заработная плата падает соответственно удешевлению входящих в бюджетный набор рабочих товаров. Доля капиталистов в общей продукции при сохранении реальной заработной платы рабочих увеличивается. При прочих равных условиях это означало бы повышение общей прибыли капиталистического класса.

б) Методы для производства относительной прибавочной стоимости. Различные стремления к рационализации имеют своей целью посредством лучшей организации труда достигнуть уменьшения содержащегося в единице продукта рабочего времени без применения технических усовершенствований, т.-е. добиться понижения издержек производства без улучшения производственного аппарата. Важным и интересным методом рационализации является установление единой величины и единого качества товаров и частей товаров: стандартизация, нормализация, типизация. Достигнутое таким путем уменьшение заключающегося в единице продукта рабочего времени явно попадает также в категорию относительной прибавочной стоимости. В эту категорию входит также и ставшая возможной благодаря образованию трестов специализация предприятий на производстве одного или целого ряда товарных типов: концентрация продукции на наилучше расположенных с экономической точки зрения или на технически наилучше оборудованных предприятиях.

в) Увеличение абсолютной прибавочной стоимости посредством повышения эксплоатации рабочей силы. Эта форма рационализации затрагивает рабочих наиболее непосредственным образом. Она распространяется как

на простое увеличение рабочего дня, так и в особенности на интенсификацию труда, т.-е. на принуждение рабочего в одинаковое время произвести более высокий расход рабочей силы. Последний способ иногда неверно обозначается сам по себе как рационализация. Введение движущейся ленты и другие методы автоматического контроля и интенсификации расхода рабочей силы образуют главное средства для этого. Но интенсификация труда может производиться также и без введения подобных технических новшеств в роде движущейся ленты, а просто путем повышения предписанной на известное время производительности труда, или путем понижения поштучной платы. При всех этих методах речь идет об усилении эксплоатации рабочей силы, о добавочном расходе ее во время работы в тот же период времени и за ту же денежную плату.

г) Увеличение эксплоатации путем простого понижения заработной платы, посредством чего во многих случаях цена труда понижается ниже ее стоимости.

Из этого мы видим, что все эти мероприятия, называемые в производственных сферах рационализацией, сводятся по существу к повышению прибавочной стоимости, частью путем повышенного производства относительной прибавочной стоимости, частью путем повышения производства абсолютной прибавочной стоимости или же путем понижения цены рабочей силы ниже ее стоимости.

Сводной работы, которая подвела бы итоги кампании по рационализации, еще не имеется. Однако, наше впечатление таково, что при этом достигнуто не столько повышение производительности труда, как повышение эксплоатации рабочих. В этом нашем взгляде мы прежде всего опираемся на тот факт, что в течение всей кампании по рационализации германская машиностроительная промышленность была занята лишь на 50% своей мощности. Но повышение производительности означает то, что каждый рабочий приводит в движение способный давать лучшие результаты производственный механизм. Это, таким образом, должно было быть связано с сильной заменой старых машин новыми лучшими, чего в действительности, очевидно, нет.

С другой стороны, в течение этого периода, несомненно, достигнуто уменьшение реальной заработной платы рабочих. Реальная заработная плата германских рабочих в течение 1926 г. упала. Денежная заработная плата согласно официальным данным осталась совершенно без перемен; фактически же все аккордные ставки, т.-е. фактический заработок, были сильно понижены. Индекс официального бюджетного набора повысился на 2—3%, так что можно считать, что реальная заработная плата упала минимум на 5%.

Что касается возможности сбыта на внутреннем рынке, то и рационализация ни в коем случае не принесла улучшения в этом отношении [1]). Но это и не является целью руководящих германских капиталистов. Они, наоборот, стремятся к тому, чтобы на ряду с понижением себестоимости товаров путем образования монополии установить внутри страны цену, далеко пре-

[1]) Поэтому замечается некоторая усталость у многих капиталистов в отношении лозунга рационализации. Так, напр., упомянутый уже выше Кремер заявил, что рационализация никоим образом не является панацеей от всех зол.

высшающую производственную цену (издержки производства плюс средняя прибыль). Излишние продукты должны найти сбыт по дешевым ценам за границей [1]).

Но прежде чем мы перейдем ко второму главному моменту экономической программы германских капиталистов, мы бы хотели заметить следующее относительно рационализации:

1) Рационализация не является чем-то принципиально новым в истории капитализма. Она применялась с давних пор. Повышение производительности труда и интенсификации работы—это общие основные линии капиталистического развития. Различие в сравнении с прежним временем состоит в том, что принуждаемые кризисами сбыта германские капиталисты применили все эти методы в ускоренном темпе, а затем также и в том, что понижение издержек производства в империалистическом периоде под'ема совпадало с повышением реального уровня жизни рабочего класса, между тем как ныне в Германии оно связано с понижением уровня жизни.

2) Рационализация не является монополией германского капиталистического класса. Если в результате рационизаторской кампании в Германии будет достигнуто преимущество в области понижения издержек производства в сравнении с другими государствами, то конкуренты не замедлят последовать за Германией по этому пути. Длительный перевес может быть достигнут лишь в том случае, если путем технических нововведений будет создана почва для «скачкообразного» развития германского капитализма [2]).

Германская буржуазия связывает рационализацию с весьма интенсивной деятельностью в области образования монополий. Это отчасти является средством компенсировать нежелательные последствия рационализации, а именно поскольку рационализация, путем повышения производительности труда, означает сдвиг в органической структуре капитала в направлении к повышению постоянной его части, она совпадает с уменьшением доли прибыли. Комбинирование технического прогресса с монополистическим назначением цен картелями должно иметь своим последствием сохранение старых продажных цен, несмотря на достигнутое уменьшение издержек производства, т.-е. оно будет означать попытку устранить тенденцию к паденню прибыли в связи с повышением производительности.

Помимо этого, образование монополий должно послужить также и для поднятия цен внутри страны выше прежней производственной цены.

[1]) На ряду со стремлением к понижению себестоимости посредством мероприятий внутри производственного процесса промышленный капитал — в марксовском смысле, т.-е. не только промышленный капитал, но и всякий капитал, проделывающий процесс $G - \frac{A}{Pm} \ldots P \ldots W' \ldots G'$, пытается увеличить свою долю прибыли за счет других видов капитала: торгового капитала, кредитного капитала, банковского капитала. С другой стороны, также и при непродуктивных видах капитала, «населяющих исключительно сферу обращения», как говорит Маркс, идет повышение эксплоатации занятых рабочих и служащих путем введения новых машин (система Головит в бухгалтерии и статистике), путем интенсификации труда и удлинения рабочего дня. Но мы не можем на этом подробнее остановиться, ибо это завело бы нас слишком далеко.

[2]) О возможностях подобного развития см. мою статью «Сверхимпериализм и закон неравномерного развития капитализма» в «Комм. Интерн.» № 6.

Мы здесь не будем приводить никаких данных об образовании монополий в Германии. Мы хотим лишь подчеркнуть, что в настоящее время в Германии вряд ли имеется хотя бы одна значительная отрасль промышленности, которая не была бы об'единена в картелях. Важно также, что вместо «вертикального» образования трестов (об'единение всех производственных стадий от сырья до готовых предметов потребления), имевшего место в период инфляции, в настоящее время происходит преимущественно «горизонтальное» об'единение одинаковых производственных стадий. Но не исключительно так: одновременно происходит горизонтальное об'единение вертикальных трестов. Такую картину представляет, например, стальное об'единение—«Vereinigte Stahlwerke A. G» или химическое—«I. G. Farbenindustrie», в которых об'единены все производственные стадии, при чем стальной трест занял господствующее положение внутри горизонтального картеля железных и стальных фабрикатов и полуфабрикатов.

Результатом рационализации и одновременного образования монополий должно быть такое расширение заграничного сбыта, которое разрешило бы основные противоречия германского капитализма. Задача состоит в том, чтобы сделать более выгодным промышленное производство посредством полного использования производственного аппарата—при одновременном прекращении работы в значительных частях этого аппарата и ликвидации их—и одновременно преодолеть массовую безработицу путем обратного вовлечения рабочих в производственный процесс. В то же время необходимо, однако, путем увеличенного экспорта создать активный торговый баланс. Ибо лишь посредством весьма активного платежного баланса Германия может уплатить репарации, а также и проценты на вложенный в Германии иностранный капитал. Ибо Германия,—это следует особенно подчеркнуть,—до сих пор не уплатила никаких репараций за счет своей собственной продукции, но она платила исключительно из полученных ею иностранных займов.

Со времени дауэсовского соглашения мы знаем про следующие иностранные займы [1]):

	В миллионах марок
Дауэсовский заем	840
1924 г. 1/IX до 31/XII	154
1925 г.	1.472
1926 г. до конца октября	1.384
	3.850

В течение двух лет и одного месяца в Германию притекли 4 миллиарда в виде публичных займов. Сюда следует присоединить торговые кредиты и продажу германских акций, облигаций и т. д. за границу. Мы оцениваем всю новую задолженность иностранным государствам приблизительно в 8 миллиардов, а проценты или дивиденды, таким образом, приблизительно в 600 мил. марок в год. Само собой разумеется, что этот процесс распродажи за границу не может вечно продолжаться; репарации и проценты не могут постоянно покрываться путем заключения новых займов. Поэтому Германия должна иметь активный,

[1]) «Wirtschaftsdienst» № 32, 1926 г.; для 1926 г. «Berliner Tageblatt» от 5/XI—1926 г.

сильно активный торговый баланс. Таким образом, вопрос о кризисе сбыта связывается с проблемой репараций.

Перспективы попыток германских капиталистов разрешить проблему.

Успех германского капитализма на мировом рынке зависит от того, удастся ли ему очень сильно поднять вывоз фабрикатов на мировой рынок (из сырья Германия имеет для экспорта лишь уголь и калий) для того, чтобы репарации могли быть уплачиваемы из стоимости продукции германского хозяйства. Германия должна покрыть своим экспортом следующие суммы платежного баланса:

	Миллионы марок.
Репарационные платежи	2.500
Проценты на вложенный в Германии иностранный капитал	600
Усиленный ввоз сырья, необходимый для расширения вывоза фабрикатов	1.200
Всего	4.300

Сумма, с помощью которой мог бы быть развит экспорт фабрикатов из Германии, с целью создания активного платежного баланса без помощи иностранных займов, равна нескольким миллиардам. Если германский народ в общем достиг бы довоенного жизненного уровня, то стало бы необходимым дальнейшее повышение ввоза приблизительно на полтора миллиарда довоенных марок, ибо до войны тратилось на импорт пищевых продуктов и текстильного сырья именно на такую сумму больше, чем теперь; в нынешней валюте эта сумма равна 2 миллиардам марок. При очень грубом исчислении Германия для того, чтобы поднять свое хозяйство до довоенного уровня, уплатить репарации и питать и одевать германский народ так же, как до войны, должна была бы достигнуть увеличения экспорта фабрикатов на сумму не менее 6 млрд. марок.

Чтобы получить представление о возможности подобного поднятия экспорта, мы сопоставили в нижеследующей таблице вывоз фабрикатов важнейших капиталистических стран за 1925 г. Из имеющих значение стран промышленного экспорта не достает лишь Италии, в статистике внешней торговли которой не существует подразделения на сырье и фабрикаты.

Мировая торговля фабрикатами в 1925 г. [1])

	Ввоз в милл. валютн. единиц	Вывоз в милл. валютн. единиц	Вывоз в милл. долларов
Англия (фунты стерлинг.)	320	616	2.9[illegible]7
Соед. Штаты (доллары)	796	1.812	1.842
Германия (марки)	2.005	6.626	1.578
Франция (франки)	5.402	26.976	1.295
Бельгия (франки)	3.910	8.081	3[illegible]7
Чехо-Словакия (кроны)	4.055	11.635	349
Япония (иены)	243	558	228
Голландия (гульдены)	5.053	626	250
			8 886
		Ввоз Германии	500
			8.386

[1]) «Accounts relating to the trade and Commerce», H. M. St. O. 1926. Пересчеты сделаны на основании данных «Survey of Current Business».

Таблица показывает, что общая покупательная способность мирового рынка в отношении промышленных фабрикатов перечисленных стран составляет приблизительно 34 миллиарда марок. Экспорт фабрикатов, неперечисленных стран: Италии, Польши и некоторых меньших стран, не должен по самой высокой оценке превышать 6 миллиардов марок, т.-е. всего около 40 мрд. марок. Покупательная мощность мирового рынка должна была бы, таким образом, увеличиться на полных 15 процентов, или же германская промышленность для того, чтобы создать себе место на мировом рынке для добавочного экспорта германских промышленных товаров на сумму в 6 мрд. марок, должна будет вытеснить своих конкурентов на одну шестую общего оборота. И приблизительно на такую же сумму необходимо увеличить германскую продукцию для того, чтобы иметь возможность снова привлечь в производственный процесс промышленную резервную армию [1]).

Каковы же преимущества германской промышленности в сравнении с ее конкурентами на мировом рынке?

1. Более низкие расходы на заработную плату, чем в Америке, Англии, Франции (повидимому, более высокие, чем в Италии и Японии).

2. Временный рост темпа (развития промышленности), благодаря более ранней рационализации.

3. Более тесная связь между наукой, техникой и производством, чем в большинстве других стран, и отсюда возможность технического скачка вперед.

4. Освобождение от части бремени задолженности при помощи инфляции и создание таким образом более выгодного положения в сравнении со странами, находящимися в дефляционном периоде (Америка, Англия, нейтральные государства), которые должны нести на себе все довоенное бремя.

Но всем этим преимуществам нужно противопоставить следующие отрицательные стороны:

1. Репарации, которые, будучи доведены до полного размера, потребуют ежегодно 5% продукции германского хозяйства, и связанные с ними более высокие налоги (в значительной части репарации уплачиваются рабочими, но—при всех равных обстоятельствах—капиталисты могли бы в такой же степени понизить заработную плату в свою пользу, если бы рабочие не были вынуждены платить налоги для уплаты репараций).

2. Контроль важнейших политико-экономических факторов: государственные доходы, государственный банк, железные дороги.

3. Отсутствие вывоза капиталов [2]).

[1]) В очень грубом исчислении, в Германии имеется около 15% безработных в собственно промышленности: ценность продукции может составить приблизительно 30 мрд. марок; при полной загруженности на 5 мрд. больше.

[2]) До войны суммы иностранных займов Германии составляли в среднем за период 1907—1913 гг. 473 млн золотых марок ежегодно (при нынешнем уровне валюты равн. 700 млн.). В 1925 г. не больше 10 млн. марок. В I половину 1926 г —15 млн. Правда, германская индустрия может предоставить товарный кредит в исключительном случае даже долгосрочный—как, например, 300 млн. кредит Советскому Союзу, но это не является настоящим вывозом капитала, а лишь товарным кредитом, как он практиковался, помимо вывоза капитала, в широком масштабе и до войны.

4. Отсутствие монопольно обеспеченных или специальных рынков сбыта в такой мере, как ими обладает Америка, Англия, Франция и Голландия и др. в своих колониях или полуколониях.

Выгоды и невыгоды положения германской промышленности по меньшей мере уравновешиваются. Это обнаруживается в структуре экспорта. Последний, правда, сильно поднялся, но не достигнув, однако, при этом довоенного уровня; еще менее он достиг той сильной активности, которая необходима для разрешения противоречий германского хозяйства — для преодоления диспропорции между производственными возможностями и возможностями сбыта и для устранения факта наличности безработных пролетарских масс при остающихся неиспользованными средствах производства.

Мировая торговля при пересчете на нынешние ценности составляла (специальная торговля без золота и серебра):

	Ввоз	Вывоз	Превышения	
			Ввоз	Вывоз
1913 старая территория	10.770	10.097	673	—
1913 новая территория	9.693	9.087	606	—
1923	6.150	6.102	48	—
1924	9.083	6.552	2.531	—
1925	12.428	8.798	3.630	—
1926 янв. до авг. = 2/3 года	6.077	6 423	—	346

Активность баланса в течение первых месяцев 1926 г. следует прежде всего приписать сильному уменьшению ввоза сырья. Правда, экспорт также существенно поднялся, отчасти в результате английской угольной стачки. Несомненно, что после окончания английской угольной стачки обстоятельства сложатся опять в пользу германского вывоза. Во всяком случае довоенный вывоз, исчисленный в довоенных ценностях, еще далеко не достигнут, и участие Германии в мировой торговле уменьшилось. Согласно официальной германской статистике (Commerce Report) [1]), участие Германии и ее важнейших конкурентов в общем мировом экспорте составляло:

Ценность экспорта в процентах общего мирового экспорта.

	1913 г.	1924 г.	1925 г.
Великобритания и Ирландия	16,7	17,5	16,7
Германия	13	6,2	7,4
Франция	7,2	8,9	7,7
Соед. Штаты	13,5	18,3	17,4

Остановимся еще очень бегло на некоторых отраслях германской промышленности, считающихся имеющими наиболее богатую будущность и в отношении которых Германия считается передовой страной на мировом рынке: химическая промышленность, электрическая промышленность и машиностроение показывают следующее развитие:

1) Цитировано по «Wirtschaftsdienst», вып. 37, от 17 октября 1926 г.

Химическая промышленность [1]). Мы видим сильный скачок вперед в вывозе 1925 г., однако, довоенный вывоз еще не достигнут, и участие Германии в снабжении мира химическими продуктами при учете увеличившегося с тех пор потребления, несомненно, значительно уменьшилось.

Внешняя торговля в миллионах марок.

	1913 г.	1924 г.	1925 г.
Вывоз	895	350,7	859,7
Ввоз	215	93,7	143,1
Превышение вывоза	680	247,0	755,6

Электрическая промышленность. Вывоз электрических машин и аппаратов из различных стран в процентном отношении представлял следующую картину [2]):

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Великобритания	23,4	28,9	28,9	30,2
Германия	48,5	28,7	25,7	27,7
Соед. Штаты	17,7	31,3	33,4	31,3
Франция	6,7	7,2	8,2	6,6
Швейцария	3,7	3,9	3,9	4,2

Мы видим, что Германия оттеснена с первого на третье место. В абсолютных цифрах она достигла своего довоенного экспорта в то время, как Соед. Штаты удвоили свой довоенный экспорт.

Машиностроительная промышленность. Экспорт и импорт всякого рода машин, а также аппаратов и машинных частей—без электрических—составляли [3]):

В миллионах марок	1913 г.	1924 г.	1925 г.
Вывоз	938	621	855
Ввоз	125	80	172
	813	541	683

Здесь мы также замечаем сильное увеличение в 1925 г., но довоенный вывоз все же, несмотря на сильное повышение

1) Мы резюмируем в этой таблице на основании данных «Статистического Ежегодника» следующие пункты внешнеторговой статистики: серно-кислый аммоний; другие химические сырьевые материалы и полуфабрикаты; каменноугольный деготь, каменноугольные масла и производные; целлулоид и т. д.; фильмы, краски, олифа, лаки; серно-кислый калий, хлористый калий химические и фармацевтические продукты. Недостает искусственного шелка, и др. ибо последний привозится вместе с естественным шелком.

2) «The Electrical Industry in Germany», изд. Об'единения британской электрической промышленности, стр. 111.

3) Там же, стр. 105.

цен, не достигнут. Здесь также Германия оттеснена конкуренцией других стран.

Распределение экспорта машин по весу в процентах [1]).

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Великобритания	40	38	35	30
Германия	41	28	27	27
Франция	16	35	34	40
Швейцария	3	4	4	3

С первого места Германия оттеснена на третье место.

Таким образом, мы видим, что хотя германский капитализм и достиг больших успехов в течение последних лет, все же о завоевании мирового рынка в размерах, необходимых для преодоления внутренних противоречий, еще не может быть и речи.

Будущность германского капитализма.

Капиталистический метод, рационализация и образование монополий как будто также приспособлен к тому, чтобы разрешить этим способом проблему германского хозяйства. Да, кажется, будто и сама германская буржуазия склоняется к тому, чтобы отказаться от действительного разрешения вопроса по восходящей линии и удовольствоваться обеспечением своих прибылей, не обращая внимания на разрешение проблемы в целом с классовой и государственной точки зрения.

Германская буржуазия рационализирует и создает монополию. Это означает уменьшение доли пролетариата в общей продукции, высокие цены на внутреннем рынке, дальнейшее сужение покупательной способности внутреннего рынка. И это тем более, что германская промышленная буржуазия в целях сохранения необходимых для монополистической эксплоатации внутреннего рынка высоких покровительственных тарифов должна согласиться также и на предоставление аграриям высоких покровительственных тарифов на пищевые продукты, что также действует в направлении дальнейшего сужения внутреннего рынка в отношении промышленных предметов массового потребления [2]).

Эта система приспособлена для обеспечения прибылей монополистической промышленности при уменьшенном производстве, а не для под'ема капитализма и для преодоления безработицы. С другой стороны, германская буржуазия как будто сама не питает надежд на обратное завоевание своего старого места на мировом рынке в открытой борьбе с конкурентами. Поэтому она судорожно стремится к созданию международных картелей, под прикрытием которых она может себе обеспечить известную добрую долю прибыли на мировом рынке. Это также означает обеспечение прибылей, а не разрешение проблемы. Результатом такой политики будет: продолжение существования безработицы, дальнейшее ухудшение положения рабочих, массовая эмиграция, фиктивные репарационные платежи, т.-е. дальнейшее отчуждение германского имущества посредством «мнимого трансферта» [1]). Конечным результатом было бы падение Германии до положения экономической колонии экспортирующей капиталы державы, т.-е. прежде всего Соед. Штатов.

Резюмируем. Несмотря на серьезные успехи в течение последних трех лет, крупные проблемы германского капитализма не разрешены. Дальнейший под'ем германского капитализма на ступень, которая обеспечила бы германскому пролетариату соответствующее накопление в самом широком смысле этого слова, не обеспечен. Только либо всеобщий под'ем мирового капитализма, либо скачкообразное развитие за счет своих конкурентов могло бы это провести в жизнь. Нет основания надеяться ни на то, ни на другое. Поэтому наиболее вероятной перспективой является продолжение периода кризиса, прерываемого кратковременными фазами улучшившейся кон'юнктуры, и при этом продолжение наступления капиталистов на жизненный уровень германского пролетариата. Само собой разумеется, что степень сопротивления, которое будет оказывать германский пролетариат дальнейшему усилению эксплоатации, будет оказывать особое влияние на дальнейшую структуру германского капитализма. Одно не подлежит сомнению: об'ективное положение складывается таким образом, что для работы германской коммунистической партии создается благоприятная почва.

---

1) Там же. стр. 106.

2) Повышение цен на пищевые продукты означает или уменьшение прибыли внутреннего капитала, если реальная заработная плата рабочих остается без изменений, или уменьшение заработной платы и тем самым уменьшение покупательной способности промышленного пролетариата в отношении промышленных товаров. Часть уменьшения покупательной способности рабочих компенсируется повышением покупательной способности среднего и богатого крестьянства, но бо́льшая часть достается крупным землевладельцам.

1) Я называю «мнимым трансфертом» то явление, при котором репарации уплачиваются не из текущей продукции германского хозяйства, но путем продажи «обязательств в счет будущего дохода» — акций, облигаций и т. д. за границу.

Лазарь Шацкин.

Путешествие тов. Ксенофонтова по „основным вопросам стратегии и тактики ВКП“.

Борьба против всяких извращений марксизма и ленинизма принадлежит к числу важнейших задач нашей партийной печати. Особенно сейчас, когда марксизм и ленинизм стали в советской стране «модой» и когда всякий, кому не лень, божится именами великих учителей коммунизма. С другой стороны, и потому, что у нас сейчас нередко появляются «халтурные» произведения по основным вопросам большевистской теории и тактики. В особенности же тщательно надо следить за тем, чтобы в момент, когда вся партия жадно читает все, что относится к внутрипартийным разногласиям, под флагом борьбы против оппозиции не преподносился всякого рода хлам, ничего общего с теорией и практикой партии не имеющий. Ибо т а к а я «борьба» с оппозицией превращается в свою противоположность.

На эти—думаем, вполне своевременные—мысли наводит недавно вышедшая к н и ж к а тов. Ф. А. К с е н о ф о н т о в а (не смешивать с покойным Иваном Ксенофонтовичем Ксенофонтовым)—«О с н о в н ы е в о п р о с ы с т р а т е г и и и т а к т и к и ВКП» (ГИЗ, 1927 г.).

I. Цель путешествия и «манера письма».

Прежде всего нужно отметить, что т. Ксенофонтов не ставит себе задачи популярно и з л о ж и т ь то, что «завоевано и записано» нашей партией на основе ее революционного опыта и идейной борьбы в основных вопросах стратегии и тактики авангарда пролетариата. «Однако, я должен оговориться: это из учебник по вопросам стратегии и тактики ВКП»—скромно замечает автор, почему-то думая, что кто-либо может принять такого рода произведение за партийный учебник. «Целью брошюры является р а з б о р и д е й н ы х о с н о в п о л и т и к и п а р т и и (в связи с решениями XIV с'езда) и платформы оппозиционного блока»—так определяет он задачу своего «труда». Таким образом, перед нами попытка с а м о с т о я т е л ь н о г о т е о р е т и ч е с к о г о и с с л е д о в а н и я (или разбора) основных вопросов стратегии и тактики ВКП. Именно под углом выполнения э т о й серьезнейшей задачи и надо расценивать плоды творчества т. Ксенофонтова.

Однако, автор нисколько не сомневается в возможности выполнить ее своими собственными силами. Его безбрежная самоуверенность и безграничное самомнение бросаются в глаза уже на первой странице книги. Первая глава «Основных вопросов» начинается следующим перлом:

> «В своей первой работе о ленинизме (примечание автора: см. Ф. Ксенофонтов, «Учение Ленина о революции и диктатуре пролетариата», ГИЗ, 1925 г.), написанной в 1924 г., мы так определяли ленинизм:
>
> «Ленинизм есть наука о революционной политике рабочего класса в условиях империализма, т. е. теория и тактика пролетарской революции». Теперь, вдумываясь в это определение и сравнивая его с определением, которое дал тов. Сталин в своей брошюре «Об основах ленинизма», мы считаем, что оба определения в основном с о в п а д а ю т. Однако, определение Сталина более полно, а потому и более совершенно» (стр. 1, курсив мой. *Л. Ш.*).

Конечно, широкие партийные массы проявят необычайный энтузиазм по поводу совпадения определения Сталина и определения Ксенофонтова. Еще больше обрадуется партия, когда узнает, что Ксенофонтов—боже упаси—ничего не позаимствовал у Сталина, а сам «додумался», ибо для доказательства именно этого положения и приведены год п и с а н и я и год и з д а н и я первого труда нашего автора (брошюра Сталина вышла в 1924 г.). Но зачем же уже на первой странице «намекать», что собственно, я, Ксенофонтов, и был тем человеком, который «выдумал», что такое ленинизм. Ведь, во-первых, никто этому не поверит, а во-вторых, кому интересны подробности теоретической биографии т. Ксенофонтова, кроме, быть может, его ближайших родственников и друзей?

Казалось бы, что автор столь самоуверенный, открывший, что такое ленинизм и берущийся исследовать основные вопросы стратегии и тактики ВКП, должен по меньшей мере уметь грамотно и ясно писать. Этого нельзя сказать про книжку т. Ксенофонтова. Вот несколько образцов ксенофонтовского стиля: «Партия, по мнению этого блока, не ведет свою политику согласно мудрости этого идейного к о л о д ц а троцкизма...» (стр. V предисловия). Почему колодца? Почему бы в эпоху индустриализации не сказать, например, идейного водопровода? Или водокачки? Говоря об отрицании Каутским возможности построения социализма в нашей стране, Ксенофонтов так излагает точку зрения Каутского: «противоречия между пролетариатом и крестьянством этой страны неразрешимы только ее п л е ч а м и» (стр. 18). Опять же читатель может задать вполне законный вопрос: почему плечами? Почему, например, не головой, ежели уж противоречия между пролетариатом и крестьянством обязательно необходимо решать какой-нибудь частью тела? Или про того же Каутского: «Каутский не понимает, что пролетарская революция, есть борьба, гражданская война классов, а п о э т о м у, о н а е с т ь п р о б л е м а д в и ж у щ и х с и л е е» (стр. 38). Извиняемся перед Ксенофонтовым за навязчивость, но опять приходится задать вопрос: кто она? кого (чье) ее? Темновато получается. Ксенофонтов берется определить, что такое ликвидаторство и пишет: «Ликвидаторство, это—есть м е н ь-

шевизм в пользу реакции» (28). Чрезвычайно оригинально, но... непонятно. И неграмотно.

Впрочем, хватит с нас стиля т. Ксенофонтова. Правда, говорят, что стиль—это человек и что неясность изложения выдает неясность мысли. Насколько это правильно, видно будет из дальнейшего изложения. А пока отметим одну странность в «манере письма» т. Ксенофонтова. В тексте его книги встречаются нередко формулировки, которые целиком или с изменением лишь нескольких слов заимствованы из чужих произведений без кавычек и указания источника. Например:

«Победивший пролетариат в одной стране, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, должен встать против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, направляя в случае необходимости даже военную силу против эксплоататорских классов и их государств» (Ксенофонтов, стр. 43).

В этой знаменитой цитате из Ленина Ксенофонтов изменил следующее: 1) «в одной стране» вместо «этой страны» (и вышло литературно неладно), 2) «должен встать» вместо «стал бы», 3) «направляя» вместо «выступая», 4) «военную силу» вместо «с военной силой» (см. Ленин, т. XIII, стр. 133). Все остальное точно так же, как и у Ленина. Мы ни в коем случае по этому случаю не обвиняем тов. Ксенофонтова в плагиате. Во-первых, потому, что он сам за 27 страниц перед тем приводил эту цитату из Ленина с указанием источника. Во-вторых, потому, что, пропустив строк шесть он последние слова соответствующего ленинского абзаца приводит как цитату, выделяя их петитом, беря их в кавычки и т. д. Но все-таки мы никак не можем согласиться с такого рода заимствованием из Ленина. Ибо читатель не обязан помнить всего Ленина наизусть. Так же мало он обязан помнить наизусть цитаты из Ленина, приводимые Ксенофонтовым в другом месте его книги. Но Ксенофонтов обязан строго различать между текстом Ленина и своим текстом. По той простой причине, что читатель хочет и должен знать, что от Ленина и что от Ксенофонтова. Ведь разница-то между ними есть. Поэтому против такого рода «совпадений» приходится возражать. Тем более, что это не единственный случай «совпадения». Такую же историю проделывает т. Ксенофонтов и со Сталиным:

«Важнейшими такими организациями системы диктатуры пролетариата являются: советы, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего, по линии государственной; профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего, по линии производственной: кооперация, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; союз молодежи, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата

социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов».

Так значится в тексте Ксенофонтова на стр. 51, без кавычек, без указания источника. Все это, начиная со слова «советы», дословно совпадает с приводимой Ксенофонтовым в другом месте цитатой из «Вопросов ленинизма» т. Сталина (стр. 26—27). Только вместо профсоюзов на первое место поставлены советы и выпущена фраза о роли партии, следующая за оценкой роли союза молодежи. Приписать такое дословное и точное заимствование только хорошей памяти т. Ксенофонтова невозможно. Тут есть какая-то странность «манеры письма» и странность недопустимая. И тут есть система. Ибо на стр. 45 проделана такая же операция с ленинской цитатой о том, что «диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата» и т. д.—четыре строки дословно заимствованы. Возможно, что и в других местах встречаются подобные «совпадения»—мы специально их не искали, а привели лишь то, что бросается в глаза.

До сих пор мы отметили случаи заимствования таких формулировок из чужих произведений, которые т. Ксенофонтов сам приводит в других листах своей книги. Однако, к сожалению, в книге встречаются и такие дословные или почти дословные заимствования, о которых во всей книге не сообщается ни то, что слова взяты чужие (т. е. никаких кавычек), ни то, откуда они взяты. Приведем несколько примеров:

Ксенофонтов.	Ленин.
«Но для нас торговля не является самоцелью, она для нас является единственной возможной экономической формой связи между десятками миллионов мелких земледельцев» (стр. 149).	«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» (т. XVIII, ч. 1, стр. 413).

Мы подчеркнули те места, которые в обеих цитатах дословно или почти дословно совпадают. И дело здесь не столько в том, что т. Ксенофонтов переписал, не сообщив об этом читателю, несколько строк из Ленина, сколько в том, что он фактически выдает за свою одну из лучших, классических формулировок Ленина. То же самое, хотя и в несколько смягченной форме, он проделывает и со знаменитыми формулировками Ленина о торговле, как важнейшем звене, ухватившись за которое мы овладеем всей цепью (Ксенофонтов, 149, Ленин, т. VIII, ч. 1, стр. 412).

Еще хуже Ксенофонтов обращается с произведениями т. Сталина, где «совпадения» начинают принимать эпидемический характер. Несколько примеров:

Ксенофонтов.	Сталин.
«Гигантское усиление противоречий между горстью цивилизованных наций и миллионами колоний и зависимых стран...» (стр. 14).	«Третье противоречие—это противоречие между горстью господствующих, цивилизованных наций и между сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира» (Вопросы ленинизма», стр. 77).

Выкинуты слова «между сотнями» и «народы» заменены «странами». Остальное со слова «противоречий» дословно «совпадает». Дальше.

Ксенофонтов.	Сталин.
«Например, в годы гражданской войны со всей резкостью выступает насильственная сторона диктатуры пролетариата» (стр. 48). «Это не означает, что в период непосредственной гражданской войны не было совсем строительной работы...» (стр. 49).	«В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы» («Вопросы ленинизма», стр. 23).

В главе чрезвычайно претенциозно названной «Несколько замечаний о стратегии и тактике военной и стратегии и тактике политической» встречается следующее «совпадение»:

Ксенофонтов.	Сталин.
«Нельзя, как мы об этом говорили выше, смешивать военную стратегию и тактику и стратегию и тактику политическую: партия, проводящая свою стратегию и тактику создает свою армию в ходе самой классовой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее тактики и политики» (стр. 110).	«Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики» (там же, стр. 188).

Вторая половина цитаты списана дословно, первая лишь слегка изменена. Еще пример:

Ксенофонтов.	Сталин.
«Образцом такой тактики может служит заключение Брестского мира... Однако, этот мир позволил партии выиграть время: использовав столкновение в лагере империализма, укрепив свои силы, свою связь с крестьянством, она обеспечила.. Не заключив Брестского мира наша партия не могла бы... подготовиться к борьбе против Колчака и Деникина (стр. 136—7).	«Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина (там же, стр. 143—4).

Опять-таки—часть цитаты списана «открыто», другая завуалированно, вставлены в середку свои фразы. Но читателю «от этого не легче».

Надо вообще отметить, что добрых две трети книжки т. Ксенофонтова представляют довольно посредственное изложение Сталина. Мы позже докажем, что там, где автор отступает от этого правила, он сбивается с пути, делая крупнейшие ошибки, зачастую оппортунистически извращая теорию и тактику партии. Против изложения книг наших вождей нечего возразить, но при том непременном условии, чтобы 1) изложение было грамотным и ясным и 2) чтобы изложение не превращалось в списывание без указания источника.

Мы не знаем, как квалифицировать «манеру письма» нового «теоретика». Может быть, это и не называется плагиатом. Но во всяком случае эта безобразная неряшливость в обращении с чужими произведениями показывает, что мы имеем дело с автором чрезвычайно легкомысленным, которому прежде, чем писать об основных вопросах стратегии и тактики нашей партии, надо бы подумать:

1) о минимальной дозе скромности, необходимой для «выдвигающихся» молодых литераторов,

2) об основных правилах грамотного и ясного изложения на русском языке,

3) об основных правилах обращения с произведениями других авторов.

Надеемся, что т. Ксенофонтов, если он решит—да минует нас чаша сия—выпустить еще одну книжку, примет во внимание эти наши дружеские советы.

А теперь направимся в, по необходимости, длительное путешествие в область основных вопросов стратегии и тактики ВКП по следам новоявленного исследователя.

II. Ксенофонтов в гостях у Маркса.

Как известно, и Маркс и Ленин причастны к решению основных вопросов стратегии и тактики коммунистической партии. Поэтому вполне законно желание т. Ксенофонтова определить соотношение марксизма и ленинизма, хотя, собственно говоря, эта задача недурно выполнена до появления его книги другими товарищами. А для того, чтобы определить это соотношение, надо выяснить наследие марксизма в основных вопросах пролетарской революции. С марксизма поэтому и начинает Ксенофонтов.

1. Главное в учении Маркса о пролетарской революции и диктатура пролетариата. Тов. Ксенофонтов берет прямо быка за рога и дает характеристику всего учения Маркса о революции:

> «Такова постановка вопроса, которую дали Маркс и Энгельс в своем учении о революции вообще и о пролетарской революции в особенности. Главное в этом учении, в этом фундаменте теории международной пролетарской революции—научное об'яснение революции, как естественно-исторического результата общественного развития, и на основе этого—установление всемирной исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества» (стр. 7).

Так говорит Ксенофонтов. Но ведь всякому кончившему школу политграмоты бросается в глаза, что именно главное в учении Маркса «о революции вообще и о пролетарской революции в особенности» упущено. У Ксенофонтова пропала в этой характеристике... диктатура пролетариата. Не больше, не меньше. Давать характеристику марксова учения о революции, не говоря ничего о диктатуре пролетариата, значит извращать и опошлять марксизм, значит принижать его

до уровня, приемлемого для любого реформиста. В 1926 г. после восьмилетней борьбы между II и III Интернационалами по вопросу о диктатуре пролетариата, после «Государства и революции» Ленина, забывать такой «мелочи» нельзя. Говорить на полутора страницах о главном в учении Маркса о революции, давать «дефиниции» (определения) по этому вопросу и ни разу не упомянуть о диктатуре пролетариата—значит показать полное невежество в вопросах марксизма.

Правда, Ксенофонтов пытается сослаться на следующую цитату из Ленина, которую он, как часто и другие цитаты, приводит неточно. В марте 1913 г. Владимир Ильич писал: «Главное в учении Маркса,—это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества» (т. XII, ч. 2, стр. 43). Но, во-первых, здесь речь идет обо всем учении Маркса, об учении Маркса вообще, а не о марксовом учении о революции—это разница очень существенная. Во-вторых, в 1917 г. Ленин расшифровал понятие всемирно-исторической роли пролетариата в своей классической работе («Гос. и революция»), посвященной в значительной мере восстановлению подлинного марксизма. Там он приводит выдержку из знаменитого письма Маркса к Вейдемейеру, в котором Маркс сам характеризует главное в своем учении:

> «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...

Так сам Маркс определяет роль диктатуры пролетариата в его учении. А вот как комментирует Ленин это письмо Маркса:

> «В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о «государстве» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 323, курсив мой. *Л. Ш.*).

И дальше:

> «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» (там же, последний курсив мой. *Л. Ш.*).

Похоже это на характеристику главного в марксовой теории революции, данную Ксенофонтовым? Нисколько. Самое важное, революционную душу марксизма Ксенофонтов выхолостил.

Курьез, однако, заключается в том, что в другом месте, через 34 страницы, Ксенофонтов сам приводит цитированное письмо Маркса, ничего в нем не поняв. Это доказывается не только его словами о главном в учении Маркса о пролетарской революции, но и его пониманием роли Маркса в развитии теории диктатуры пролетариата. После главы «Ленинизм, как теория и тактика международной пролетарской революции» у Ксенофонтова идет глава «Ленинизм, как теория и тактика диктатуры пролетариата» (отметим, кстати, что это деление вообще неудачно, ибо нет и не может быть «теории и тактики пролетарской революции» без «теории и тактики диктатуры пролетариата»). Приведя в этой последней главе письмо Маркса к Вейдемейеру, Ксенофонтов предпосылает ему следующие слова:

> «Несомненно, что идея диктатуры пролетариата принадлежит Марксу. Но Маркс дал лишь общую постановку вопроса о диктатуре пролетариата, а не всесторонне разработанную теорию последней» (курсив Ксен., стр. 41).

А само письмо он сопровождает таким комментарием:

> «Вот как Маркс определяет свою роль в теории диктатуры пролетариата. Это есть, собственно говоря, общая формулировка учения о классовой борьбе» (там же, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это называется «понял я вас», как говорит один из героев «Треста Д. Е.». Обе формулировки Ксенофонтова совершенно неправильны.

Неверно, что Маркс дал лишь «общую» постановку вопроса, только «идею» диктатуры пролетариата. Он указал связь диктатуры пролетариата с переходным периодом в экономике, он указал причины ее возникновения (роль государства буржуазного и пролетарского), условия ее возникновения (насильственная революция и слом буржуазной государственной машины), тип пролетарского государства (Парижская Коммуна), причины и условия отмирания пролетарской диктатуры и т. д. Для того, чтобы доказать, что Ленин сказал много нового о пролетарской диктатуре (это хочет доказать Ксенофонтов), нет надобности преуменьшать роль Маркса в решении этого вопроса. Принижать значение Маркса в теории пролетарской диктатуры значит помогать реформистам искажать марксизм, кастрировать его революционную сущность. Каутский писал, что «Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру». А Ленин замечает по этому поводу: «Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний»... (т. XV, стр. 449).

Неверно, что учение Маркса о пролетарской диктатуре есть лишь «собственно говоря, общая формулировка учения о классовой борьбе», как с неподражаемой развязностью третирует Маркса Ксенофонтов. В письме Маркса, которое так оценивает Ксенофонтов, сказано как раз обратное. Общая формулировка учения о классовой борьбе была дана буржуазными историками и экономистами. Она приемлема для умных, передовых буржуа, под ней подпишется любой неглупый реформист. Маркс именно не только дал более глубокое об'яснение классовой борьбы вообще, но сделал громадный исторический шаг вперед от общей формулировки учения о классовой борьбе к учению о ее неизбежном результате—диктатуре пролетариата. Смазывать это

историческое завоевание марксизма значит помогать реформистам превращать пролетарски-революционное учение в невинную теорию передового буржуазного демократа.

Так понял Ксенофонтов главное в марксовом учении о революции—теорию пролетарской диктатуры Маркса.

2. Маркс и насильственная революция. Не меньше путаницы у Ксенофонтова и в том месте его книги, где он говорит об отношении Маркса к насильственной революции. В тексте он делает вполне правильное заявление:

«Поэтому, Ленин считает, в полном согласии с Марксом, что путь пролетариата к социализму лежит не через буржуазную демократию, а через насильственную революцию, через гражданскую войну, разрушающую буржуазную демократию и возвышающую пролетариат до положения господствующего класса» (стр. 31, курсив мой. *Л. Ш.*).

Но к этому правильному заявлению Ксенофонтов делает следующее примечание:

«Это положение Ленина (т.-е. только-что приведенное положение—прошу заметить. *Л. Ш.*), как и положение о возможности победы социализма первоначально в одной стране, значительно, с принципиальной стороны дополняет, развивает марксизм. Известно, что Маркс сделал следующее заявление 2 октября 1872 г.: «Мы знаем, что в борьбе за политическую власть необходимо считаться с учреждениями, с нравами, с обычаями различных стран, и мы не отрицаем, что имеются страны, как Америка, Англия,—к ним возможно я причислил бы и Голландию, если бы знал ее учреждения,—где возможно, что рабочие достигнут своей цели мирным путем. Но это не относится ко всем странам». Эти слова Маркса имели свое отношение к определенной эпохе, когда милитаризм не стал еще господствующей системой» (стр. 31, курсив мой, слово «принципиальной» подчеркнул автор. *Л. Ш.*).

Что же получается в результате этого «исследования» Ксенофонтова? С одной стороны, Ленин выдвинул «это положение», т.-е. положение о неизбежности насильственной революции, гражданской войны и т. д. в согласии, да еще полном, с Марксом, а, с другой стороны, это же положение дополняет, да еще с принципиальной стороны, марксизм, т.-е. «этого положения» у Маркса не было. Выходит, что все, что в «этом положении» написано, в первую голову насильственную революцию, «открыл» Ленин, а Маркс об этом не знал. Что именно так и только так может читатель понять примечание Ксенофонтова, доказывает тот факт, что Ксенофонтов проводит в этом вопросе аналогию с взглядами Маркса и Ленина на вопрос о победе социализма в одной стране, в котором,—по мнению Ксенофонтова,—существуют коренные различия между Марксом и Лениным. Тот же вывод вытекает и из того факта, что для иллюстрации слов о «принципиальном» «дополнении» Маркса Лениным в вопросе о насильственной революции Ксенофонтов приводит заявление Маркса о возможности «мирного пути» в Англии. И получается у Ксенофонтова Маркс, постриженный под Каутского.

Именно Каутский пытается изобразить Маркса вегетарьянцем в вопросе о революции, а Ленина апологетом насилия, ревизующим Маркса. Именно Каутский пытается придать словам Маркса об Англии общее значение, решающее для всего учения Маркса о завоевании власти пролетариатом. А Ксенофонтов—вольно или невольно—в этом ему помогает.

На деле «это положение» содержится целиком у Маркса. Вот как Ленин оценивал точку зрения Маркса и Энгельса на насильственную революцию».

«Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатура пролетариата) не может путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса... этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в таком и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе всего учения Маркса и Энгельса» (Ленин, т. XIV, ч. 2, 313, курсив Ленина. *Л. Ш.*).

Вот каким ясным языком говорил Ленин о взглядах Маркса на насильственную революцию. Это в корне отлично от того, как описывает Ксенофонтов эту, по выражению Ленина, «безусловно самую важную часть их (Маркса и Энгельса) учения».

А как отвечал Ленин на попытку Каутского при помощи цитаты об Англии доказать, что Маркс не был сторонником насильственной революции?

«Ссылка на то, что Маркс в 70-х годах допускал возможность мирного перехода к социализму в Англии и Америке, есть довод софиста, т.-е. проще говоря, мошенника, который жульничает при помощи цитат и ссылок. Во-первых, эту возможность Маркс и тогда считал исключением. Во-вторых, тогда не было еще монополистического капитализма, т.-е. империализма. В-третьих, именно в Англии и Америке не было тогда (теперь есть)—военщины, как главного аппарата буржуазной государственной машины» (т. XV, стр. 425).

Из этого следует что: 1) возможность мирного перехода власти к пролетариату «Маркс и тогда считал исключением», т.-е. этого никак нельзя считать принципиальным отличием марксова учения от ленинского взгляда на насильственную революцию и 2) Ленин не «принципиально» дополнял Маркса в вопросе об Англии, а применил к новой конкретной обстановке в Англии учение Маркса.

Для того, чтобы доказать, что Ленин дал много нового по сравнению с Марксом, нет нужды извращать марксизм и извращать его в оппортунистическую сторону.

3. Маркс и победа пролетарской революции в одной стране. Ксенофонтов ставит вопрос об отношении

Маркса к победе пролетарской революции в одной стране. Сама постановка этого вопроса является заслугой, едва ли не единственной, нашего автора. Но как он обошелся при этом с Марксом, выяснил ли он действительно поставленную проблему—это вопрос другой. Ксенофонтов ставит вопрос следующим образом:

«Есть ли революция продукт одновременного восстания рабочих всего мира или, по меньшей мере—продукт об'единенных усилий ряда передовых стран промышленного капитализма? А в связи с этим обязательно ли должна начаться пролетарская революция с наиболее передовой промышленной страны? Имеем ли мы у Маркса и Энгельса ответ на этот вопрос? Нет не имеем. Правда, нужно сказать, у Маркса есть случайное замечание по этому вопросу в его рукописи о Фейербахе» (стр. 8, курсив мой. *Л. Ш.*).

Итак, Ксенофонтов задает Марксу и Энгельсу два вопроса: 1) одновременно ли должен восстать пролетариат передовых стран (прошу заметить—вопрос поставлен именно о восстании, а не о строительстве социализма)? 2) должно ли восстание обязательно начаться с наиболее (прошу заметить: наиболее) передовой страны? И на оба вопроса автор не находит ответа у Маркса, а лишь случайное замечание [1]). На самом деле Ксенофонтов приводит два «случайных замечания»—одно из рукописи о Фейербахе, другое из «Принципов коммунизма» Энгельса. В первом замечании говорится, что «коммунизм эмпирически возможен только как одновременное, происходящее зараз дело господствующих народов...», а во-втором, что «коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех передовых странах, т.-е. по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии». К сему комментарий Ксенофонтова:

«Это случайное замечание Маркса дало повод меньшевику Дану оспаривать и возможность социалистического строительства в одной стране и правомерность русской Октябрьской революции. Опровержением такого толкования этого беглого замечания является, конечно, во-первых, само учение Маркса, его революционная диалектика. Во-вторых, если бы даже эти слова имели известное основание в условиях промышленного капитализма, еще недостигшего своей империалистской стадии, то они не имеют совсем никакого основания в условиях империализма. Это только показывает, что вопрос нуждается в разработке...» (стр. 8 и 9, курсив Ксенофонтова).

А что у Ксенофонтова получилось? Ответа на свои вопросы он якобы не получил. Но все-таки в качестве ответа он приводит «случайные замечания». И так их преподносит, что в результате Маркс выдан с головой Дану, Маркс превращен в человека, утверждавшего, во-первых, по вопросу об одновременном восстании, и, во-вторых, по вопросу о том, какая страна может начать восстание, то же, что сейчас говорят социал-демократы. Если бы это даже было и так, то это, конечно, все же не доказывало бы правоты меньшевиков. Но это не так, а потому зря Ксенофонтов дает им в руки аргумент весьма веский—право ссылаться на Маркса.

[1]) Мы обсуждаем здесь вопрос об отношении Маркса к победе социализма в одной стране лишь в постановке т. Ксенофонтова, т.-е. в той его части, которая касается пролетарского восстания. От этого надо отличать вопрос о социалистическом строительстве в одной стране, отношение к которому Маркса требует специального разбора.

А произошло сие потому, что наш почтенный автор взялся писать по всем вопросам, а ни одного из них толком не изучил или не понял. Во-первых, он прервал цитату из «Принципов коммунизма» несколько преждевременно. После приведенного Ксенофонтовым места Энгельс говорит:

«В каждой из этих стран она (коммунистическая революция. *Л. Ш.*) будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому, она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии» («Коммунистический Манифест», изд. под ред. Рязанова, стр. 317).

В этих словах, почему-то не приведенных в книжке Ксенофонтова, содержится: 1) утверждение о неравномерности развития капитализма в разных странах и 2)—на основе этого—утверждение о неравномерности развития коммунистической революции.

Во-вторых, наш «исследователь взял почему-то (скорее всего по незнанию) только два сравнительно незрелых труда Маркса и Энгельса, а главное, написанных до революции 1848 г., когда Маркс и Энгельс впервые познакомились с революцией на собственном опыте. В «Классовой борьбе во Франции», где Маркс анализирует опыт французской революции 1848 г., он пишет:

«Период развития так же, как и период кризиса, на континенте наступил позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда совершается в Англии; это—Демиург буржуазного Космоса... Поэтому, хотя кризисы и вызывают революцию прежде всего на континенте, но причины их всегда заложены в Англии. Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше всего в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там. С другой же стороны, степень, с какой континентальные революции оказывают обратное действие на Англию, служит показателем того, насколько эти революции действительно затрагивают жизненные отношения буржуазного общества или же касаются только их политических форм» (Маркс и Энгельс «Исторические работы», стр. 117, курсив мой. *Л. Ш.*).

Тут тов. Ксенофонтов мог бы получить ответ на оба свои вопроса,—«раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце». Это значит, что 1) пролетарские восстания («насильственные вспышки») не обязательно происходят одновременно и 2) они не обязательно начинаются в «наиболее передовой стране», ибо даже Ксенофонтов не решится утверждать, что

. Сама «конечность» есть вещь более «передовая», чем «серд... ни не Франция после революции 1848 г. была страной более пе... этом в экономическом отношении, чем Англия. ...бле-

Еще более конкретно ставит Маркс вопрос в другом ... того же произведения:

> «Но задача рабочего—кто решает ее? Никто. Она разрешается не во Франции, но во Франции *возвещается*. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; *классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга*. Решение начинается лишь с того момента, когда *мировая война* поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком,—во главу Англии. Революция, которая здесь не оканчивается, а получает свое организационное начало, *не будет кратковременной революцией*» (там же, 98, курсив мой. *Л. Ш.*).

В этой цитате выражены следующие основные положения: 1) решающее значение для международной пролетарской революции имеет Англия, как сердце капиталистического мира[1]), 2) революция *начинается* («возвещается») во Франции, 3) она приводит к мировой войне, в которой *нации* выступают друг против друга, ибо Англия во главе Священного Союза будет бороться против революционной Франции,—эту мысль о связи французской пролетарской революции с «мировой войной» или с «европейской революционной войной» Маркс подчеркивает неоднократно (см. «Исторические работы», стр. 36 и 51), 4) что революция составит целую *эпоху* (она не будет «кратковременной»). Эта последняя мысль выражена наиболее ярко в следующих словах Маркса:

> «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет *гражданских и международных войн* не только для того, чтобы изменить отношения, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству» (курсив мой. *Л. Ш.*).

Теперь мы разрешим себе спросить Ксенофонтова: если *после* пролетарской революции во Франции *нации* выступают друг против друга, то не ясно ли, что *не все* передовые страны одновременно начинают пролетарские восстания, ибо никто не повериг, что *пролетарские* государства выступают друг против друга? Не ясно ли, что *эпоха гражданских и международных войн* исключает обязательность одновременного победоносного восстания в разных странах, ибо тогда не было бы ни эпохи (в 15—20—50 лет!) гражданских войн (без поддержки иностранной буржуазии они были бы быстро ликвидированы внутри пролетарского государства), ни тем более эпохи международных войн? Не ясно ли, что мировая война, в которой пролетарское государство воюет с буржуазными, предполагает, что

[1]) Отметим мимоходом, что если Ксенофонтов уже заговорил об „известном основании“ марксовых „случайных замечаний“, то надо было рассказать, что это за основание. Именно сюда относится монопольная роль Англии на мировом рынке вплоть до 70 гг. прошлого века.

ловека, пролетариат первого государства завоевал власть и укре-
восстан...?

начат... *третьих*, тов. Ксенофонтов промолчал об отношении Ес... и Энгельса к величайшему событию их жизни—*Парижской Коммуне*, которая ведь была пролетарской революцией, диктатурой пролетариата и, как даже тов. Ксенофонтов знает, в одной стране. Кроме того, известно, что коммуна была не только пролетарским *восстанием*—она создала новый *тип пролетарского государства*. Больше того, она начала и работу по *реорганизации производственных отношений*, правда, только начала. Теперь спрашивается: мог ли бы Маркс написать «Гражданскую войну во Франции»—этот гениальный памятник Коммуне, если бы он не считал возможным пролетарское восстание во Франции, в одной стране, в отсталой—по сравнению с Англией—стране? А ведь Маркс считал Коммуну образцом диктатуры пролетариата. С другой стороны, позволительно ли Ксенофонтову считать Маркса таким дураком, который после опыта Коммуны, не мог определенно ответить на ксенофонтовские вопросы?

И в этом пункте Ксенофонтов извратил Маркса—и снова в оппортунистическую сторону.

4. *Маркс и крестьянство.* И в вопросе об оценке Марксом роли крестьянства в пролетарской революции Ксенофонтов учинил порядочную путаницу:

> «Является ли пролетарская революция делом только одного пролетариата? Известно, что у Маркса нет более или менее разработанного ответа на этот вопрос. Правда, у него есть гениальные намеки на «второе издание крестьянской войны» в Германии, как на важнейшее условие успеха пролетарской революции. Но это только намек, не больше» (стр. 37).

Ну, не перл ли это? «Только намек, не больше». На большее наш «теоретик» не согласен. Он ни на один вопрос не может найти ответа Маркса по той простой причине, что Маркса он не знает.

Именно в вопросе о крестьянстве Ленин дал особенно много нового по сравнению с Марксом. Но он это сделал на основе довольно многочисленных, замечательных и вполне ясных указаний Маркса и Энгельса на роль крестьянства в пролетарской революции. Это настолько общеизвестно, что мы не будем здесь приводить цитат из Маркса. Укажем лишь Ксенофонтову, где он может познакомиться с ними. В своих «Исторических работах» (стр. 21, 37, 102—104, 116, 222, 226, 243—244), в «Гражданской войне во Франции» (стр. 41) Маркс и Энгельс совершенно ясно говорят о крестьянстве, как о союзнике пролетариата в социалистической революции и о руководящей роли пролетариата в этом союзе. Есть, к сведению Ксенофонтова, целая книжка Энгельса, которая так и называется «Крестьянский вопрос» и в которой Энгельс рисует тактику коммунистов по отношению к крестьянству не только до, но и *после* завоевания власти пролетариатом. Это такой «намек», которого Ленин никогда не забывал, на который он часто ссылался, в особенности—когда говорил о нашем отношении к середняку.

«Намеков» Маркса и Энгельса по вопросу о крестьянстве упорно не желают замечать меньшевики, ибо они—в отличие от большевиков—считают крестьянство реакционной силой, ибо они, враги пролетарской революции, не могут правильно поставить вопроса о союзниках пролетариата. Но не пристало коммунисту подпевать им, помогать им преуменьшать значение Маркса в выяснении этого вопроса.

Итог посещения Маркса Ксенофонтовым: если бы Маркс был таким, каким изобразил его Ксенофонтов,—марксизм не мог бы быть теорией революционной партии пролетариата. И еще один итог: «Покажите русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленною» (Достоевский).

III. Ксенофонтов на пути к власти.

Тов. Ксенофонтов, уяснив себе роль Маркса в теории пролетарской революции, не оставляет своим просвещенным вниманием целый ряд проблем завоевания власти рабочим классом. И тут он сделал крупнейшие ошибки.

1. Пролетарское восстание и большинство рабочего класса. Тов. Ксенофонтов описывает тактику ВКП в октябрьском восстании в качестве «образца стратегически-тактического искусства» для других партий Коминтерна. При этом он так изображает соотношение сил к моменту восстания:

> «Известно, что наша партия перед Октябрем не имела абсолютного большинства в массах рабочего класса. Но также известно, что эти массы были возмущены против правительства Керенского, соблюдая нейтралитет по отношению к большевикам. Опираясь на большинство завоеванных рабочих голосов в Москве и Питере, т.-е. опираясь на наиболее сознательную часть пролетариата, партия добилась и от этих масс рабочего класса и активной поддержки, и восстания, и советской власти» (стр. 136, курсив мой. *Л. Ш.*).

Последняя половина цитаты совершенно правильна. А первая часть ее неверна. Из положения Ксенофонтова можно сделать два вывода: один исторический,—что большевики захватили власть, не пользуясь сочувствием большинства пролетариата, и другой принципиальный,—что для захвата власти компартией достаточно нейтрализовать большинство пролетариата.

Первый вывод неверен фактически. Соотношение сил перед Октябрем получается у Ксенофонтова тем более нелепым, что он за несколько строк до этого пишет: «Большинство крестьянства и армии, несомненно, сочувствовало большевикам в их лозунгах борьбы за мир и землю». Расстановка сил получается совершенно неверная. Выходит, что большевики идут на захват власти: 1) при сочувствии меньшинства пролетариата, 2) при сочувствии большинства крестьянства, 3) при нейтралитете большинства пролетариата. Выходит, что крестьянство более революционный класс, чем пролетариат. Получается нечто в роде пресловутого меньшевистского «солдатского бунта». Излишне доказывать, ибо это общеизвестно, что соотношение сил к Октябрю было иным. Иначе оценивал его и тов. Ленин, как непосредственно перед

Октябрем, так и в последующие годы, когда он раз'яснял опыт Октября международному пролетариату.

Излишне подробно доказывать, что изображенный Ксенофонтовым «образец» не годится для других компартий. Конечно, не обязательно, чтобы абсолютное большинство рабочих участвовало в восстании с оружием в руках, «шло на смерть». С другой стороны, не обязательно, чтобы сочувствие большинства рабочего класса к революционной партии проявилось в «голосовании», как на этом настаивает Каутский. Но Ленин и Коминтерн всегда стояли на той точке зрения, что для завоевания власти компартии необходимо завоевать сочувствие большинства пролетариата и боролись против тех, кто этого не понимал. Напомним тов. Ксенофонтову, хотя бы прения по этому вопросу на III конгрессе Коминтерна. Никогда у Ленина Ксенофонтов не найдет утверждения, что достаточно нейтрализации большинства пролетариата для успеха пролетарского восстания.

2. Пролетарская революция и нейтрализация крестьянства. Однако, соглашаясь на нейтрализацию большинства пролетариата, Ксенофонтов считает, что лозунг «нейтралитет крестьянства» вообще непригоден, безотносительно к условиям времени и места. В том месте, где речь идет о движущих силах пролетарской революции, Ксенофонтов пишет:

> «Большую часть современного общества составляют непролетарские трудящиеся слои народа, и в основном—крестьянство. Как же быть с ними? Одно из двух: или они будут союзниками пролетариата в революции, или они будут резервами контрреволюции. Надеяться только на их нейтральность — это значит предоставить эти слои в распоряжение буржуазии» (стр. 38, курсив мой. *Л. Ш.*).

Так говорит Ксенофонтов. Он отвергает нейтрализацию для всего крестьянства (не расчленяя его на разные социальные слои), для всей революции (не отличая различных ее этапов). И это ошибка. А вот Ленин (и Коминтерн, принявший тезисы Ленина) считал возможным на определенном этапе революции и для определенного слоя крестьянства выдвинуть лозунг нейтрализации. В тезисах по аграрному вопросу (II конгресс КИ) Ленин писал о середняцком (середняцком, тов. Ксенофонтов!) крестьянстве:

> «Революционный пролетариат не может ставить своей задачей,—по крайней мере для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата,—привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом» (Бела Кун, «Коминтерн в резолюциях», стр. 63, курсив мой. *Л. Ш.*).

Тов. Ленин даже думает, что для начала периода пролетарской диктатуры успех такой политики наверняка обеспечен:

> «Соединение мер этого рода (т.-е. помощи середняцкому крестьянству. *Л. Ш.*) с беспощадной борьбой против буржуазии вполне гарантирует успех политики нейтрализации» (там же, стр. 64).

Так писал тов. Ленин «в международном масштабе». А отношение Ленина и всей нашей партии к вопросу о нейтрализации в России превосходно выявлено в политическом отчете тов. Сталина на XIV с'езде:

«Раньше, когда мы шли к буржуазной революции, когда мы, большевики, впервые набросали свою тактику в отношении крестьянства, Ленин говорил: союз со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации кадетской буржуазии... Это был первый этап нашей революции.

Потом, когда мы подошли ко второму этапу, к Октябрю, Ленин дал новый лозунг, соответствующий новой обстановке: союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, при нейтрализации среднего крестьянства. Это—лозунг, необходимый для компартий, идущих к власти. И даже тогда, когда они завоевали власть, но еще не укрепили власти, они не могут рассчитывать на союз с середняком...

А в дальнейшем? В дальнейшем, когда мы власть достаточно укрепили, отбив атаки империалистов, и вступили в полосу широкого социалистического строительства, Ленин выдвинул третий лозунг—прочного союза пролетариата и бедноты со средним крестьянством...» («Вопросы ленинизма», стр. 380, 381).

Так-то, тов. Ксенофонтов. Оказывается, что стратегия и тактика ВКП вещи не столь уже простые и писать о них надо со смыслом. А ведь если бы компартии стали на точку зрения Ксенофонтова «или-или», считая нейтрализацию вообще каутскианской ересью, то им бы никогда не дождаться диктатуры пролетариата по той простой причине, что до упрочения диктатуры пролетариата прочный союз с середняками невозможен, а нейтрализации Ксенофонтов не желает. Неприятное положение. Единственная надежда остается—авось взгляды Ксенофонтова необязательны для Коминтерна!

3. Мирное завоевание власти пролетариатом и правительство Макдональда. Нейтрализовав пролетариат и денейтрализовав крестьянство, Ксенофонтов, наконец, переходит к «взятию» власти. Но берет он ее странно. И тут мы снова переходим к той серии ошибок нашего автора, которые имеют определенный оппортунистический привкус. В самом деле, послушайте нашего «архистратига»:

«При известных условиях (каких? *Л. Ш.*) буржуазная демократия может привести пролетариат к власти мирным парламентским путем, пролетариат, который ведет либеральную рабочую политику, пролетариат, которым руководит оппортунистическая рабочая партия. Но тогда обладание пролетариатом властью нисколько не означает революционного преобразования капитализма в коммунизм (какое уже тут «революционное преобразование», раз все дело идет мирно и через парламент! *Л. Ш.*). Такое обладание пролетариатом властью фактически является спасением буржуазии от революции (ну, какая уж тут революция! *Л. Ш.*) При-

мер английского «рабочего правительства» во главе с Макдональдом доказывает это» (стр. 36, 37, курсив мой. *Л. Ш.*).

Помилуйте, тов. Ксенофонтов. Ведь нельзя же так в нескольких строчках опрокидывать всю ленинскую теорию завоевания власти пролетариатом.

Как видно из этой цитаты, тов. Ксенофонтов «обладает» двумя «мыслями»: 1) пролетариат, руководимый оппортунистами, может притти к власти мирно, через парламент, не в форме диктатуры пролетариата при таких условиях, как, например, условия возникновения правительства Макдональда (т.-е. условия Англии в 1924 году!); 2) правительство Макдональда — это и был пролетариат у власти. Достаточно двух этих положений Ксенофонтова, чтобы спросить Госиздат: как можно печатать такие книжки?

Обе «мысли» Ксенофонтова совершенно неправильны и оппортунистичны в самом прямом смысле этого слова. Вот что говорит т. Сталин по этому вопросу:

«Меньшевики и оппортунисты всех стран (вот в какую компанию попал наш «стратег». *Л. Ш.*), боящиеся диктатуры, как огня, и подменяющие с перепугу понятие диктатуры понятием «завоевания власти» (заметьте, тов. Ксенофонтов. *Л. Ш.*), обычно сводят «завоевание власти» к смене «кабинета» (*N. B.*!), к появлению у власти нового министерства из людей в роде Шейдемана и Носке, Макдональда и Гендерсона. Едва ли нужно раз'яснять (оказывается нужно. *Л. Ш.*), что эти и подобные им смены кабинетов не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата, с завоеванием действительной власти действительным пролетариатом. Макдональд и Шейдеман у власти, при оставлении старых буржуазных порядков, их, так сказать, правительства не могут быть чем-нибудь другим, кроме обслуживающего аппарата в руках буржуазии... правительства такого рода, несмотря на это (на то, что они сигнализуют «беспокойство» в капиталистическом обществе. *Л. Ш.*), неизбежно остаются подкрашенными правительствами капитала. От правительства Макдональда или Шейдемана до завоевания власти пролетариатом так же далеко, как небо от земли» («Вопросы ленинизма», стр. 107, 108, курсив мой. *Л. Ш.*).

Так писал тов. Сталин против меньшевиков. И попал не в бровь, а в глаз тов. Ксенофонтову. А вывод сумеет сделать читатель.

Но, возразит нам тов. Ксенофонтов, Ленин говорил о возможности «мирного перехода» к социализму. Да, говорил в полемике с Бауэром.

И вот как говорил:

«Например: допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсон, Ллойд-Джордж, Мильеран и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и

Деникин с их министрами. Допустим в десятой маленькой стране, после этого капиталисты предлагают рабочим: давайте мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, провести «упорядоченную» и мирную (без разрушения) экспроприацию экспроприаторов»... (Ленин, т. XVII, стр. 21, курсив наш. *Л. Ш.*).

Такое положение по Ленину теоретически возможно. Похоже ли это на то, что пишет Ксенофонтов, приводя в пример Англию? Нисколько.

Но Ксенофонтов может сослаться на Венгрию, где в 1919 г. сложились такие международные и внутренние условия, при которых власть перешла к пролетариату после добровольной отставки буржуазного правительства. Однако, 1) эти условия составляют редчайшее исключение, которое вряд ли повторится до победы пролетариата в важнейших странах капитализма, 2) на другой день после завоевания власти пролетариатом, началась ожесточенная гражданская война, 3) Венгрия—страна маленькая, лежащая в стороне от путей мировой политики (это не Англия!), 4) в Венгрии пролетариат пришел к власти под руководством коммунистов, хотя и сделавших глупость, слившись с с.-д., 5) в Венгрии мы имеем, несмотря на измену с.-д., правда, несовершенную, но все же диктатуру пролетариата и советскую власть. А Ксенофонтов говорит о завоевании власти пролетариатом именно не в форме диктатуры пролетариата. По этому последнему поводу полезно вспомнить следующие слова Ленина:

«Чего прежде всего не понимают социалисты и в отношении чего проявляется их теоретическая близорукость, их зависимость от буржуазных предрассудков, их политическое предательство по отношению к пролетариату, это то, что в капиталистическом обществе, при обострении лежащей в его основе классовой борьбы, не может быть чего-либо среднего, находящегося между диктатурой буржазии и диктатурой пролетариата. Всякая мечта о чем-то третьем, есть реакционная, мелкобуржуазная ламентация» (Ленин, т. XVI, стр. 42, курсив мой. *Л. Ш.*).

Нехорошо, тов. Ксенофонтов, заниматься реакционной мелкобуржуазной ламентацией и выдавать ее за ленинизм. Ибо Ленин говорит:

«Сущность советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися с пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире (нигде в мире, тов. Ксенофонтов!), кроме как советская власть, кроме как диктатура пролетариата» (т. XVI, стр. 226).

И—к сведению Ксенофонтова—эти слова сказаны Лениным и именно в связи с переходом власти к пролетариату в Венгрии, в его «привете венгерским рабочим».

Но у Ксенофонтова может остаться еще одна зацепка: ведь правительство Макдональда есть правительство английской рабочей партии; рабочая партия пришла к власти, следовательно, правительство Макдональда—власть пролетариата. Но и такое рассуждение не имело бы ничего общего с ленинизмом. Ибо:

«Конечно, рабочая партия большею частью состоит из рабочих, но из этого не следует, что всякая рабочая партия, состоящая из рабочих, в то же время «политическая рабочая партия»; это зависит от того, как она руководится и какое содержание она вкладывает в свои действия и в свою политическую тактику. Только это последнее определяет, имеем ли мы перед собой действительно политическую партию пролетариата. С этой единственно правильной точки зрения рабочая партия, наоборот, насквозь буржуазная партия, ибо, хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, притом самые худшие, совершенно в духе буржуазии, и с помощью английских Носке и Шейдеманов они систематически обманывают рабочих» (Ленин, т. XVII, стр. 301, курсив мой. *Л. Ш.*).

Если уж Ксенофонтов не читает решений Коминтерна, где подробно «обсказано» о том, как может пролетариат завоевать власть и что собою представляет правительство Макдональда, то неужто он не читает даже газет, где все это подробно разжевывалось? Странная история. Но поучительная, ибо «не суйся в воду, не зная броду». Не берись писать об основных вопросах стратегии и тактики ВКП, если в них ничего не смыслишь.

4. «Левые каутскианцы» и Октябрь. Мы не можем обойти молчанием и этого вопроса, ибо он имеет большое значение. Ксенофонтов задался целью доказать (как это, впрочем, доказано было Бухариным в его лекциях в Ин—те Кр. Профессуры, появившихся затем в виде статьи в № 19—20 «Большевика»), что оценка Троцким перспектив русской революции в ее связи с революцией международной совпадает с той их оценкой, которую давал Каутский в 1917 и 1918 годах. Это совершенно правильно. Но исходя из этого благого намерения, Ксенофонтов «доказал» и слишком много и сильно приукрасил каутскианство.

Он заявляет:

«Меньшевизм, несомненно, не приемлет Октября. Но каутскианство 1917—18 гг. с известной «оговоркой» «приемлет» Октябрь» (стр. 188).

При чем, как дальше выясняет Ксенофонтов, оговорка эта заключается в гарантировании немедленного взрыва европейской революции.

Тут у Ксенофонтова две ошибки: во-первых, каутскианство противопоставлено меньшевизму вообще, как будто оно не есть одна из разновидностей (и наиболее опасная разновидность) меньшевизма.

Во-вторых, Ксенофонтов обязан был указать, что даже при условии гарантированного взрыва европейской революции каутскианство 1917—18 гг. «приемлет» Октябрь 1) только на словах (это очень существенно, в этом гвоздь!!); 2) только в чужой стране, а не в своей (одна из характерных особенностей наиболее «левых» центристов); 3) только после того, как Октябрь стал совершившимся фактом и наиболее умные из реформистов поняли, что бороться с Октябрем можно среди рабочих только

под флагом его формального признания. Без этих раз'яснений, слова о приемлемости Октября для каутскианства превращаются в прикрашивание этой разновидности меньшевизма.

Ксенофонтов понимает, что «Каутский как ренегат и об'ективно и лично, заведомо «знает», что общеевропейской революции «не будет», а потому он не идет на Октябрь». Но общеизвестно, что Каутский—«правый каутскианец». А о «левых» каутскианцах Ксенофонтов ставит вопрос иначе:

«Не допустимо ли, что «левый» каутскианец в расчете на немедленный взрыв европейской революции может даже пойти на «Октябрь», и «на второй день», в обстановке долголетнего одинокого существования рабочего государства в СССР, в обстановке стабилизации капитализма быть носителем пессимизма и брюзжания постольку, поскольку он остается по-старому на позициях каутскианства в вопросах характера русской революции»? (стр. 18 и 19, курсив мой. *Л. Ш.*).

Непосредственно Ксенофонтов имеет здесь в виду Троцкого, но он ставит вопрос в общей форме о «левом каутскианце» вообще и отвечает на поставленный им вопрос утвердительно.

Что касается Троцкого, то мы смеем утверждать, что, участвуя на руководящих ролях в Октябрьской революции, т. Троцкий, с точки зрения каутскианства вообще и левого в частности, поступал непоследовательно.

А что касается «левых каутскианцев» вообще, то, конечно, не исключена возможность, что отдельные персонажи этого рода (в качестве исключения) вполне искренно пойдут на Октябрь. Но постольку и на время своего участия в пролетарском вооруженном восстании, имеющем целью свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, они перестают быть последовательными левыми каутскианцами.

Ибо, к сведению тов. Ксенофонтова, сущность левого каутскианства состоит (или состояла в 1917—18 гг..) не в «признании» Октября в той или другой форме, с той или другой оговоркой о европейской революции или о чем-нибудь другом—все это фразы левых «каутскианцев», все это отвод глаз. Сущность левого каутскианства, его дела состояли и состоят в саботаже «извне» и «изнутри» всякой попытки пролетариата повести решительную борьбу против буржуазии, всякой попытки вооруженного восстания, всякой попытки установления диктатуры пролетариата. Поэтому, на общий вопрос: «не допустимо ли», что «левый каутскианец» в расчете на немедленный взрыв европейской революции может даже пойти «на Октябрь»?—мы отвечаем: нет. Если брать «левого каутскианца», как последовательного представителя целого течения, если брать левокаутскианских вождей «в их массе» или «в качестве общего правила»—они или будут бешено бороться против Октября или путаться в ногах у борющегося пролетариата, об'ективно помогая буржуазии подавить восстание. Мы думаем, что следующая характеристика тов. Ленина относится не только к Каутскому лично, но и вообще к каутскианским вождям, в том числе и «левым».

«Гаазе и Каутский, Фридрих Адлер и Отто Бауэр могут сколько угодно вертеться и исписывать горы бумаг и говорить бесконечные речи—им не отговориться от того факта, что они на деле обнаруживают полное непонимание диктатуры пролетариата и советской власти, что они на деле мещанские демократы, «социалисты» в роде Луи Блана и Ледрю Роллена, что они на деле в лучшем случае—игрушка в руках буржуазии, в худшем—даже прямые прислужники ее.

«Независимцы», каутскианцы, австрийские социал-демократы кажутся единой партией; на деле масса членов партии не солидарна с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном. Масса пойдет на пролетарскую революционную борьбу за советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а «вожди» останутся тогда, как и теперь, контрреволюционерами» (Ленин, т. XVI, стр. 332 и 333, курсив Ленина. *Л. Ш.*).

Тов. Ленин указывает на дела каутскианцев в отличие от бумажных уверток, «признаний» диктатуры пролетариата на словах, под давлением масс. И он говорит, что каутскианцы не пойдут на октябрь.

Неужто Бауэр—один из вождей современного левого каутскианства, к которому также относится характеристика Владимира Ильича,—пойдет на деле на октябрь только потому, что он на словах признал диктатуру пролетариата в СССР?

Неужто тов. Ксенофонтов забыл опыт 1923 г., когда германская компартия, думая, что «левые каутскианцы» (левые саксонские социал-демократы) могут «пойти на октябрь», построила на этом предположении всю свою стратегию и в первую голову поэтому проиграла дело. Ведь именно эти самые «левые каутскианцы», про которых Ксенофонтов думает, что они могут пойти на октябрь, и погубили германский октябрь в 1923 г.

Ксенофонтов поставил неверно вопрос, от правильного решения которого зависит очень многое в тактике Коминтерна. Ведь «левые каутсканцы» и сейчас существуют и в Германии, и в Австрии, и в других странах. Если наступит новая непосредственно революционная ситуация, как строить свою тактику компартиям: из расчета на левых с.-д., как на союзников в деле вооруженного восстания или как на врагов (в лучшем случае «нейтральных ренегатов»)? По-ксенофонтовски надо бы выбрать первое. По-большевистски—второе, что, конечно, не исключает лавирования и маневрирования с левыми с.-д., но что исключит повторение германских ошибок 1923 г.

Итог продвижения Ксенофонтова к власти: если бы пролетариат шел по ксенофонтовскому пути, он никогда не завоевал бы власти.

(Окончание следует).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ЯКОВЛЕВ, Я. А.—«Сельское хозяйство и индустриализация» (Доклад в Комакадемии). ГИЗ, 1927 г., стр. 64. Цена 40 к.

Настоящая брошюра тов. Яковлева, представляющая стенограмму его доклада в Комакадемии, должна привлечь внимание и вызвать глубокий интерес со стороны широкого актива нашей партии. В самом деле, брошюра затрагивает самую злободневную, самую актуальную проблему нашей экономической политики—взаимоотношение сельского хозяйства и принятого партией курса на индустриализацию страны.

Как известно, именно здесь, в разрешении этой проблемы, как отправного пункта для определения возможного темпа индустриализации, оппозиция резко и решительно разошлась с партией. Оппозиция утверждала, что принятый партией темп индустриализации «явно недостаточен», что партия не использовала всех возможностей для привлечения имеющихся в стране средств, необходимых для индустриализации, что партия ведет неправильную политику, характеризующуюся старой формулой «промышленность, не забегай», «равняйся по крестьянскому хозяйству».

Едва ли, впрочем, можно было бы что-либо возразить против доброго пожелания ускорить темп индустриализации, расширить принятую нами программу индустриализации. «Наша промышленность могла бы с удобством поглотить вдвое больше» той суммы, которая была ассигнована в 1925—26 г. на капитальное строительство, говорил т. Сталин на собрании ленинградского актива, «нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную и чем скорее, тем лучше. Но для всего этого требуются большие капиталы».

Оппозиция не удовлетворена принятым темпом индустриализации, но для того, чтобы темп ускорить, нужны дополнительные капиталы, дополнительные средства. Откуда же оппозиция думает их почерпнуть, где достать? Программа оппозиции немудрена. Нажать посильнее на крестьянина: усилить действие налогового пресса, и увеличить на 30% отпускные цены на промтовары. Тогда сельское хозяйство, страдающее, по мнению оппозиции, излишним полнокровием, скинет лишний и вредный для нее жирок, а промышленность получит дополнительно миллиард рублей для целей индустриализации. Однако, как ни «проста», как ни «немудрена» была такая программа, оппозиция не могла доказать ее экономической, а тем более политической рациональности. Мало и недостаточно «найти миллиард» для дополнительного капитального вложения в промышленность, надо еще доказать, что эта «находка» дает положительный, а не отрицательный эффект. А это можно было сделать только на основе тщательного экономического анализа, которого оппозиция не только не делала, но и упорно уклонялась произвести.

Тем больший интерес представляет брошюра тов. Яковлева, на тщательном экономическом анализе предложений оппозиции проверяющая их экономический и политический смысл или, вернее, их политическую и экономическую бессмысленность.

В основе работы т. Яковлева лежит совершенно бесспорное положение, утверждающее «наличие и закономерность органической связи сель-

ского хозяйства и промышленности, в особенности в экономических условиях нашей страны». Тысячами экономических нитей связаны между собой промышленность и сельское хозяйство, и именно в наших условиях, в условиях наличия диктатуры пролетариата пока только в одной стране, дальнейшее развитие промышленности в такой же мере обусловливается развитием сельского хозяйства, как и последнее—первым. Уже настоящий год «дает нам возможность проверить силу этой связи по линии сельскохозяйственного сырья. На общем фоне роста сельского хозяйства этот год вскрыл ряд тревожных симптомов, над которыми следует задуматься. Мы имели в этом году на ряду с большим ростом хлебных и кормовых культур, падение технических и специальных культур и задержку в развитии животноводства». В потребляющем районе снижается посевная площадь под картофелем на 2,9%, а под льном на 3,4%. В производящем районе посевная площадь под подсолнухами сократилась на 6,1%, а под кукурузой—на 17,8%. «На Сев. Кавказе на ряду с особо сильным ростом хлебных товарных культур, происходит особо сильное сокращение интенсивных культур (посевн. площ. под подсолнухами сокращается в 1926 году до 84,1% площади 1925 г.)». На Украине площадь под кукурузой уменьшается на 20,2%, под подсолнухами—на 26,2%, по сравнению с 1925 г. и т. д.

Такие же тревожные показатели дает и животноводство. «По потребляющей полосе происходит общее сокращение всех видов продуктивного скота, особенно крупного рогатого скота (до 92,2% от 1925 г.); сокращаются и овцы, и козы, и свиньи. Особо сильно сокращение крупного рогатого скота в Центрально-Промышленной области (в 1926 г.—86,6% от 1925 г.)». Примерно, та же картина наблюдается и в производящей полосе и на Украине.

Как должны будут отразиться эти регрессивные явления на промышленности? Достаточно сказать, что «отрасли промышленности, работающие на сельскохозяйственном сырье, дают, по исчислениям ВСНХ, больше третьей части всей продукции нашей промышленности»! Достаточно одного этого напоминания, чтобы понять, что сокращение специальных и технических культур, сокращение животноводства означает вместе с тем и сокращение, сужение необходимой для промышленности сырьевой с.-х. базы. И развивающаяся наша промышленность, вместо того, чтобы все больше освобождаться в отношении сырья от капиталистического хозяйства, оказывается вынужденной все большее место в импортном плане уделять сырью. И если в прошлом году «ввоз с.-х. сырья для нашей промышленности составил около четверти всего импорта», то в будущем году «согласно ориентировочного основного импортного плана, ввоз сырья составит больше 40% всего импортного плана. Сырье загружает импортный план, сырье занимает то место, которое можно было бы отдать оборудованию. В итоге некоторых регрессивных явлений в с.-х. этого года мы имеем такое положение, что отрасли промышленности, производящие 35% всей годовой продукции промышленности, встретились в этом году с рядом новых затруднений в виду недостатка сельскохозяйственного сырья». Наконец, сокращением посевных площадей отдельных с.-х. культур, как, например, подсолнуха, создается «прямая угроза в след. году и маслобойной промышленности и экспорту».

Таким образом, зависимость промышленности от сельского хозяйства совершенно несомненна. Только как источник сырья (мы уже не говорим о с. х., как потребителе продукции промышленности) сельск. хоз. влияет на промышленность и непосредственно и через импортно-экспортные операции, сокращая в условиях падения специальных и технических культур

и животноводства экспортные планы и тем самым сокращая возможности ввоза оборудования и требуя в импортных планах большего места сырью за счет оборудования, за счет ввоза средств производства.

О чем, однако, говорят все эти явления нашей экономической жизни? Прежде всего, о том, что для проведения в жизнь принятого партией плана индустриализации надо «во что бы то ни стало увеличить импорт оборудования. Для этого надо разгружать импорт от сырья—это значит развивать сырьевые отрасли сельского хозяйства». А, во-вторых, усилить экспорт. Но этого «мы не сможем достигнуть без форсирования развития животноводства и специальных отраслей сельского хозяйства». И в том и в другом случае разрешение проблемы индустриализации оказывается связанным соответствующим развитием сельского хозяйства. «Интересы промышленности требуют определенного типа развития сельского хозяйства в сторону увеличения значения в этом хозяйстве специальных и технических культур сельского хозяйства и животноводства». Если это условие не будет соблюдено, если роль сельского хозяйства, как поставщика сырья для промышленности, будет падать, если сельск. хоз. будет уменьшать свою роль в нашем экспорте, если импорт будет загружаться сырьем, то все разговоры об индустриализации останутся только пустыми и праздными «разговорами», под шум которых план переделки из страны аграрной в страну индустриальную будет фактически сорван.

Между тем наличие этой связи, этой взаимозависимости и взаимообусловленности, этого совпадения интересов сельского хозяйства и промышленности является характерной особенностью экономической платформы оппозиции. Увлеченная своей «сверхиндустриалистской» теорией, оппозиция проглядела эту «особенность» нашего экономического развития; окрыленная своими «успехами» в поисках новых «миллиардов» для капитальных вложений в промышленность, она не заметила, что «сверхиндустриализация» на словах означает срыв какой бы то ни было индустриализации на деле.

В самом деле, проведение плана индустриализации требует такой политики в отношении крестьянства, в отношении сельского хозяйства, которая обеспечивала бы усиленное развитие необходимых для нее источников с.-х. сырья, расширение рынка сбыта промышленной продукции. Обеспечивает ли создание этих необходимейших предпосылок для индустриализации предложение оппозиции усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность путем повышения налогового обложения крестьянства и повышения на 30% отпускных цен на промтовары? Конечно, нет. И не только не обеспечивает, но и подрывает в основе самую возможность осуществления курса на индустриализацию. Что это именно так, а не иначе, говорит тщательный и добросовестный экономический анализ предложений оппозиции, проделанный тов. Яковлевым.

Где границы экономической и политической рациональности перекачки крестьянских накоплений в промышленность? Вот тот основной вопрос, на который т. Яковлев дает ответ в своей брошюре-докладе. Совершенно очевидно, говорит т. Яковлев, что «эта граница определяется тем, что и сама промышленность заинтересована в таком темпе развития сельского хозяйства, который не задерживал бы развития самой промышленности. Из'ятие средств, которое повлекло бы такую задержку развития сельского хозяйства, что была бы бита в конечном счете сама промышленность, явно бессмысленно и с точки зрения интересов промышленности». В этом разрезе, очевидно, должна быть дана оценка и предложений оппозиции об увеличении, усилении из'ятия дополнительных средств из сельского хозяйства.

Рассмотрим, прежде всего, вопрос о границах из'ятия по сельско-хозяйственному налогу. Как известно, «новый с.-х. налог построен на основе принципа постепенного увеличения норм из'ятия дохода по мере увеличения дохода хозяйства. Колебание норм из'ятия дохода законом установлено от 2% дохода для хозяйств, у которых доход на едока до 20 руб., до 18,62% дохода у хозяйств, имеющих доход от 190 до 200 рублей на едока и т. д., вплоть до 25% из'ятия у наиболее мощных крестьянских хозяйств». В ряде же случаев «по закону этого года налогом изымается до 30 и выше % фактического дохода». Если же к этому прибавить, что 47% всего с.-х. налога уплачивается 15% хозяйств, имеющих около 25% облагаемого дохода, т.-е. около 150 миллионов, то мы имеем все необходимые данные для оценки предложения оппозиции о повышении с.-х. налога. «Если положение таково, — говорит т. Яковлев,—что мы теперь у кулацких групп изымаем даже по наркомфиновскому исчислению до 25% дохода—то разумеется, что увеличение налога (тем более на сумму в 200—300 миллионов) означает фактическое предложение из'ять у этой группы почти весь доход». Таким образом, на деле оппозиция предлагает возвратиться к методам военного коммунизма «конфискации, к прямому раскулачиванию, к прямой ликвидации имеющихся кулаков» и некоторой, наиболее зажиточной части середняков, хотя в прямой форме она этого не говорит, стараясь пустыми фразами отделаться от существа дела.

Но это предложение также в корне подрывает всякий стимул в крестьянском хозяйстве к какому бы то ни было накоплению а, следовательно, и к культурному росту, к интенсификации сельского хозяйства. А это в свою очередь означает не что иное, как к у р с н а с р ы в и н д у с т р и а л и з а ц и и, ибо не может развиваться промышленность без с.-х. сырья, требующего определенного культурного уровня сельского хозяйства и без крестьянского спроса на продукты промышленности, в свою очередь зависящего от накоплений в крестьянском хозяйстве.

По сути дела, такой же смысл имеет и другое предложение оппозиции—повышение на 30% отпускных цен продуктов промышленности. Анализ этого предложения оппозиции, проведенный тов. Яковлевым, совместно с тт. Дволайцким и Баевским, представляет особенный интерес. Где здесь, в вопросе цен на продукты промышленности, граница возможного из'ятия крестьянских накоплений?

В 1925—26 году крестьянство продало продуктов сельского хозяйства и купило продуктов промышленности на 2.600 млн. рублей. Но в то время, как индекс крестьянских доходов по исчислению контрольных цифр был 1,46, сами крестьяне покупали промышленные товары вне крестьянского производства по индексу 2,4. Таким образом, по сравнению с ценами довоенного времени крестьянство «переплатило в 1925—26 г. городу, вследствие существования «ножниц», 1,041 млн. червонных руб. «Если бы осуществилось предложение оппозиции о повышении отпускных цен на 30%, если бы (а иначе и быть не может) это повышение вызвало повышение розничных цен на 30%, то сумма «переплат» крестьянства городу на «ножницах» поднялась бы до 2 миллиардов рублей».

Нужно ли говорить о том, какой экономический и политический эффект имели бы эти предложения оппозиции? Усиление налогового обложения на 200—300 миллионов рублей и повышение отпускных цен промтоваров на 30% не только лишили бы крестьянство каких бы то ни было накоплений, не только свели бы на-нет все экономические завоевания Октябрьской революции для крестьянства, не только в корне сорвали бы наш курс на индустриализацию страны, но и привели бы нас к крупнейшему экономическому и политическому конфликту с крестьянством,

к разрыву того союза с ним, который является основой существования диктатуры пролетариата, непременным условием успешного социалистического строительства.

Так, на примере экономической платформы оппозиции мы еще раз можем убедиться, как левые фразы прикрывают самое правое дело, как «фразы» о «сверхиндустриализме», об усилении индустриализации страны, ускорении нашего движения к социализму, на деле ведут к срыву индустриализации, к срыву дела социалистического строительства в нашей стране.

Несомненный интерес представляет VIII глава настоящей работы т. Яковлева: «Несколько справок о расслоении деревни». Вопреки утверждению представителей оппозиции, что основной и характерной особенностью нашего сельского хозяйства является сильная дифференциация деревни, что кулаков у нас чуть ли не пятая часть всех крестьянских хозяйств, тов. Яковлев на основе статистических и фактических данных приходит к следующему выводу, к характеристике того основного, что происходит в деревне: «Основное заключается в общем сдвиге вверх, благодаря которому продвигаются в середняцкие группы значительные слои бедняцких или ослабленных середняцких хозяйств (это не означает, конечно, ослабления дифференциации—она растет на базе повышенного общего уровня»). «Процесс роста сельского хозяйства есть в настоящее время в основном процесс под'ема бедняцких хозяйств и процесс укрепления середняцких хозяйств на середняцкой еще основе, и только в небольшой пока еще верхней прослойке это есть вырастание середняка в кулака».

В общем работа т. Яковлева, показывающая на конкретном анализе экономический и политический смысл предложений оппозиции, вскрывающая всю их утопичность и вздорность, должна будет сыграть свою роль в деле дальнейшего разоблачения новоявленных спасателей партии и страны от «гибели».

Из недостатков брошюры нужно отметить следующее: не могли не оказать известного влияния на настоящую брошюру форма изложения (стенографированный доклад) и некоторая спешность ее издания. Замечается иногда литературная неотделанность, неудачность отдельных формулировок. Последнее может быть иллюстрировано следующим: в главе VIII т. Яковлев утверждает, что аграрная революция (направленная против кого? Очевидно, против помещиков,— т.-е. революция буржуазно-демократическая. *К. Р.*) у нас еще не закончилась, мотивируя это тем, что бедняк еще не «освоил» полученную им землю. Что бедняк полученную им землю еще не «освоил»—это совершенно бесспорно, но неверен отсюда вывод о незаконченности аграрной буржуазно-демократической революции. Национализацией земли, ликвидацией помещичьего землевладения аграрная буржуразно-демократическая революция была закончена. Несколько преуменьшены т. Яковлевым, на наш взгляд, и размеры тех экономических выгод, которые получило крестьянство в результате Октябрьской революции.

Ведь экономические завоевания крестьянства, приобретенные ими в результате Октябрьской революции, выражались не только в уничтожении арендных и выкупных платежей и сокращении налогов, но и в общем увеличении доходности крестьянского хозяйства в связи с переходом в руки крестьянства бывшей помещичьей, монастырской, частновладельческой земли и т. под.

Работа т. Яковлева, несмотря на некоторые указанные недочеты (не могущие, впрочем, поколебать основных ее выводов) должна быть рекомендована всем тем, кто захочет ознакомиться с экономическим и политическим смыслом экономической платформы оппозиционного блока.

РЕЙСНЕР. М. — «Право (Наше право, Чужое право, Общее право)». ГИЗ. 1925 г.

Идеологические шатания ряда наших теоретиков-«марксистов» далеко не ограничиваются рамками внутрипартийной дискуссии, они пробиваются и в область социальных наук, как: экономической политики, общего учения о государстве, теории права и философии вообще.

Яркий пример того, как эти шатания отражаются в теории права и государства, представляет рецензируемая работа проф. М. Рейснера «Право (Наше право, Чужое право, Общее право)». Задачи настоящей рецензии показать те ликвидаторские выводы о советском праве, к которым пришел и неизбежно должен был притти проф. Рейснер, поскольку он стоит на почве неверных, немарксистских методологических предпосылок.

При беглом взгляде на эту работу у читателя может создаться мнение, что она представляет интерес лишь для крайне ограниченного круга лиц,—философов права. Но это далеко не так.

Еще т. Ленин, восставая против философии Маха и Авенариуса, которую Богданов пытался «согласовать» с марксизмом, писал: «... За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» [1]). Следовательно, и вопросы чисто философского порядка не должны ускользать от нашего партийного внимания.

В книге М. Рейснер — «Право» в основном трактуется проблема «междуклассового», «компромиссного» права, построенного на принципах «примирения» и «соглашения». Что же касается проблемы советского права, изложенной в главах VII—IX, то она представляет лишь частный вывод из общих принципов «общего» «междуклассового» права.

Исходя из основной предпосылки, что «... правом делает право вовсе не государственное принуждение или классовый интерес господствующего класса» [2]), М. Рейснер, как «юрист по профессии», на основании сопоставления цитат из историков права второй половины XIX века (Поста, Дареста, Мэпа, Ковалевского и др.), при помощи формально-логических умозаключений приходит к выводу об образовании «общего» [3]), «лишенного как, с одной стороны, государственного вмешательства, так, с другой—классового интереса господствующего класса» [4]) права еще в недрах первобытного, догосударственного общества.

Необходимо отметить, что теория о первобытном праве вообще, ярым защитником которой является М. Рейснер, крайне проблематична и вызывает ряд основательных возражений. Здесь, конечно, не место подробно останавливаться на этом вопросе, так как он носит сугубо теоретический характер. Отметим лишь, что даже те авторы, на которых ссылается М. Рейснер, как М. Ковалевский, имели достаточную осторожность, применяя особый «термин эмбриологии права» [5]).

«Род,—пишет М. Рейснер,—является первоначальной ячейкой правовой защиты» [6]), а «... с внешней стороны род противостоит другим родам, как некоторая международная единица, и разрешает споры с ними

[1]) Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм». ГИЗ, 1920 г., стр. 365.
[2]) М. Рейснер, «Право», стр. 40.
[3]) Там же, стр. 71.
[4]) Там же, стр. 41.
[5]) Пост, «Зачатки госуд. и правовых отношений, стр. 3.
[6]) М. Рейснер, «Право», стр. 63.

тем путем, которым и сейчас решают свои конфликты независимые организации» [1]). При разрешении междуродовых конфликтов, по М. Рейснеру, «свое» право одного рода сталкивается с «чужим» правом другого рода, а из сочетания «своего» и «чужого» образуется новое «общее» право, которое соответствует интересам обоих родов.

«Таким путем за первым правом обиженного рода и за противоположным ему вторым правом обидчика явилось новое третье право— право, установленное посредником, которому первоначально без всякого государственного содействия, свободно и добровольно подчинялись обе стороны» [2]).

«Общее правило найдено» [3]),—восклицает в восторге автор.

Из этого мы с очевидностью можем заключить, что М. Рейснер перед собою имел не реальные общественные силы, отличающиеся своеобразным качественным различием, а лишь абстрактные понятия: свое, чужое, общее... Таким образом, из абстрактных понятий при помощи формально-логического метода (формальных построений понятий и суждений без надлежащей оценки по существу) и была сфабрикована теория «общего» права.

Сказанное относится не только к одному родовому строю. По мере развития и распада родовых отношений «междуродовое право,—рассуждает М. Рейснер, пользуясь тем же методом,—сменилось междуклассовым правопорядком» [4]). Это новое «междуклассовое» право, по учению М. Рейснера, образуется из сочетания права противоположных классов на основе компромисса, примирения, соглашения и т. д.

Здесь та же формальная логика, та же абстракция. Странным является лишь одно, как это «марксист» из-за абстракций не замечает реальности содержания.

Чем же характеризуется это «новое», открытое М. Рейснером, «междуклассовое» право?

«Оно,—говорит автор о праве,—с первых своих шагов работает при помощи компромисса» [5]). «В отличие от власти,—продолжает он,—право отличается характером примирения и компромисса» [6]), так как «социальной функцией права является соглашение и компромисс» [7]). Исходя из этого, можно сказать, что «всякая система права с этой точки зрения есть компромисс» [8]). «...Сотрудничество классов,—цитирует автор мысли по своему другому труду «Государство»,—завершается идеологическим об'единением» [9]).

Совершенно очевидно, что между точкой зрения марксизма и точкой зрения М. Рейснера должна быть проведена самая резкая грань.

Прежде всего, обратим внимание на классовый характер права и соответствие его интересам господствующего класса. Говоря о праве буржуазного общества, К. Маркс пишет: «Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и т. д.... Ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса...» [10]), а под этими

---

1) Там же.
2) Рейснер, «Право», стр. 70.
3) Там же, стр. 71.
4) Там же, стр. 246.
5) Там же, стр. 195.
6) Там же, стр. 195.
7) Там же, стр. 196.
8) Там же стр. 184.
9) Там же. стр. 32.
10) К. Маркс и Ф. Энгельс, «Ком. ман.», стр. 41.

законами «скрываются те или другие буржуазные интересы» [1]). Даже такие явления, как фабричное законодательство, сокращение рабочего дня в основном соответствуют интересам господствующего класса, так как «собственный интерес капитала как будто указывает ему на установление нормального рабочего дня» [2]), ибо буржуазия сама, как класс эксплоататоров, заинтересована до известной степени в ограждении рабочего класса от чрезмерной эксплоатации для сохранения процесса воспроизводства необходимой рабочей силы, капитала и капиталистических отношений вообще.

Следовательно, в буржуазном обществе имеется не «общее» право, а право господствующего класса. Этим, конечно, мы ничуть не отрицаем необходимости политической борьбы и завоеваний рабочего класса. «Установление нормального рабочего дня,—пишет К. Маркс,—явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим» [3]), «... продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом» [4]). Таким образом, не «соглашение» и «компромисс», а непрерывная классовая борьба, не «сотрудничество классов», а непримиримость классовых противоречий [5]).

Это необходимо уяснить.

Этим исчерпывается и вопрос о так называемых «уступках». Господствующие классы, идя на известного рода уступки, в основном имеют в виду свои классовые интересы, сохранение всей системы отношений своего государства.

Яркую иллюстрацию этого дает т. Ленин в анализе фабричного закона 1897 г., в котором он при помощи ряда конкретных цифровых выкладок показал, что уступка в смысле уменьшения рабочего дня еще по существу не обозначает нарушение интересов господствующего класса. В данном конкретном случае господствующий класс выиграл [6]).

На рассуждения о «сотрудничестве» и «примирении» классов следует обратить особое внимание.

«Сотрудничество классов, вместо классовой борьбы, есть политика предательских вождей эксплоатируемых классов» [7]). «Каутский, — говорит Ленин,—стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии» [8]), но «...массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эсеров, перешли на сторону большевиков, то-есть отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и т. п.» [9]). Спрашивается: не преподносит ли М. Рейснер нам те же идеи? Напомним лишь ему, что путь этот скользкий, так как он заводит далеко в дебри мелкобуржуазной идеологии.

В своей книге «Государство и революция» т. Ленин пишет: «У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит,—сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса,—что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган клас-

---

1) Там же. стр. 33.
2) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 247.
3) Там же, стр. 252.
4) Там же, стр. 283.
5) Ленин, «Государство и революция» (Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 300—301).
6) См. Ленин, «Новый фабричный закон» (Собр. соч.. т. I).
7) Ztucka, «Pár pilsonisko demokratiju uz padomju varu», стр. 8.
8) Ленин, «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (Собр. соч. т. XV, стр. 481).
9) Там же, стр. 482.

сового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов» [1]). По мнению же М. Рейснера, эту социальную функцию примирения классов и выполняет право [2]). Так что мелкобуржуазное течение, оппортунизм в области учения о праве и государстве свое дальнейшее завершение находит в теории М. Рейснера.

Перейдем к следующему вопросу выдвинутой проблемы, к вопросу о советском праве.

Рассуждая последовательно, на основании предыдущих положений, автор делает дальнейшие логические выводы относительно советского права. По мнению автора, мы имеем «междуклассовое право в республиках Советов» [3]). Это «междуклассовое право» Советских республик представляет собой «юридически некоторый компромисс трех классовых систем права» [4]), то-есть пролетариата, крестьянства и буржуазии. «Советское право,—поясняет он дальше,—таким образом, есть сложный правопорядок, в состав которого входят крупные отрезы социалистического права рабочего класса и его классовое пролетарское право. Таково господствующее положение пролетарского права в силу диктатуры пролетариата. Следующее место занимает классовое крестьянское право, воплощенное в земельном кодексе с его преобладанием коллективной собственности. Лишь на третьем месте стоит классовое право буржуазии с ее гражданским кодексом в рамках торгового оборота. Но в одном отношении буржуазия может еще торжествовать свою идеологическую победу. Наш государственный социализм, благодаря капиталистическому окружению, пользуется рынком, как аппаратом распределения, и в виду этого во многих случаях советский порядок сохраняет формы буржуазного индивидуалистического права» [5]). Выводы, к которым приходит автор из указанного соотношения правовых систем трех классов Советских республик, крайне печальны.

«Мертвые кости воскресли! Мы положительно захлебываемся в праве и правовой идеологии» [6]),—тревожно восклицает автор. «Перед революцией,—откровенно сознается он,—я думал, что право могло бы быть использовано нами, как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и *замедления мировой революции* (курсив наш. *А. С.*), я склонен стать на противоположную точку зрения. Меня весьма страшат наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков даже на основе пролетарской диктатуры» [7]).

«В рамках наших условий право есть громадный аппарат умиротворения и примирения, который делает возможной наличность диктатуры пролетариата в крупно- и мелко-капиталистическом окружении, как во внутренних, так и внешних отражениях, но, с другой стороны, то же право может стать реакционной силой, которая закрепит переходный период в его нэповской форме сверх всякой действительной необходимости, даст простор буржуазному праву в об'еме, который может нанести серьезный ущерб пролетарскому интересу и этим или замедлит

1) Ленин, «Государство и рев.» (Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 301).
2) М. Рейснер, «Право», стр. 196.
3) Там же, стр. 209.
4) Там же, стр. 222.
5) Там же, стр. 244.
6) Там же, стр. 36.
7) Там же, стр. 35.

ход «врастания» в коммунистическое общество или сделает *необходимой новую революцию* (курсив наш. *А. С.*) для освобождения пролетариата от незаметно в'евшихся буржуазных сетей» [1]).

Вот все, что мог сказать ученый о перспективе советской власти.

Мы, конечно, понимаем, что значит быть начеку, предвидеть трудности нашего строительства. Но не об этом только речь идет у М. Рейснера. В его пессимистическом тоне звучит нечто другое... Система его мыслей, его логика приводит к более тяжелым настроениям, к неверию в строительство социализма. Это—закономерный результат непонимания особенностей нашего строительства, непонимания всей сложности и сочетания конкретных социальных сил и их динамики. От темпа развития и широты размаха строительства новой жизни, новой советской государственности в нашей стране у профессора кружится голова и он бьет «тревогу», что путь этот опасен, т. к. он в перспективе упирается в «новую революцию».

М. Рейснер, во всяком случае, считает себя марксистом и не прочь поэтому ссылаться на Ленина для доказательства своих положений. Не безынтересно проследить, как понимает он Ленина.

«Задолго до декларации прав были уже обнародованы II Всероссийским с'ездом декреты, в которых заключается самый подлинный союз между рабочими и крестьянами», так как «подобно пролетариату и крестьяне пришли в революцию со своим классовым правом» [2]). Из этого видно, что основной предпосылкой «междуклассового права» Советских республик, по М. Рейснеру, является рабоче-крестьянский союз. Пользуясь формально-логическим, юридико-догматическим методом, к выводам М. Рейснера можно прийти из следующего ряда умозаключений. Пролетариат и крестьянство—классы; между пролетариатом и крестьянством, по Ленину, возможен союз; следовательно, между классами возможен союз. Если между классами возможен союз, то допустимо его распространение над всеми классами данного общества, в том числе и над буржуазией. Так формальная логика автора приводит его в лоно оппортунизма.

Как же смотрел т. Ленин на данный вопрос?

«Диктатура пролетариата есть *особая* (курсив наш. *А. С.*) форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся..., союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии... Это—*особого* (курсив наш. *А. С.*) вида союз...» [3]).

М. Рейснер, как видно, не понимает своеобразности этого союза по существу, союза состоящего только из трудящихся против эксплоататоров, против буржуазии. «Кто не понял этого,—скажем словами Ленина,—читая «Капитал» Маркса, тот ничего не понял у Маркса, ничего не понял в социализме, тот на деле филистер и мещанин, слепо плетущийся за буржуазией. А кто понял это, тот не даст себя обмануть фразами о «свободе» и «равенстве», тот будет думать и говорить о *деле*, т.-е. о конкретных условиях *сближения* крестьян с рабочими, *союза* их против капиталистов, *соглашения* их против эксплоататоров, богачей и спекулянтов» [4]). Ведь надо помнить, что основной особенностью этого союза является то, что пролетариат в нем остается *гегемоном*, руко-

1) М. Рейснер, «Право», стр. 224.
2) Там же, стр. 215.
3) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 241.
4) Там же, стр. 240.

водителем. Следовательно, и организация этого рабоче-крестьянского блока, по сути дела, исходит из интересов рабочего класса, пролетарской революции и пролетарского государства. В этих вопросах, конечно, при помощи формальной логики не разобраться.

«Отделываться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т.-е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого «Бернского» или желтого Интернационала, в роде Каутского, Мартова и К⁰» [1]).

Далеко ли от Каутского и К⁰ по этому вопросу ушел автор рецензируемой книги? Как видно, нет.

Что же касается господства, «торжества» буржуазного права и «необходимости новой революции», то теория М. Рейснера подошла очень близко к взглядам Устрялова, по мнению которого «советское государство становилось похожим на редиску: будучи красным лишь снаружи, внутри оказывалось белым, как снег» [2]) и «...превращается по своему социальному существу в «буржуазную», собственническую страну» [3]).

Ясное дело, что, имея в виду такую перспективу, революционер М. Рейснер может посоветовать лишь «новую революцию»...

Вот в кратких чертах основная система мыслей, которая, своеобразно преломляясь через академический формализм, приводит к оппортунизму чистейшей воды.

Идея Оссовского, по утверждению которого советское государство «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей» [4]), ибо из его положения вытекает, что всякое государство ведет «не классовую, а межклассовую, надклассовую политику» [5])—была, как видит читатель, предвосхищена еще в 1925 г. в рецензируемой книге о «Праве».

А. К. Стальгевич.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 241.
[2]) Цитирую по книге Бухарина «Цезаризм под маской революции» стр. 13.
[3]) Там же, стр. 15.
[4]) Оссовский, «Партия к XIV съезду», «Большевик», № 14, стр. 59.
[5]) Слепков, А., «Платформа оппозиционного ликвидаторства» (там же стр. 85).

Письмо в редакцию.

Дорогой товарищ редактор!

Прошу не отказать поместить нижеследующее письмо в редактируемой вами газете.

За последние месяцы текущего года появился в печати целый ряд речей, статей и брошюр, в которых содержатся неправдивые указания о моей деятельности в октябре—ноябре 1917 года. Некоторые из ложных утверждений о моей роли в октябрьском перевороте вошли даже в учебник (сборник «Рабочая оппозиция», материалы и документы. Составил М. Зоркий, с предисловием Е. Ярославского, одобренный Гусом). Это неправильное изображение заставляет меня предупредить учащуюся и рабочую молодежь, а также и всех партийцев, прорабатывающих «материалы об уклонах в ВКП(б)» о неправильном изложении авторами октябрьских событий и моей роли в них.

Первую неправду обо мне высказал т. Бухарин на собрании актива ленинградской организации 28 июля 1926 г. Говоря об «идейных истоках» оппозиционного блока, т. Бухарин заявил, что «в числе октябрьских дезертиров был и т. Шляпников; он тоже ушел с поста в октябрьские дни» [1]).

Ту же неправду обо мне пишет и т. Ярославский в ряде статей и в своей брошюре «Рабочая оппозиция» [2]), в которой говорит, что «партия боролась и окрепла в борьбе с такими товарищами, как Шляпников, будущий вождь рабочей оппозиции, который в самую трудную минуту вышел из Совета Народных Комиссаров и заявил, что слагает с себя ответственность за гибельную политику Ленина и ленинской большевистской партии, так как не верит в силы рабочего класса». Это утверждение т. Ярославского так же, как и ссылка тов. Бухарина, неверно от начала до конца. Я никогда не отказывался от партийных обязанностей, не уходил с постов в октябрьские дни и никогда не был дезертиром.

В октябре 1917 г. я принимал участие в целом ряде заседаний ЦК с активными работниками того времени, высказывался за взятие власти, за организацию восстания и голосовал за него. По линии союза металлистов принимал участие в проведении этих решений ЦК в жизнь.

Все ссылки тт. Бухарина и Ярославского на мое дезертирство не соответствуют действительности и являются результа-

---

[1]) См. брошюру «Партия и оппозиционный блок». Речи тт. Рыкова и Бухарина, стр. 87.
[2]) См. брошюру: Е. Ярославский, «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая Правда», изд. Молодая Гвардия. Стр. 6.

том неправдивого использования неточно изложенных в некоторых произведениях печати фактов и документов того времени. Поводом к их обвинению меня служит нижеследующий документ:

«В ЦИК СР и СД и в Совет Народных Комиссаров.

Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров.

Народный Комиссар Торговли и Промышленности В. Ногин.
Народный Комиссар по Внутренним Делам А. Рыков.
Народный Комиссар Земледелия В. Милютин.
Народный Комиссар по Продовольствию И. Теодорович.

Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения; но считаю недопустимым сложить с себя ответственность и обязанность [1]). Народный Комиссар Труда А. Шляпников.

К настоящему заявлению присоединяются:
Комиссар Путей Сообщения Д. Рязанов.
Комиссар по Делам Печати Н. Дербышев.
Комиссар Государственных Типографий И. Арбузов.
Комиссар Красной гвардии Юренев.
Завед. Отд. Конфликтов и Мин. Труда Гр. Федоров (Пред. Раб. Секции).
Завед. Отд. Законод. Предп. Комиссар Гр. Ю. Ларин».

Этот документ был подписан числа 2 ноября и мною, но с определенными ограничительными указаниями, что, подписывая его, я присоединился лишь к «оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения», но в то же время заявлял, что «считаю недопустимым сложить с себя ответственность и обязанность». Так в подписанном документе и сказано, а тт. Бухарин и Ярославский это мое заявление совершенно забыли и упустили [2]).

Из этого документа видно, что я соглашался с инициаторами заявления лишь в вопросе о «необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий». В условиях того времени для меня речь шла о вхождении в состав «Временного рабоче-крестьянского правительства» левых социалистов-революционеров, как представителей революционного крестьянства. Левые соц.-революционеры имели тогда влияние в массах, что особенно наглядно видно по составу ВЦИК тех дней. Наших товарищей, с.-д. большевиков было тогда 62 члена, левых с.-р. 29, а к остальным фракциям (интернационалисты, украинские социалисты и максималисты) принадлежало всего 10 человек. Правые с.-р. и с.-д. меньшевики ушли со II с'езда советов и тем самым поставили себя против советов и об'явили себя противниками власти советов.

Я был сторонником соглашения с левыми социалистами-революционерами по двум причинам. Самой важной причиной, по которой я был сторонником соглашения, на данной стадии революции, с левыми социалистами-революционерами, было сознание необходимости соглашения с революционным крестьянством, которое в то время шло за левыми с.-р., а наше влияние в деревне еще было слабо. Крестьянские с'езды на местах в большинстве шли за левыми с.-р. Открывшийся в те дни (11 ноября) С'езд Советов Крестьянских Депутатов был наглядным тому подтверждением. Из более чем 260 делегатов с'езда 110 были членами фракции левых с.-р., 40 беспартийных крестьянских делегатов их поддерживали, не считая 50 делегатов, сторонников правых с.-р. Наших сторонников было всего 40 человек и 15 человек украинцев нам «сочувствовали».

Второй причиной, побудившей меня отстаивать соглашение с левыми с.-р., было стремление разбить интриги всех наших противников, изображавших нас просто «захватчиками власти» за спиной советов, не считавшимися с другими советскими партиями. На этой струне «захвата власти» только одной нашей партией играли все прочие партии, все интернационалисты, максималисты, левые с.-р., не говоря уже о прямых врагах. Эта агитация находила отклик и в рабочей среде, в частности в среде передовых рабочих-металлистов Питера. Соглашение с левыми с.-р. выбивало почву из-под этой агитации и разоблачало врагов советской власти.

За такую линию соглашения с левыми с.-р. ЦК нашей партии, по предложению В. И. Ленина, командировал меня на с'езд для бесед с крестьянскими делегатами.

В том же ноябре состоялось соглашение нашего ЦК с ЦК левых с.-р., которое я считал тогда необходимым и правильным. Вслед за этим произошло и слияние Крестьянского Совета с Советом Р. и С. депутатов в лице действовавшего тогда ВЦИК II с'езда советов.

Как произошло подписание мною документа, я рассказал еще в 1922 году, и всякий товарищ, интересующийся правдой, может найти это в № 10 «Пролетарской Революции». Там подробно описано мое участие в этом деле, до сих пор никем не опровергнутое. Вот что писал я тогда по этому поводу: «В начале ноябрьских дней я был вызван от имени тт. Каменева, Зиновьева и Рыкова в Смольный, в кабинет, который ранее занимал президиум петербургского совета, в частности Н. С. Чхеидзе. Придя туда, я нашел группу товарищей, в глубоком возбуждении обсуждавших и подписывавших какое-то заявление. Собиранием подписей занималась О. Д. Каменева. Мне об'яснили, что вопрос о соглашении окончательно потерпел крах в Центральном Комитете, а поэтому товарищи решили сооб-

---

1) Эта оговорка появилась в газетах того времени в виде сноски. *А. Ш.*

2) Поскольку тов. Ярославский ссылается на документ, приведенный в книге т. Троцкого „1917 г.", считаю необходимым отметить, что т. Троцкий опубликовал этот документ неполностью, без моего примечания, имеющегося в оригинале.

щить фракции ВЦИК о своем отношении и уходе с ответственных постов. Я заявил им о своей солидарности в вопросе о соглашении, но сказал, что решительно протестую против отказа от работы. Свою подпись дал с оговоркой, что согласен лишь с политической оценкой момента, но отнюдь не согласен покидать работу, и что заявление, само собой разумеется, пойдет только в партийном порядке и не для прессы. Предупредил товарищей, что на фракции ВЦИК буду решительно возражать против ухода от работы. Я очень сожалел тогда, что не сумел прежде выяснить подробно от В. И. Ленина, как стоял вопрос в ЦК, положился исключительно на информацию лишь части членов ЦК. Кажется, в тот же день было совещание фракции ВЦИК, на котором я отмежевался от уходивших, но выразил свое согласие в вопросе о необходимости временного соглашения с левыми социал-революционерами. Заявление это попало в буржуазную печать, которая сделала из него большую шумиху»[1]).

Все сказанное мною легко подтверждается фактами и подлинными документами. Любой питерский металлист, член правления союза, член делегатских собраний того времени знает, что я дезертиром не был.

Я не покидал постов ни в октябре 1917 г., ни позже. В частности в октябре—январе 1917—18 г., я, по поручению ЦК и по предложению председателя Совнаркома В. И. Ленина, выполнял работу в двух наркоматах: Н. К. Труда и Н. К. Торговли и Промышленности, не говоря о других поручениях партийного, советского и союзного порядка. А кто организовал тогда вместе с профсоюзами борьбу против саботажа? Одних этих фактов достаточно, чтобы опровергнуть возводимое на меня обвинение в отказе от работы и несении ответственности за политику партии.

Прошу всех товарищей, читающих и изучающих «уклоны в ВКП(б)», принять к сведению вышеизложенные мои об'яснения, а авторов брошюр, речей и статей, содержащих неправду обо мне, прошу исправить допущенные ими ошибки.

С коммунистическим приветом *А. Шляпников.*

P. S. Просьба ко всем газетам, поместившим вышеуказанные статьи, напечатать и настоящее письмо.

Москва, 10 ноября 1926 г.

---

[1]) См. „Пролетарская Революция" № 10 за 1922 г.

По поводу октябрьских колебаний и ошибок.

(Ответ редакции „Большевика" т. А. Шляпникову).

Давая место «письму в редакцию» т. Шляпникова, редакция «Большевика» не может умолчать о некоторых странностях об'яснения т. Шляпниковым крупных ошибок, относящихся к октябрю 1917 г., в которых т. Шляпникова обвиняли тт. Бухарин, Ем. Ярославский и другие. Всем известно, что тов. Шляпников выступает в печати, как историк 1917 года. Эта его роль историка пролетарской революции обязывает его, прежде всего, к очень большой точности и внимательному отношению к историческим документам вообще. Что же мы имеем на деле? Тов. Шляпников обвиняет тт. Бухарина, В. Л. и Ярославского в том, что их ссылки на поведение т. Шляпникова в октябрьские дни 1917 года «не соответствуют действительности и являются результатом неправдивого использования неточно изложенных в некоторых произведениях печати фактов и документов того времени».

Так ли это? Пусть судит читатель.

Тов. Шляпников признает, что он был в октябре 1917 г. согласен в политической оценке момента с тт. Каменевым и Зиновьевым. Именно эта-то неправильная оценка и толкала ведь этих товарищей на ошибочные, вредные шаги, вела к критике лозунга восстания и проч. Прочтите обращение этих товарищей «к Петроградскому, Московск., Моск. Обл., Финляндск. Обл. Комитетам РСДРП, бюро фракции ЦИК и бюро фракции с'езда Советов Сев. Области». На вопрос о том, «что же дальше?», эти товарищи дают ответ:

«Мы глубочайше убеждены, что об'явить сейчас вооруженное восстание—значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции... Шансы наши на выборы в Учредительное Собрание превосходны... За нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом... Международный пролетариат будто бы уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, не так... Поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться оборонительной позицией». По мнению этих товарищей, непосредственного революционного настроения не было ни в рабочем классе, ни у солдат. Поэтому эти товарищи считали, что было бы безумием брать власть в условиях октября 1917 г. «Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения», писали они 11/X—1917,—за две недели до восстания.

Вот эта-то оценка политического момента и легла в основу подписанного т. Шляпниковым заявления. Не трудно видеть—и это доказал и своем ответе Ленин в «Письме к товарищам» (см. собр. соч., т. XIV, ч. 2),—что эта оценка («капитализм еще силен, пролетариат слаб, предпосылок для немедленной пролетарской революции еще нет,—большевистская политика восстания гибельна») ничего общего с большевизмом не имеет, что это есть полуменьшевистская оценка. И эта оценка пошла в подписанный т. Шляпниковым после-октябрьского переворота документ.

Теперь несколько справок по поводу документа.

В центр. органе нашей партии «Правде», № 182 от 20(7) XI 1917 г., напечатано в отчете о заседании ЦИК Советов 2-го созыва:

«От имени группы народных комиссаров товарищ Ногин делает следующее внеочередное заявление:

«Мы, нижеподписавшиеся, полагаем, что прочная и твердая власть может быть построена только на основе коалиции всех социалистических элементов страны, что правительство, сильное поддержкой одной лишь партии, может удержаться у власти лишь путем террора и устрашения; считаясь далее с невозможностью при данной обстановке провести в жизнь нашу мысль, слагаем с себя обязанности народных комиссаров» (Курсив наш. *Редакция*).

Под этим документом имеется, в числе других, и подпись т. Шляпникова. Давал ли т. Шляпников подпись под этим документом? Очевидно, давал, если не опроверг в той же «Правде» тогда же, что он давал подпись. По крайней мере, нам неизвестно, чтобы т. Шляпников этот документ опроверг. Обязан был т. Шляпников опровергнуть его, если он неправилен? Конечно, обязан был, если бы даже он и не собрался писать историю 1917 года. Имели ли право тт. Бухарин и Ярославский считать этот документ правдивым? Ясно, что у них не было ни малейшего основания сомневаться в его достоверности и подлинности.

В 1918 году весною вышел сборник документов, относящихся к октябрьскому перевороту: «Архив Революции 1917 г. Октябрьский переворот. Факты и документы. Составил А. Попов, под редакцией и со вступительной статьей «Ход революции» Н. Рожкова. Петроград. 1918 г.». В этом сборнике на стр. 408 и напечатан целиком, без всяких оговорок со стороны т. Шляпникова и за его подписью (в числе других) документ, цитируемый т. Троцким в т. III, ч. 2, его сочинений: «1917» (год). Больше того. Подпись т. Шляпникова в этом документе стоит перед припиской: «К настоящему заявлению присоединяются», после которой идут подписи других товарищей. Получается впечатление, что т. Шляпников принял участие и составлении этого документа. Заканчивается этот документ фразой: «Нести ответственность за эту политику (т.-е. ленинскую. *Редакция*) мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров». Где, когда т. Шляпников опротестовал, опроверг этот документ, в общем выражающий то же самое отношение, что и напечатанный в «Правде» от 20(7),

XI, 1917 г.? А если его не опроверг т. Шляпников, имели ли право считать его правильным тт. Бухарин и Ярославский? Очевидно, имели полное основание.

Правда, т. Шляпников в пятилетний юбилей Октября по-
местил в «Пролетарской Революции» (№ 10. Октябрь, 1922 г.)
статью «К Октябрю», в которой излагает «историю» этого доку-
мента приблизительно так, как он теперь излагает ее в своем
письме в редакцию. Мы сейчас не касаемся содержания этого
документа по существу. Но ведь после этой статьи тов. Шляп-
никова, другой историк 1917 года т. Троцкий, поместил
в своем «1917 годе», на стр. 355 «приложение 13-е» совершенно
то же самое заявление, что и в указанном сборнике
документов об октябрьском перевороте 1917 г., вышедшем в
1918 г. под ред. Рожкова. Оспорил ли т. Шляпников этот доку-
мент? Нет и нет. Книга т. Троцкого вышла в 1924 г. Тов. Троц-
кий в своих «Уроках Октября» предлагал по этим документам,
у него в книге напечатанным, изучать историю октября. А
другой историк октября, т. Шляпников, умолчал о том, что
этот документ неточен, неправилен. Имели ли право тт. Бухарин,
В. Л., Ярославский и другие цитировать, как они его сделали,
документы, приведенные в книге т. Троцкого? Неужели они обя-
заны были не верить неопровергнутым документам? [1]). Чем же
об'ясняется, что т. Шляпников не опровергал до сих пор прямо
эти документы? Чем об'ясняется, что он девять лет молчал
о заявлении, напечатанном в «Правде», в лет о документе в
«Архиве Революции 1917 г.» и 2 года о документе, напечатан-
ном у т. Троцкого, и так быстро реагировал на выступления
тт. Бухарина, В. Л. и Ярославского? Редакция имеет основание
думать, что ни сам т. Шляпников, ни вся партия не видели
сколько-нибудь серьезного различия в действиях т. Шляпникова
и других товарищей, подписавших это заявление. Не совсем,
поэтому, соответствует действительности, по мнению редакции,
об'яснение, даваемое теперь т. Шляпниковым, почему он
подписал это заявление.

Но как же, в самом деле: была ли сделана тов. Шляпнико-
вым оговорка на документе, о которой он рассказывает? Оче-
видно, была сделана. По крайней мере, редакция «Большевика»
проверила теперь по тексту, напечатанному в органе Моск.
Комитета нашей партии «Социал-Демократ». Там в № 202 от
7(20) ноября 1917 г. напечатано в том виде, как его приводит
т. Шляпников «заявление группы комиссаров».

Как же все это об'яснить?

Тов. Шляпников об'ясняет все тем, что тогда он стоял за соглашение с левыми эсерами.

Так ли это?

Пусть тов. Шляпников, историк, проверит по докумен-
там, и он убедится, что он не прав. В то время работала при-

[1]) В присланной в редакцию «Большевика» копии письма т. Троцкого
т. Шляпникову т. Троцкий об'ясняет, что, вероятно, т. Ленцнер или кто-нибудь
другой, участвовавший в редактировании III тома его сочинений и подборе
материалов, допустил ошибку, и ссылается на то, что он лично «не имел
никакой возможности проверять текст документов, при-
ложенных к III тому». Ясно, что цитировавшие этот документ по книге
т. Троцкого тт. Бухарин, В. Л. и Ем. Ярославский находились не в лучшем
положении, чем т. Троцкий, в смысле возможности проверять текст докумен-
тов, приложенных к сочинениям т. Троцкого.

мирительная (согласительная) комиссия, в которую входили представители всех социалистических партий (в том числе меньшевиков и правых эсэров), а также «Викжеля» (т.-е. полукадетской организации). 3-го ноября эта комиссия пред'явила ультиматум: ЦИК 2-го с'езда Советов должен быть заменен Временным Народным Советом из ЦИК 2-го созыва, старого Совета Крест. Деп., Московской и Петроградской городских дум—то-есть штаба контрреволюции. Меньшевики—Абрамович и Мартов—потребовали от имени своей партии немедленного перемирия и прекращения террора (никакого террора с нашей стороны еще не было), что означало на деле—дать свободу действий Чернову, который организовывал тогда своё, контрреволюционное, правительство в ставке.

4-го ноября та же «примирительная» комиссия настаивала на создании коалиционного правительства от народных социалистов (т.-е. почти кадетов) до большевиков, ответственного перед органами, об'единяющими все части демократии, то-есть в том числе «Комитет Спасения Родины и Революции».

Вот о чем шла тогда речь, тов. Шляпников, а вовсе не о таких, сравнительно, невинных вещах, как соглашение с левыми эсэрами.

На эти предложения наш ЦК, конечно, не мог пойти и не пошел, соглашения с этими элементами, а вовсе не с левыми эсерами, требовал ультиматум.

А когда наш ЦК отказался от такого соглашения, т. Шляпников подписал документ, который, как ни толкуйте его теперь, был тогда отказом от большевистской линии.

Пусть судит теперь читатель, имели ли право тт. Бухарин и Ярославский указать на ошибочную и вредную линию т. Шляпникова на другой день после октября, когда он осуждал, как неверную линию ленинцев, когда он заявлял, что не может вступить на путь террористического подавления контрреволюции? Пусть судит читатель—вполне ли соответствует действительности то об'яснение, которое дает т. Шляпников в «письме в редакцию».

Кстати, не об'яснит ли т. Шляпников заодно, как историк, такой документ, тоже относящийся к истории октября 1917 г. года.

Открытое письмо Исколастрелу.

Несмотря на категорическое воспрещение со стороны с'езда Большого Совета Солдатск. Депутатов XII армии каких бы то ни было передвижений войск с фронта [1]), передвижение это все-таки продолжается. Мало того, передвигаются исключительно латышские части. Последнее обстоятельство и заставляет нас, полномочных представителей XII армии, обратиться к Вам, как представителям латышских полков, с нижеследующим открытым письмом.

Мы считаем это продолжающееся передвижение войск совершенно недопустимым. Оно нарушает тот нейтралитет нашей армии по отношению к происходящим событиям, который установлен только-что состоявшимся с'ездом нашей армии.

Помимо этого, оно дезорганизует как всю армию, так и самих передвигающихся. Ведь передвижение полков происходит в неорганизованном виде, почти без офицеров, при чем часть солдат разбредается, производит бесчинства на железных дорогах, а в отдельных случаях даже насилия над личностью и имуществом беззащитных граждан. Происходит распад революционной армии. Но опасное само по себе, грозя началом гражданской войны, это передвижение, поскольку оно ограничивается национальными полками, грозит еще большими бедствиями. Ибо это передвижение, несомненно, возбуждает национальную рознь в среде XII армии—армии, до сих пор бывшей наиболее организованной. Начатое, может быть, в самых лучших, самых революционных целях, оно на деле приводит к контрреволюционным результатам, ведет к началу гражданской войны в пределах армии, к дезорганизации частей революционной армии, к возбуждению национальной розни.

Учитывая и предвидя все эти последствия, Армейский Комитет, в качестве полномочного органа всей XII армии, обращается к Вам, товарищи из Исколастрела, с категорическим и непреклонным требованием: немедленное прекращение дальнейшего передвижения взятых с фронта латышских полков, немедленное возвращение их обратно, немедленное, наконец, водворение в этих полках революционного порядка и революционной организации.

Во имя спасения революции, во имя спасения страны и защищающей ее армии, Вы должны выполнить это требование и, надеемся, исполните. Армейский Комитет, от лица всей XII армии, ждет от Вас ответа, товарищи, и немедленного ответа.

Временный Исполнительный Комитет XII армии

Председатель: *С. Медведев*

М. Лихач.

Секретарь: *А. Сперанский.*

(Открытое письмо напечатано в газетах: «Рижский Фронт» и «Дело Трудового Народа» от 5 ноября 1917 года).

Этот документ также не был, насколько нам известно, опровергнут г. Медведевым, хотя письмом к солдатам XII армии в газетах «Рижский Фронт» и «Окопная Правда» тов. Медведев отрекся от своей подписи на ряде телеграмм временного Искосола XII армии, указав, что его подпись была поставлена на этих телеграммах без его ведома и согласия.

А ведь этот документ напечатан был в право-эсэровской газете «Дело Трудового Народа» 5(22) ноября 1917 года, когда было известно, что XII армия стремится оказать помощь революции, что революционные латышские (и не только латышские) части снялись, чтобы помешать Керенскому получить помощь с фронта, когда Духонин сообщал Керенскому, что на XII армию совершенно положиться нельзя. Правда это или нет, что на этом документе подпись т. Сергея Медведева была рядом с подписью правого эсера Ли-

[1]) Мы здесь не касаемся того, что такого постановления Сов. Солд. Деп. XII армии не было. *Ред.*

хача и призывала XII армию соблюдать нейтралитет по отношению к революции?

Конечно, авторы речей и статей, касавшиеся поведения т. Шляпникова в 1917 году, должны принять во внимание об'яснение т. Шляпникова, как и приводимые в настоящем ответе редакции факты, чтобы в дальнейшем дать более точную картину этого, еще недостаточно освещенного и изученного, периода нашей истории.

Редакция.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.